

Annotation

Текст печатается по изданию: Руа, История рыцарства, сочинение, С.-Петербург, 1858 г. перевод с французского Г. Веселкова. Текст сохранен в редакции 1858 г.

- [История рыцарства](#)
 - [Происхождение рыцарства. Европа в X и XI столетиях](#)
 - [Воспитание рыцарей. Пажы и оруженосцы](#)
 - [Посвящение в рыцари](#)
 - [Рыцарское вооружение](#)
 - [Гербы, девизы и военный клич](#)
 - [Странствующие рыцари](#)
 - [Военные подвиги или предприятия](#)
 - [Турниры, их происхождение, уставы, устройство, приготовления к ним и обряды](#)
 - [Большие турниры. Раздача наград](#)
 - [Герольдмейстеры, герольды, их помощники и всадники](#)
 - [Нравы и обычаи рыцарства](#)
 - [Права и преимущества старого рыцарства. Разжалование, наказания. Погребение рыцарей](#)
 - [Дуэли или судебные поединки](#)
 - [Особенные бои Дюгесклена, Баярда. Бой тридцати](#)
 - [Рыцарские ордена](#)
 - [Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
-

История рыцарства

Происхождение рыцарства. Европа в X и XI столетиях

О происхождении рыцарства писали многие; одни относят его появление к эпохе первых крестовых походов, другие же к временам более отдаленным. Шатобриан объясняет, что оно возникло в начале VII столетия. Не приводя здесь рассуждений по этому предмету, мы представим вкратце состояние Европы в ту эпоху, когда рыцарство начало видимо оказывать свое благотворное влияние. В это только время оно нас занимает и восхищает, теряя свой интерес потом: вместе с успехами просвещения, право сильного, которое одно только могло укрощать злоупотребления, сменилось восстановленным порядком и могущественным действием законной власти. Но прежде чем достигнуть этой эпохи, необходимо обозреть более трех веков варварства и мрака. «К счастью проходишь эту длинную и утомительную пустыню под прикрытием любезного и блестящего рыцарства. Это превосходное учреждение, это дивное усилие энтузиазма и добродетели, которое в наше время кажется только благородным безумством, было однако же во времена анархии дополнением к законам и защитой самых дорогих прав; оно было опорой вдов и сирот, прибежищем слабых, ужасом для разбойников; словом, оно было даром, который небо ниспослало на землю, чтобы удержать на ней в эти времена опустошений влияние добрых начал».

Вторжение варваров, в продолжение многих веков наводнявших Европу, поглотило в своих волнах все остатки римского просвещения. Законы, литература, искусство, памятники — все погибло в этом наводнении. Явился Карл Великий; гений его поставил плотину разрушающему потоку; но когда не стало его мощной руки, чтобы поддержать начатое им дело, поток с еще большей силой возобновил свое течение. «X век представляет ужасное соединение невежества, грубости и суеверия: науки буквально скрылись в монастыри, которые сделались их убежищем; монахи — только их хранители, но не истолкователи; искусства пали под безобразной формой нескольких готических сооружений; нравственное состояние общества в таком же жалком и отчаянном положении; всеобщая грубость нравов дошла до высшей степени; приятное обращение, изящный вкус, все связи и сношения, украшающие жизнь, как будто покинули общество».^[1]

Новые варвары, известные под именем норманнов, покрывают своими бесчисленными ладьями все берега океана и проникают по течениям рек во внутренность земель, внося с собой повсюду грабеж, убийства и пожары. «Великая империя, основанная Карлом Великим, разлагается, и тогда же возникает громадная революция, преобразующая древний мир в мир феодальный. Герцоги, графы, виконты овладевают замками, городами, провинциями, вверенными их начальству. Личное рабство, исчезая мало-помалу, заменяется зависимостью крепостной. Так в недрах древней монархии возникает новая система, которая под именем феодализма образует иерархию верховных владельцев, вассалов и подвассалов, связывает с ними все классы, все личности, от монарха — высшего властителя — до крепостного земледельца».^[2]

Во всей Европе действует одна причина, совершаются одни события: монарх только по имени глава религиозной и политической аристократии.

Вместе с феодализмом, этим союзом мелких деспотов, неравных между собой и имевших друг к другу разные обязанности и права, но пользовавшихся в своих собственных владениях, над своими непосредственными подданными, безусловным произволом, явились — ненависть, порождаемая неравенством состояний, опасности, возникающие от своеволия, опустошения, происходящие от ссор между соседями, — и потому все испытывало постоянное присутствие насилия.

«Бросим взгляд на Европу: она растерзана всеми этими кровавыми распрями. Что видно на этих землях? Поля кое-где лишь обработаны, долины и равнины затоплены, горы и холмы покрыты старым темным лесом; тут же воинственные жилища владельцев, с укрепленными зубчатыми башнями, и в соседстве с ними хижины рабов, прикованных к земле, возделывающих пашни своих господ. Замки почти всегда строились в местах, удобных для защиты: или на вершине горы, крутой и неприступный склон которой делал невозможным нападение, или возле потока, который, размывая глубокие пропасти, приготовил естественный ров для построенной на его берегах крепости. Издалека виднелись эти воинственные убежища, возвышаясь над самыми высокими местами; казалось, они хотели поработить всю природу».

Замки состояли обыкновенно из широких круглых или четырехугольных башен с зубчатыми платформами; иногда к башням приставлялись огромные камни, поддерживавшие бельведеры. Эти башни были особенным уделом дворянства, так что, желая выставить величие какого-нибудь дворянина, говорили: *у него есть башня*.^[3]

Из башен замка, одна, меньшая по объему, возвышалась значительно над другими; слуховые окна были у нее на всех четырех сторонах. Эта башня, называвшаяся сторожевой, служила местом наблюдений. Здесь на двух брусках висели набатные колокола, в которые били тревогу, заведя неприятеля в окрестностях, чтобы предупредить жителей о его приближении. При этом сигнале крестьяне оставляли работу и собирались в замок защищаться под начальством своего владельца. На сторожевой башне всегда был караульный. Он трубил в рог на утренней заре, чтобы собирались на работу; он же особенным криком подавал сигнал, когда в замке случались воровство или убийство. Крик этот повторялся каждым из вассалов, чем вовремя предупреждался побег виновного.

Крепкие башни замка соединялись между собой зубчатыми галереями или флигелями с разнообразными окнами, амбразуры которых показывали толщину стен и парапетов.

Окна были или круглые, или четырехугольные; им давали иногда форму глаз, ушей, трилистника; ставни делались из холста. Палисады, рвы, бойницы и амбразуры в стенах защищали вход в жилище феодального владельца. Потайные входы, бойницы, проходы, калитки, висячие на железных цепях перекладки, низкие подземные двери со скрытым в сыром глинистом грунте порогом, водоемы и мосты без перил, шум невидимых вод, глухо журчавших под мрачными сводами, — все внушало опасение в этих необычайных местах и оправдывало народные сказания соседних деревень. Комнаты в замках были дурно расположены: беспрерывно попадались мрачные комнатки, обширные покои с кроватями шириною сажени в полторы, плохо запиравшиеся большие залы, где паук свободно прятал свои легкие ткани, где летучая мышь летала вокруг столбов, подпиравших потолки; в пыльных углах галерей приученные собаки подстерегали мышей и крыс.

Камины были так громадны, что целые дубы сгорали в них зараз, в одну топку. Владелец, его семья, оруженосцы и все домочадцы могли свободно греться у камина, ставить шахматный стол, лиру, арфу, пьелы и даже маленьких пажей, руки которых служили мотовилом прелестным кузинам (*aux belles cousines*). Иногда верх этих огромных очагов украшался копьями и алебардами; чаще же над ними были скульптурные изображения — рельефы и гербы хозяина жилища. Когда дурная погода не позволяла заседать во дворе замка, величайшая из зал, украшенная оружием и знаменами, обращалась в место суда и расправы. Владелец самовластно произносил свои приговоры, свои несвязные, сбивчивые, варварские постановления, создаваемые весьма часто по капризу и выгодам деспота,

которые разнообразились, смотря по подсудности этих верховных владельцев, похитителей самого дорогого и священного из прав, права суда над имуществом и жизнью людей.

Охота была самым обыкновенным и почти единственным занятием владельцев в мирное время. Сопровождаемые своими ленниками и домашними служителями, они проводили в лесах по целым неделям, охотясь весь день, а ночью засыпая в палатках или шалашах.

С искусством и особенным старанием занимались они вынашиванием ловчих птиц, которых выучивали схватывать на лету добычу охотника. Они держали голубятника, дербничка,^[4] орла и ястреба; но сокол по своему полету, своей смелости и той легкости, с которой он вынашивается, стал особенно дорог дворянству: в глазах дворянства право владеть им считалось особенным преимуществом. Не только на охоте, но и в гостях, в путешествиях, даже в церкви во время службы, владельцы и дамы носили эту любимую птицу, украшенную погремучками и кольцами. Рука, на которой сидел сокол, была обыкновенно в перчатке, вышитой бусами и камнями.

Сокол был в таком почете, что дворянин или владелец, попавший в плен, не мог пожертвовать соколом для своего освобождения, а между тем закон позволял ему выкупать свою свободу двумястами невольников. Похититель сокола наказывался наравне с убийцей раба, и владельцы до того дорожили исключительным правом охоты, что во времена варварских законов, ограждавших эту привилегию, в глазах их убить человека было преступлением более простительным, чем убить оленя или кабана.

Между тем молодые дочери владельца изучали свойства растений, годных к лечению болезней и в особенности ран, весьма обыкновенных в эти времена непрерывных и неизбежных войн. Они собирались со своими матерями и прислужницами в особенном покое замка, вроде терема; стены терема зимой покрывались циновками и тростником, а летом украшались зеленью и цветами; там женщины занимались работами шерстью, забавляя себя песнями или рассказами о битвах и подвигах рыцарей.

Замки были окружены полями, предназначенными самой природой на плодородие; но вместо обработанных полей и хорошо устроенных дорог, здесь виднелись только болота и равнины, пересеченные кое-где насыпями, и леса с просеками, а по сторонам дороги — столбы, виселицы и другие орудия смерти и пытки.

При въезде в лес, при переправе через реку, на рубеже феодала, на краю пропасти, около каждого замка, путешественник, предоставленный самовластным приказаниям владельца, подвергался платежу самой

высокой, самой причудливой и весьма грубо вымогаемой пошлины. Перевозившие дорогие товары на лошадях или в телегах вынуждены были брать конвои, платить за них страшно дорого, и между тем подвергались грабежу того же самого конвоя, который должен был бы их защищать; часто по приказанию владельца, товары эти переносились в его вертеп.

«Посреди этих печальных памятников тирании и грустного рабства, появлялись трогательные символы евангельской религии, которая осушила столько слез, облегчила стольким бремя и утешила стольких в несчастье. Крест Спасителя воздвигался на распутье несчастными рабами. После той страшной картины, которую представляла опустошенная Европа, радуешься, взирая на этих несчастных: под гнетом бедствий они прибегали к священному знамени и иногда около дерева спасения находили убежище, недоступное тиранству владельца».^[5]

Описав сельский быт таким, каким он был со времени пресечения династии Меровингов до воцарения Людовика Святого, мы перейдем к городам.

Вельможи жили почти всегда в своих укрепленных замках, а двор пребывал часть года в увеселительных дворцах, любимых государями, так что только два класса — священнослужители и ремесленники — населяли города.

Эти города, окруженные более или менее крепкими оградами и построенные или на вершине гор, или на берегу рек, состояли из узких улиц, неправильных, темных, лишенных свежего воздуха и солнечного света. Вдоль этих смрадных улиц, почти всегда не мощеных, нечистых и запруженных, посреди которых слонялись многочисленные стада свиней, тянулись в беспорядке грубые мазанки; площади обстраивались балаганами ярмарочных торговцев.

Почти всегда ремесленники одного ремесла и купцы, торговавшие однородным товаром, жили на одних и тех же улицах. Купцы или ремесленники, вступая в товарищества, находили в союзе защиту против притеснений. Чтобы придать такой гарантии больше могущества, они принимали характер религиозный, составляя из своего товарищества богоугодное братство, которое имело свой устав, свою хоругвь и своего покровителя. На эти товарищества и братства надо смотреть, как на зачатки общин и гражданства.

При отсутствии полицейского управления на отдаленных улицах

случались такие же разбои, как и по дорогам в уединенных лесах. Вот почему жители должны были подчиняться двум, по-видимому, противоположным постановлениям. Они обязаны были в известный час выходить из дома не иначе, как с зажженными смоляными факелами, и в известный же час, смотря по времени года, после удара колокола, гасить огонь в домах. Запирая двери, жители тушили свои очаги и выходили из дома только по необходимости. На улицах в дождливое время бывала такая грязь, что по ним можно было только ездить верхом или ходить на ходулях. Сырость была так велика, что ржавчина покрывала железо на дверях и окнах. Смрадные испарения порождали и распространяли страшные болезни, известные под именем повальных, преимущественно проказы, самую страшную из всех, от которой зараженный умирал два раза. В самом деле, прокаженный объявлялся умершим, лишался права на наследство, брак его расторгался, справляли его похороны и, прежде чем он умирал действительно, его заточали в отдаленный квартал, где никто не мог иметь с ним сношений.

Это короткое описание дает понятие, что такое были Франция и остальная Европа в X, XI и XII веках. «Франция, говорит Шатобриан, была тогда федеративная аристократическая республика, признававшая над собой бессильного главу. Эта аристократия была без народа, всюду было только рабство, граждане еще не родились, работники и купцы принадлежали монастырским и господским мастерским, средние собственники еще не появились, так что эта монархия (аристократия по праву и имени) на самом деле была демократией, потому что все члены этого общества были равны, или думали, что они равны. Трудно себе представить, говорит тот же автор, какую гордость внушало феодальное правление: самый ничтожный владелец считал себя равным королю. Аристократия была притеснителем общей свободы и врагом королевской власти».

Сколько несправедливости, насилия, жестокости производилось безнаказанно человеком сильным и честолюбивым против беспомощного! Беда семейству, утратившему своего главу, если сыновья не достигли еще возможности защищать мать, сестер и самих себя. Часто тогда враг семейства, и обыкновенно честолюбивый и злой сосед, не встречая препон своей ненависти и мстительности, отнимал у вдов и сирот отцовское наследие. Счастливы были они, когда сами не попадали в руки своего грабителя и когда находили убежище и заступничество у другого владельца, родственника или союзника. Тогда-то воин, тронутый их несчастьем, возмущенный несправедливостью, жертвами которой они

были, клялся отомстить за них, а настойчивость и мужество побуждали его исполнить клятву. Благородное самопожертвование возбуждало благодарность и удивление всех, преимущественно женщин, нуждавшихся, по своей слабости, в покровителе могучем и мужественном. Пример, похвалы прекрасного пола мужеству, желание отличиться блистательными подвигами воспаляли сердца молодых дворян, и они с нетерпением ожидали того возраста, когда им дозволялось опоясаться мечом, сразиться копьем, словом обратиться в рыцаря. Таким образом феодализм вызывал личную храбрость, а опасности, среди которых жили в то время люди, требовали энергии и характера. Тогда оружие было в игрушку, турниры — препровождением времени, война ремеслом, а общество — настоящим полем битвы.

Если рассматривать рыцарство как обряд, по которому молодые люди, назначенные к военной службе, получали право носить оружие, то придется отнести его к эпохе Карла Великого и даже гораздо ранее. Этот государь, вызвал своего сына, Людовика Добродушного, из Аквитании, торжественно препоясал его мечом и дал ему воинское вооружение. Таких примеров было много во времена Меровингов. Можно бы даже проследить начала рыцарства и в германских геллейтах. Но если рассматривать это учреждение, как звание, которое занимало первое место в военном сословии и которое давалось посредством инвеституры, сопровождавшейся некоторыми религиозными и военными обрядами и торжественной клятвой, то в этом смысле оно возникло не ранее XI века. Только тогда французское правительство вышло из хаоса, в который погрузили его как волнения, следовавшие за пресечением Карловингов, так и беспорядки, причиненные набегами норманнов. Чем сильнее зло во времена политического перелома и анархии, тем оно продолжительнее, и тем более возвращение к порядку становится всеобщей потребностью. По этому ко всему, что только может способствовать удовлетворению этой потребности, привязываются страстно и восторженно. Благодарность и энтузиазм воодушевляли великодушных воинов, вооружавшихся для восстановления столь желанного порядка и для наказания разбоя некоторых злых владельцев.

Религия, видя в рыцарях защитников веры, опору слабого и бедного, смотрела с тех пор на рыцарство, как на священное воинство, достойное благодати небесной. С тех пор католическая церковь придала больше величия и важности этому героическому учреждению, освящая прием в рыцари своей пышной обрядностью. Рыцари, со своей стороны, при мысли о священном характере, в который их облакали, удвоили ревность и

мужество, а народ возымел к ним больше уважения. Государи ежедневно учились более ценить людей с неизменным величием души; и благодарность, и политика требовали от них чествования такого ордена, который был и оружием, и защитой, и украшением трона.

Вот как рыцарство достигло той степени славы, которой домогались даже короли, славы скоро возросшей до чудесного. Она настала в то время, когда отважный путь крестоносцев усилил степень энергии и всех рыцарских доблестей и открыл новое поприще для удальцов.

Рыцарство распространяет вокруг себя волшебную прелесть, которая занимает, привязывает и обольщает; с ним забывается отсутствие искусств и литературы; можно сказать, это луч просвещения, который пробивается и блещет среди мрака варварства. Трубадуры идут с ним рядом, ибо во все времена и у всех народов подвиги и поэзия были неразлучны; их наивная и простая муза поет удальство, честь и любезность; она славит умирающих и вдохновляет живущих.

Обозрев первые века средней истории, неожиданно и как бы волшебством приходишь к той достопамятной эпохе, когда начинают развиваться все добрые свойства и когда рождается эта любезная обходительность, которая едва сохраняется между нами, несмотря на нашу образованность.

Уже одно описание вежливости, мужества и великодушия этих удальцов, употреблявших оружие только на защиту угнетенных и на успокоение общества, ставит в наших глазах рыцарство в число лучших человеческих учреждений. Оно тем более заслуживает внимания, что проникло в самую сущность общественных отношений.^[6]

Женщины были в большем или меньшем рабстве у всех народов Востока и Африки. Законодательства Греции и даже Рима оставили много примеров этого рабства, и унижения, из которого женщины вышли в Римской империи только с введением христианства, указавшего человеку его настоящее достоинство и обратившего жену из рабы в подругу. Столь великое преобразование с большей или меньшей быстротой обнаружилось в разных краях Европы. Особенно же обозначилось это у потомков галлов, германцев и северных народов, которые смотрели на женщину, как на существо, наделенное даром пророчества и нравственной силой, как на создание высшее, чем мужчина. Все думы, все сердечные движения рыцарства связаны с этими верованиями, и от этого союза родилась великодушная любовь и верность, очищенная религией и нисколько не похожая на грубую страсть. Как только рыцарь избрал себе особу, которой со временем надлежало быть его подругой, он старался заслужить ее

уважение своими подвигами и доблестями. Желание ей понравиться было новым возбуждающим средством, удваивавшим его храбрость и заставлявшим его презирать величайшие опасности. Но храня ненарушимую верность к даме своего сердца (*la damme de ses pensees*), он обязан был почтением и покровительством ко всем прочим особам слабого и столь часто угнетаемого пола. Если бы не рыцари, готовые всегда вооружаться на защиту женщин, то они не были бы в силах удержать за собой свои имущества и не имея возможности защищать свою оскорбляемую невинность, слишком часто лишались бы собственности и подвергались бы клевете. Одна из основных статей рыцарского устава состояла в том, чтобы не злословить на женщин и не позволять этого никому в своем присутствии.

Итак Бог, честь и женщина стали девизом всех рыцарей, достойных защитников отечества. Эти магические слова сияют на их роскошных и воинственных празднествах, в их воинских играх, в торжественных собраниях удалцов и красавиц, в их вымышленных сражениях, в великолепных турнирах, которые размножались и на которых честность приобретало такое значение, храбрость — столько рукоплесканий, вежливость — столько лавров, нелицемерная любовь — столько милых вознаграждений — шарфов и эмблем.

Рыцарству же обязаны мы сохранением вассальской верности и простоты, которые красили человека в то время, когда одно слово считалось ненарушимым залогом в важнейших договорах. Из всех преступлений самыми гнусными считал рыцарь ложь и вероломство; они клеймены его презрением и позором.

Блестящие подвиги заслужили рыцарям почетные отличия. Им давали разные титулы: *don, sire, messire, monseigneur*; они могли восседать за одним столом с королями; они одни имели право носить копья, броню, золоченные шпоры, двойные кольчуги, золото, шлемы, горностаевые и беличьи меха, бархат, красное сукно; они ставили флюгера на своих башнях. По вооружению рыцаря узнавали издали. Ограды ристалищ, мосты замков опускались пред ним. Везде ему был любезный, услужливый, почтительный прием, на который он отвечал ласково, скромно, вежливо.

Вежливость и обходительность, назначение которых смягчать суровость ратника, особенно предписывались рыцарским уставом и лежали в основе воспитания молодежи, жаждавшей рыцарского звания.

Воспитание рыцарей. Пажи и оруженосцы

Чем более рыцарство приобретало славы, значения и блеска, тем сложнее делался прием молодых кандидатов, жаждавших вступить в это благородное звание. Только родовой по отцу и матери дворянин, достигший 21 года, мог попасть в рыцари. Но одного дворянского происхождения было далеко недостаточно; необходимость требовала строгим и суровым воспитанием с самых юных лет приготовиться к перенесению воинских трудов, необходимо было основательное изучение всех рыцарских обязанностей. Долгими испытаниями на низших степенях поступавшему следовало доказать, что его мужество и доблесть в состоянии поддержать честь и славу сословия, в которое он желал поступить.

Пажи. Воспитание лица, предназначенного в рыцарское звание, начиналось с детства; игры и занятия ребенка должны были развивать в нем воинственный дух. Вооруженный колом, имитирующим копье, и воображая каждое дерево врагом, он сражался с частоколом родового поместья, и испытывал таким образом рождающуюся силу для будущих воинских успехов. Зима особенно способствовала подобным забавам: собрав товарищей-однолеток, он сооружал из снега укрепления и башни, осаждал или оборонял их, и под рукой его рассыпались снежные ограды.^[7] *В таких играх уже пророчили молодцу то высокое звание, которое Бог и счастье уготовят ему в свое время.*

Семи лет ребенок переходил из женских рук в мужские, и за начальными уроками под родительским кровом дворянство, по заведенному обычаю, отсылало своих детей к главнейшим рыцарям, с которыми считалось в дружбе или родстве. Их советы и пример составляли истинное и окончательное воспитание, называвшееся *доброй снедью* (bonne nourriture). Особою честью для себя считал рыцарь, когда отец поручал ему довершить образование сына.

Расставаясь с сыном, иногда на долгие годы, отец благословлял его и высказывал при этом свои последние наставления. Они заключаются в следующем извлечении Маршанжи из разных авторов:

«Любезный сын, — говорил поседевший в честной службе старый дворянин, — полно быть домоседом, пора поступить тебе в школу подвигов, ибо всякий молодой дворянин покидает родительский кров, чтобы получить доброе воспитание в чужой семье и сделаться сведущим во всяком учении; но, Бога ради, храни честь; помни, что ты сын и не

обесчести рода нашего; будь храбр и скромн везде и со всеми, потому что хвала в устах хвастуна есть хула; кто во всем полагается на Бога, того и възыщет Бог. Я припоминаю слова одного пустычника, который меня поучал; он говорил мне: гордость, если бы она была во мне, истребила бы все, хотя бы я обладал всеми царствами Александра, хотя бы был мудр, как Соломон, и храбр, как троянский герой Гектор. В собраниях говори последним и первым бейся в бою; хвали заслуги твоих собратьев: рыцарь умалчивающий о доблестях собрата — грабитель его.

Любезный сын, еще прошу тебя — будь кроток и добр к низшим; они възблагодарят тебя сторицей против высших, получающих все, как должное им по праву; низший почтен будет твоей обходительностью и сделает тебя повсюду именитым и славным».

В минуту разлуки мать юноши дарила ему связанный ею в зимние вечера кошелек с небольшими деньгами, и затем повязывала на шею сына издавна хранимый ею ковчежец с мощами, чтобы предохранить его от заговора, напасти и порчи.

Юноша уезжал верхом на парадной лошади, в сопровождении старого служителя. По прибытии в замок своего патрона, он получал звание пажа или валета. Обязанности этого звания не заключали в себе в те времена ничего унижительного: это была услуга за услугу, хотя паж, собственно, исполнял обязанности нынешнего слуги. Пажи сопровождали патрона и его супругу на охоте, в путешествиях, в гостях, на прогулках, были на посылках и даже служили за столом Почтительно, с поникшим взором, молодой паж, повинуюсь, учился повелевать и, всегда храня глубока молчание, отвечать на вопросы умно. Помогая камергеру, он обязан был устилать комнату своего патрона зимой соломой, а летом тростником, содержать в порядке его кольчуги и конское вооружение, готовить омовения странствующим рыцарям.

Предметом первых уроков пажа была религия, уставы которой он не только должен был соблюдать, как и всякий христианин, но и охранять их ценой жизни и смерти. Преподавателем этого важного предмета юным пажам обыкновенно была одна из самых благородных, набожных и добродетельных дам замка. Уроки религии внушали им к священным предметам неизгладимое уважение; в то же время кротость, любезность и достоинства преподавательниц порождали в сердцах слушателей внимание и почтительность к прекрасному полу, что составляло отличительную черту рыцарства. Пример дам и рыцарей, которым пажи служили, постоянно поддерживал в них скромность и благонравие. Вот источник внешней грации, столь необходимой в общественных сношениях и которую можно

почерпнуть только в обществе. Но более всего старались развить в пажах почтение к величественному характеру рыцарства и благоговение к тем доблестям, которые возводят в это звание. Самые игры и удовольствия способствовали такому преднамеренному образованию: они заранее приучались к разнородным турнирам и вообще к рыцарским обязанностям. Так, например, они смиряли непокорных коней, бегали в тяжелых латах, перескакивали ограды, бросали дротики и приучались владеть копьем и биться с деревянным рыцарем.

Они строили иногда городки и брали их приступом; городки эти назывались именами некоторых местностей Палестины: они осаждали глиняный Вавилон, брали дерновую Антиохию, Мемфис из хвороста. Поляна снабжала их султанами, а роща — стрелами: все это было зарей их будущей славы.^[8]

Вслед за воинственными играми шли разговоры о войне, об охоте, об искусстве вынашивать птиц и дрессировать собак. Иногда учили молодого пажа играть в шахматы или петь под аккомпанемент лиры песню любви или военной славы. Наконец, соревнование, столь необходимое во всех возрастах и состояниях, усиливалось с каждым днем, или из желания перейти на службу к другому, более знаменитому и более уважаемому рыцарю, или из желания попасть в оруженосцы того же дома: часто это был последний шаг в рыцари.

Дворы и замки были превосходными школами любезности, обходительности и других доблестей не только для пажей и оруженосцев, но и для молодых девушек. Там они с ранних пор изучали свои будущие обязанности. Там развивали и совершенствовали в них грацию и те нежные чувства, для которых они созданы, кажется, самой природой. Молодые девушки учились там оказывать будущим своим мужьям те услуги, какие вправе ожидать знаменитый воин от нежной супруги. Они первые смывали с рыцарей пыль и кровь, кровь, пролитую за них же. Дамы и девицы учились ботанике и хирургии, и с горячим участием и ловкостью оказывали раненым необходимую помощь.

Оруженосцы. Чтобы показать молодежи назначение меча, — при переходе пажа в оруженосцы, когда меч впервые влагался ему в руки, — совершали религиозный обряд.

Отец и мать, или воспитатели, держа восковые свечи, подводили к алтарю вышедшего из пажей. Священнослужитель брал с престола меч и пояс и, благословив их несколько раз, препоясывал молодого дворянина.

Оруженосцы разделялись на классы сообразно налагаемым на них обязанностям, как то: на оруженосцев, находившихся при особе рыцаря или

его супруги (первая из должностей была выше), на комнатных оруженосцев или камергеров, на конюших или шталмейстеров; на кравчих или форшнейдеров; на мундшенков, мундкохов и т. п. Почетнейшая из должностей была должность оруженосца, состоявшего при особе рыцаря.

В звании оруженосцев, которого обыкновенно достигали в 14 лет, молодые воспитанники ближе допускались к своим сеньорам и свободнее участвовали в их беседах, поэтому лучше могли изучать образцы, по которым должны были воспитываться. Они с большим вниманием наблюдали за ними, стараясь заслужить и привязанность и угождая благородным иностранцам и придворным своего патрона; они стремились приобрести грацию движений, приветливость, вежливость, Скромность, благоразумие, сдержанность в разговорах и развязность, когда она была нужна.

Форшнейдер присутствовал на пирах и, ловко разрезая яства, опрятно подавал их благородным гостям. В это время он молча изучал искусство говорить красиво. Товарищи его заботились о столе: они приносили блюда и надзирали за хлебом и вином; все это делалось с постоянным вниманием, чтобы присутствующие ни в чем не нуждались. Они же подавали мыться после обеда, убирали со стола и, наконец, приготавливали следовавшие после обеда удовольствия. Тогда они присоединялись к обществу и участвовали в нем вместе с девицами из свиты почетных дам. Потом они подавали лакомства, вина и другие напитки. Вино пили и отходя ко сну, это называлось *на сон грядущий*. Затем оруженосцы провожали гостей в назначенные им комнаты.

Из этих должностей, которые были только подготовкой к более трудной, переходили в шталмейстеры. Обязанность шталмейстеров состояла в попечении о лошадях: такое занятие не могло быть унижительным у дворянства, сражавшегося только на коне. Искусные конюшие обучали лошадей ратным приемам и, имея под своим начальством оруженосцев помоложе, передавали им это искусство. Оруженосцы же содержали оружие своих господ в порядке и чистоте, на случай надобности. И все эти различные домашние обязанности перемешивались с военной службой. Оруженосец обязан был в полночь обойти все комнаты и дворы замка. Если рыцарь выезжал, оруженосцы спешили к нему с услугами: поддерживали стремя, подавали наручи, перчатки, шлем, щит, копье и меч; латы рыцарь должен был носить постоянно.

Боевых рослых коней конюшие вели с правой стороны, поэтому они назывались *destries*, их подводили рыцарю при виде неприятеля. Шлем и

другие оборонительные и наступательные доспехи подавались рыцарю оруженосцами; все они вооружали его с одинаковой поспешностью. Так они сами приучались вооружаться с предусмотрительностью: собрать и укрепить все связи лат, крепко надеть шлем и закрепить забрало — требовало и ловкости, и умения; часто от этого зависели успех и безопасность сражающихся. Оруженосцы принимали от рыцаря шлем, копье, меч и проч., когда он снимал их при входе в церковь или при въезде в замок. В боях оруженосцы становились позади своих рыцарей и были как бы зрителями боя.

Но оруженосцы были не совсем праздными зрителями; их присутствие, полезное для безопасности рыцарей, не менее полезно было и для них самих. При страшном столкновении двух рядов рыцарей, устремлявшихся друг на друга с опущенными копьями, одни — раненные и опрокинутые — поднимались, выхватывали свои мечи, топоры, булавы, чтобы защититься и отомстить; другие старались воспользоваться своим преимущественным положением над побитым неприятелем. Каждый оруженосец внимательно следил за действиями своего рыцаря; подавая новое оружие, отражая наносимые удары, поднимая его, подводя свежего коня, он помогал своему рыцарю ловко и усердно. Оруженосцам же вверяли рыцари пленных, взятых в пылу сражения. Тут молодой воин привыкал защищаться и побеждать и узнавал, способен ли он переносить столько трудов и опасностей.

Но слабую и неопытную молодежь не подвергали таким опасностям, пока заранее не узнавали, есть ли в ней достаточно сил. Военские игры, в которых приобретается гибкость, ловкость и сила, необходимые для боя, скачка через кольцо и препятствия, на конях и с копьями, задолго приучали их к турнирам — слабому подобию войны. Дамы находили особенное удовольствие быть свидетельницами этих игр и своим присутствием возбуждали дух соревнования в желавших отличиться.

Домогавшийся рыцарского звания соединял в себе необходимую для этой трудной службы силу с ловкостью и другими свойствами отличного кавалера. Поэтому не удивительно, что и звание оруженосца было в большом почете. Значительная часть дворян не имела другого звания; даже Карл VIII, король французский, не считал неприличным пожаловать в это звание старшего своего сына.

Обычай отдавать молодых людей в учение другому рыцарю был основан на справедливом опасении, что родительская нежность не решится подвергать своего сына тяжким испытаниям, которые были необходимы для рыцарской службы.

По прошествии некоторого времени, проведенного молодыми людьми в исполнении обязанностей оруженосца в замке патрона, они начинали посещать дворы своих государей, затем в военное время находились при войске, а в мирное время странствовали и отправляли должности послов в отдаленных краях. Таким образом они приобретали навык владеть оружием, участвовали в турнирах и знакомились с иноземными обычаями. Эти три рода занятий назывались *les trois metiers des armes*, а исполнявший их *porsuivants d'armes*.

В канун турниров проводились игры, называвшиеся пробными турнирами, подготовлением к большому турниру, в которых лучшие оруженосцы испытывали свои силы оружием более легким, ломким и не так опасным, как рыцарское. Оруженосцы *porsuivants d'armes*, отличившиеся и удостоенные награды на пробных турнирах, иногда получали право участвовать и на больших, среди славного сословия рыцарей. Это было одной из ступеней, по которой оруженосцы восходили к храму чести, т. е. сами делали рыцарями.^[9]

Посвящение в рыцари

Оруженосец, домогавшийся рыцарского звания, просил навести о себе справки, когда государь или грансеньор, к которому обращались с просьбой, уверясь в храбрости, прямодушии и в других доблестях молодого *poursuivant d'armes*, назначал день посвящения. Для этого избирались обыкновенно кануны каких либо торжеств, например, объявление мира или перемирия, коронование королей, рождение, крещение или браки принцев, большие церковные праздники и, преимущественно, канун Пятидесятницы.

Молитвой, строгим постом и чистосердечным раскаянием в грехах новик (*la novice*) несколько дней готовился к посвящению. После исповеди и благоговейного приобщения Св. Тайн, его облекали в белую, как снег, льняную одежду — символ непорочности, необходимой в рыцарском звании, отчего и произошло слово *кандидат* (*candide* от *candidus* — белый). В этом одеянии кандидат отправлялся в церковь на ночное бдение. Там, перед алтарем Богоматери или своего патрона, подле надгробных памятников с изваяниями принцев и великих воителей, преклонял он колена и, сложив руки крестом, с поникшим взором, проводил всю ночь в молитве и размышлениях, вспоминал усопших героев и молил Творца сподобить его такой же подвижнической жизнью и смертью.

На рассвете приходили за ним старые рыцари, его воспитанники, т. е. избранные стоять с ним во время посвящения, и уводили его в баню, приготовленную, из уважения к рыцарству, великим камергером. По выходе из бани надевали ему на шею перевязь с мечом, укладывали его в постель и покрывали простым белым хитоном, а иногда и черным сукном, в знак того, что он прощался со сквернами мира и вступал в новую жизнь.

В таком наряде воспитанники, в сопровождении родственников, друзей и всех окрестных рыцарей, приглашавшихся на величественную церемонию, вводили новопосвящаемого в церковь. Здесь священник, благословляя меч новика, читал по-латыни псалмы и поучения, вроде следующих:

«Господи, Боже мой! Спаси раба Твоего, ибо от Тебя исходит сила, без Твоей опоры исполин падает под пращей пастуха, а бессильный, воодушевляемый Тобой, делается непоколебимым, как чугунная твердыня против немощной ярости смертных.

Всемогущий Боже! В руке Твоей победные стрелы, и громы гнева

Небесного; воззри с высоты Твоей славы на того, кого долг призывает в храм Твой, благослови и освяти меч его, не на служение неправде и тиранству, не на опустошение и разорение, а на защиту престола и законов, на освобождение страждущих и угнетенных; подаждь ему, Господи, во имя этого священного дела, мудрость Соломона и крепость Маккавеев».

По окончании этого обряда восприемники вводили кандидата в комнаты, где надевали на него сперва что-то вроде темной фуфайки, потом газовую, тканую золотом рубашку, сверх этого легкого одеяния кольчугу и, наконец, мантию, испещренную красками и гербами рыцаря.

В таком облачении он являлся туда, где государь или какой-нибудь знаменитый рыцарь должен был облобызать его. Обыкновенно это лобзание давалось новопринятому кавалеру в церкви или в часовне; впрочем, иногда давалось оно в зале или на дворе дворца или замка, а иногда даже и в чистом поле. Шествие было церемониальное, под звуки барабанов, труб и рогов; кандидату предшествовали главнейшие рыцари, нося на бархатных подушках доспехи, которыми его вооружали по прибытии на место; только щит и копье ему еще не вручались: он получал их после освящения. Затем совершали литургию во имя Св. Духа. Посвящаемый выслушивал ее на коленях, помещаясь как можно ближе к алтарю, впереди того, кто давал ему лобзание. Лишь только кончалась обедня, — церковнослужители выносили налож с книгой рыцарских законов, чтение которых слушали внимательно. Вот несколько статей, дающих понятие о том совершенстве, к какому должны были стремиться поступающие в рыцарское звание.

«Рыцари обязаны бояться, почитать, служить любить Бога искренно; сражаться всеми силами за веру и в защиту религии, умирать, но не отрекаться от христианства.

Они обязаны служить своему законному государю и защищать его и свое отечество.

Щит их да будет прибежищем слабого и угнетенного; мужество их да поддерживает везде и во всем правое дело того, кто к ним обратится.

Да не обидят они никогда никого и да убоятся более всего оскорблять злословием дружбу, непорочность, отсутствующих, скорбящих и бедных.

Жажда прибыли или благодарности, любовь к почестям, гордость и мщение да не руководят их поступками; но да будут они везде и во всем вдохновляемы честью и правдой.

Да повинуются они начальникам и полководцам, над ними поставленным; да живут они братски с себе равными, и гордость и сила их да не возобладают ими в ущерб прав ближнего.

Да не вступают они в неравный бой: несколько против одного, и да избегают они всякого обмана и лжи.

На турнирах и на других увеселительных боях да не употребят никогда острия меча в дело.

Честные блюстители данного слова, да не посрамят они никогда своего девственного и чистого доверия малейшею ложью; да сохраняют они непоколебимо это доверие ко всем и особенно к своим сотоварищам, оберегая их честь и имущество в их отсутствие.

Да не положат оружия, пока не кончат предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было; да следуют они ему и денно, и ночью в течение года и одного дня.

Если во время следования начатого подвига, кто-нибудь предупредит их, что они едут по пути, занятому разбойниками, или что необычайный зверь распространяет там ужас, или что дорога ведет в какое-нибудь губительное место, откуда путнику нет возврата, да не обращаются они вспять, но да продолжают путь свой даже и в таком случае, когда убедятся в неотвратимой опасности и неминуемой смерти, лишь была бы видна польза такого предприятия для их сограждан.

Да не принимают они титулов и наград от чужеземных государей, ибо это оскорбление отечеству.

Да сохраняют они под своим знаменем порядок и дисциплину между войсками, начальству их вверенными; да не допускают они разорения жатв и виноградников; да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха, который нанесет малейший вред кому бы то ни было на земле союзников.

Да блюдут они честно свое слово и обещание, данное победителю; взятые в плен в честном бою, да выплачивают они верно условленный выкуп, или да возвращаются по обещанию, в означенные день и час, в тюрьму, иначе они будут объявлены бесчестными и вероломными.

По возвращении ко двору государей, да отдадут они верный отчет о своих похождениях, даже и тогда, когда этот отчет не послужит им в пользу, королю и начальникам под опасением

исключения из рыцарства».

После этого чтения, посвящаемый становился на колени перед государем, который произносил следующие слова: «Во славу и во имя Бога Всемогущего, Отца, Сына и Духа Святого, жалую тебя рыцарем... Помни же, что долг твой — соблюдать все правила и добрые уставы рыцарства — этого истинного и светлого источника вежливости и общежития (*la courtoisie*). Будь верен Богу, государю и подруге; будь медлителен в мести и наказании и быстр в пощаде и помощи вдовам и сирым; посещай обедню и подавай милостыню; чти женщин и не терпи злословия на них, потому что мужская честь, после Бога, нисходит от женщин».

Кандидат отвечал: «Обещаю и клянусь, в присутствии Господа моего и государя моего, положением рук моих на Св. Евангелие, тщательно блюсти законы и наше славное рыцарство».

Тогда государь вынимал свой меч, ударял им по плечу новоизбранного, лобызал его, потом знаком повелевал восприемнику надеть новому рыцарю золотые шпоры — символ возлагаемого достоинства, помазать его елеем и объяснить ему таинственный смысл каждой части его вооружения.

Восприемник, надевая шпоры, говорил: «Шпоры эти означают, что поощряемый честью, ты обязан быть неутомимым в предприятиях».

Потом подходил другой рыцарь с металлическим или кожаным нагрудным щитом, на котором был изображен родовой герб молодого рыцаря; навешивая его на шею, он говорил: «Господин рыцарь, даю тебе этот щит, чтобы защищаться тебе от ударов вражеских, чтобы нападать тебе на них отважно, чтоб ты понял, что большая услуга государю и отечеству в сохранении дорогой для них твоей особы, чем в побиении многих врагов. На этом щите твой родовой герб — награда доблестей предков твоих; сделайся его достойным, умножь славу твоего рода и прибавь к гербу праотцев какой-нибудь символ, который напоминал бы, что твои доблести подобны рекам, узким в истоке и расширяющимся в течении».

Подходил еще один рыцарь, надевал ему на голову шлем и говорил: «Господин рыцарь, как голова есть главнейшая часть человеческого тела, так шлем — ее изображение — есть главнейшая часть рыцарских доспехов; вот почему его изображают над щитом герба — представителя прочих частей тела; так как голова есть твердыня, в которой пребывают все душевные способности, то покрывающему голову этим шлемом, не должно предпринимать ничего, что не было бы справедливо, смело, славно и высоко; не употребляй этого доблестного украшения головы на низкие, ничтожны деяния, а старайся увенчать его не только рыцарским венцом, но

и короной славы, которая да дастся тебе в награду за доблести».

Затем восприемник продолжал объяснять символическое значение каждой части рыцарского вооружения:

«Меч этот имеет вид креста, и дается тебе в поучение: как Иисус Христос побеждал грех и смерть на древе Креста, так ты должен побеждать врагов твоих этим мечом, который для тебя представитель креста; помни также, что меч есть атрибут правосудия, а потому, получая его, ты обязуешься быть всегда правосудным.

Панцирь этот на тебе — защита против вражеских ударов — означает, что рыцарское сердце должно быть недоступной порокам крепостью; ибо, как крепость окружается крепкими стенами и глубокими рвами, чтобы преградить доступ неприятелю, так панцирь и кольчуга закрывают тело со всех сторон в знак того, что рыцарское сердце должно быть недоступно измене и гордости.

Это длинное и прямое копьё есть символ правды; железо на нем означает преимущество правды над ложью, а развевающееся на конце его знамя показывает, что правда должна не скрываться, а всем показываться.

Кольчуга означает силу и мужество, ибо как она выдерживает всякие удары, так сила воли защищает рыцаря от всех пороков.

Перчатки, защищающие твои руки, указывают ту заботливость, с какой рыцарь должен беречься всякого нечестивого прикосновения и отвращаться от кражи, клятвопреступления и всякой скверны».

После этого все церемониально выходили из церкви, причем вновь принятый рыцарь шел сбоку давшего ему лобзание. Тогда один из старых рыцарей подводил красивого коня, покрытого богатой попоной, на четырех концах которой был вышит или нарисован. родовой герб молодого рыцаря; наглавник на коне был украшен нашлемником, подобным нашлемнику на каске рыцаря. При этом говорили: «Вот благородный конь, назначаемый тебе в помощники для твоих славных подвигов. Дай Бог, чтобы он помогал твоему мужеству; води его только туда, где стяжаются честь и добрая слава!» Влагая ему в руки поводья, говорили: «Эта узда, укрощающая пылкость скакуна, эти поводья, посредством которых ты можешь править

конем по своему произволу, означают, что благородное сердце обуздывает уста и избегает злословия и лжи; что оно обуздывает все свои страсти и руководствуется рассудком и справедливостью». [\[10\]](#)

Часто бывало, что сама супруга государя повязывала ему шарф, прикрепляла перья на шлем и препоясывала его мечом.

Когда под окнами дворца герольды начинали играть в трубы, новый рыцарь, несмотря на тяжесть доспехов, часто не влагая ноги в стремя, мгновенно вскакивал на своего коня и гарцевал, потрясая копьем и сверкая мечом. Немного спустя, в том же наряде показывался он на площади. Там приветствовали его восклицания народа, который веселыми криками выражал свой восторг от приобретения нового защитника. Казалось, одно присутствие его внушало толпе, жаждавшей его лицемерия: «Все вы, томящиеся в ожидании мстителя, слабые вассалы, угнетаемые деспотическими законами властителя, несчастные питомцы, тяжба которых затягивается вероломным судьей, люди честные, но оклеветанные, поносимые публично, отрите, наконец, ваши слезы, обратите ваши утешенные взоры к небу: в лице нового рыцаря оно посылает вам ангела-хранителя; жаждущее добра сердце его угадает ваши невзгоды; ступайте к герою, укажите ему, кого должно поражать копье его, где раздаваться его горячему красноречию, где проливаться его крови и где расточаться его золоту! Если вы скованы по ногам, криком скорби отвечайте на возгласы, возбуждаемые его присутствием, машите белым платком или поясом из ваших темниц, — он полетит к вам, он выслушает ваши жалобы, он положит ваши просьбы к подножью трона, на коленях будет ждать решения монарха, потом, призванный на помощь угнетенному, он опрокинет ненавистные памятники тирании феодализма, ломает эти окровавленные виселицы, эти гордые столбы, эти произвольные дорожные пошлины и не заснет он, пока не увидит улыбки несчастных, которые к нему взывали». [\[11\]](#)

По возвращении нового рыцаря во дворец или в замок, дамы принимали его с изъявлениями радости и любви; они помогали ему снять доспехи и накидывали на его плечи богатую мантию на беличьем меху. (мантия была из красного сукна на горностаевом меху, если рыцарь был сыном короля или принца.). Потом отправлялись в пиршественный зал, где новый рыцарь занимал почетное место — рядом с теми, кто дал ему лобзание.

Таков был обряд посвящения в рыцари при дворах королей, принцев и грансеньоров в мирное время. Но во время войн рыцарское звание жаловалось среди лагеря, на поле битвы, пред победой или после, в

проломе взятого приступом города.

Хотел государь удвоить силы своей армии, не увеличивая числа низших воинов, — он создавал рыцарей. Надо было переплыть реку в виду неприятеля, занять силой дефилей, преодолеть большую опасность, перед которой бледнели неустрашимейшие ветераны, — воины с добрым именем тотчас получали звание рыцаря. Шло ли дело о том, чтобы на усеянной железными остриями башне, защищенной неприступными скалами и глубокими оврагами, водрузить знамя, — снова провозглашались рыцари. И всякий раз, когда нуждались в смельчаках ввиду неминуемой опасности, или когда обыкновенные средства становились недостаточными, требуя усилий нечеловеческих, являлись охотники и производились в рыцари.^[12]

В этих случаях весь обряд посвящения ограничивался тремя ударами мечом по плечу вновь посвящаемого, причем произносились следующие слова: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и Св. Великомученика Георгия жалую тебя в рыцари». Затем следовало лобзание.

Такая дивная политика порождала целые фаланги героев. Каково же было могущественное влияние чести, когда одно звание рыцаря побуждало его превосходить себя самого, делало из человека существо сверхъестественное! С трудом можно верить чудесам, происходившим от этих магических повышений. Лишь только кончалась короткая церемония возведения в рыцари, как воин, спеша заслужить шпоры, бросался в самую чащу свалки. Часто пожалованный титул рыцаря бывал патентом смерти или славной раны. Но какова бы ни была судьба рыцаря, он постоянно думал, что сделал еще слишком мало, чтобы удостоиться этой чести; даже жертвуя жизнью, он полагал, что едва выплачивает долг отечеству и государю. Рыцари, посвящаемые таким образом, назывались рыцарями битвы, рыцарями приступа, рыцарями подкопа и пр., смотря по обстоятельствам, доставлявшим это звание.

Между подобного рода посвящениями, одно, по своей исключительности, заслуживает внимания. В 1429 г. английский полководец Суффольк, принужденный Жанной д'Арк снять осаду с Орлеана, заперся с своим многочисленным, испытанным в боях гарнизоном в городе Жаржо. Осажденный в свою очередь Жанной, он не сдается. Но французы, воспламененные ее присутствием, взбираются на укрепления Жаржо. Напрасно англичане мужественно сопротивляются! Они не могут удержать порыва противника, они оставляют укрепления, и каждая улица, каждая площадь становятся полем битвы, где является либо смерть, либо плен. Суффольк и сам увлечен. Не видя спасения, он решается с некоторыми храбрецами отступить и, сражаясь, старается занять форт,

выстроенный на мосту, соединяющем город с правым берегом Луары. Но Вильгельм Реньо, оруженосец, овернский дворянин, заметив это движение, устремляется во главе нескольких французов по следам Суффолька, чтобы отрезать ему отступление. Суффольк силится остановить врага. Однако мечу Реньо ничто не может противиться. Один из братьев английского полководца уже убит, и самому ему грозит та же участь. Вдруг Суффольк кричит Реньо:

— Ты дворянин?

— Да, — отвечает воин.

— Ты рыцарь?

— Только оруженосец, — возражает Реньо.

— Ну так приблизься, я возведу тебя в звание, которого ты достоин: своей храбростью ты заслужил сегодня золотые шпоры.

Реньо скромно, но с достоинством, приближается, преклоняет колено, Суффольк ударяет его мечом по плечу, принимает предписанную уставом клятву, произносит обычную формулу и, подавая ему рукоятку того самого меча, которым совершил обряд посвящения, говорит:

— Встань! Теперь ты рыцарь, прими меня на выкуп: я твой пленник.

Так английский полководец избежал стыда сдаться простому оруженосцу.

Уже сказано, что сначала в рыцари возводились только дворяне, но случалось, что в чрезвычайных обстоятельствах или за необыкновенные заслуги, в это звание возводились и простолюдины. В таком случае только государь имел право жаловать в рыцари, и пожалованные, со дня посвящения, делались дворянами и пользовались всеми почестями и привилегиями рыцарского звания. Так, когда рыцарство Филиппа Прекрасного почти совершенно было уничтожено фламандцами, он сделал нечто вроде набора: всякий, имевший двух сыновей, должен был сдать одного в рыцари, а имевший трех вооружал двух. Фридрих Барбаросса за храбрость на самом поле битвы посвящал в рыцари простых воинов и даже крестьян. Авторы, приводящие эти случаи, оплакивают их, как падение рыцарства. Посвящаемые таким образом назывались рыцарями из милости (*les chevaliers d'Accolis ou de Grace*). Большое число рыцарей-трубадуров также вышло из простолюдей и своими подвигами достигло этой чести.

Но было и такое звание, которого могло домогаться только одно высшее дворянство. Это звание знаменного рыцаря (*le chevalier banneret*). Так назывался тот, кто имел довольно вассалов для поднятия собственного знамени и для образования дружины на свое иждивение. На войне перед знаменными рыцарями несли квадратное знамя с изображением их герба и

девиза, которое походило на церковную хоругвь или на инсигнии древних римлян.

Бывали еще знаменные оруженосцы (*les escuyers bannerets*). Под их командой служили рыцари и даже знаменные рыцари. Это делалось по приказанию короля; но не смотря на это, они не имели ни одной рыцарской привилегии, точно также, как и все прочие оруженосцы. Шпоры у них были белые, а не золоченые, и их не титуловали *messire*, *monseigneur* и *monsieur*.

Рыцарское вооружение

Несколько объяснений о рыцарском вооружении будут нелишними в книге, на каждой странице которой встречается название того или другого оружия. Поэтому, прежде рассказа о подвигах рыцарских, мы опишем каждый род оружия и его назначение. Это описание необходимо, потому что вооружение чрезвычайно разнообразилось и значительная часть его уже вышла из употребления.

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Шлем или **каска** (le heaume ou le casque). Шлем был довольно глубок, делался из железа или стали, к верху конусообразно суживался, имел набородник, к которому прикреплялось забрало, внизу — железный нагрудник (un haussecol); нагрудник отделялся от шлема и прикреплялся к нему металлическим воротничком. Забрало состояло из мелкой решетки; оно вдвигалось под козырек шлема и опускалось во время сражения. На каску надевался нашлемник; государи носили корону в виде нашлемника, а рыцари — другие украшения.

Шишак (l'armet ou bassinet). Шишак— это облегченный шлем, без забрала и без нагрудника; рыцарь брал его с собой и надевал, когда выходил из боя для отдыха. Шишак отличался от шлема весом, наружным видом и неподвижным наличником.

Гобиссон (le gaubisson). Рыцари носили поверх платья гобиссон, нечто вроде длинной фуфайки из простеганной тафты или кожи, набитой шерстью, паклей или волосом, чтобы ослабить удар. Это платье защищало от железных колец брони, которые без него могли бы войти в тело даже тогда, когда броня осталась бы не проколотой.

Панцирь, броня (le haubert ou cuirasse). Род кольчуги из стальных плотных колечек, которая покрывала рыцаря от шеи до бедер; к ней впоследствии прибавили рукава и наножники (le chausses) из колечек: стальная бляха на груди покрывала броню; капюшон, также из колечек, висел на спине, им рыцарь накрывал голову, когда снимал каску. Впоследствии кольчугу заменили латами, нагрудниками, наручами и набедренниками, также железными. Все части этих доспехов были так скованы между собой, что не препятствовали свободным движениям,

потому что сдвигались и раздвигались.

Полукафтанье (le cotte d'armes). Поверх брони и лат надевали нечто вроде далматика или епанчи без рукавов, с рыцарским гербом, часто из золотой или серебряной парчи, отороченной дорогим мехом; под ним носили шарф, или перевязь, или кожаный пояс с вызолоченными гвоздями, на которые навешивался меч.

Набедренники (le tassettes). Это были железные бляхи, прикрепленные к броне от пояса до половины бедер. **Нарамниками** или **наплечниками** и **накольников** (epaulieres et genouilleres) были железные бляхи, приспособленные покрывать плечи и колени, не затрудняя движений; первые прикреплялись к нагруднику, а вторые к набедренникам.

Щит (l'escu ou bouclier), не употреблявшийся в боях был деревянный, обтянутый кожей, железом или другим твердым веществом, чтоб выдерживать удары копья. Слово есу происходит от латинского scutum — название, данное римлянами продолговатому, обтянутому кожей щиту. На щитах изображались гербы. Отсюда название французской монеты, представляющей щит Франции.

Вооружение оруженосца. Оруженосец не имел ни наручей, ни нашлемника, ни железных ножниц; он носил шишак, гобиссон и стальной нагрудник.

Вооружение лошади. Голову лошади тщательно закрывали или металлическим, или кожаным наглавником, грудь — железными бляхами, а бока — кожей. Лошадь покрывали также попоной или чепраком из бархата или из другой материи, на которых вышиты были гербы рыцаря. Такие вооруженные лошади назывались les chevaux bardes.

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Копье (la lance). Копья делались из прямого легкого дерева — сосны, липы, вяза, осины и др.; лучшие были ясеневые. В верхний конец копья плотно вставлялось стальное острие. Рыцарское знамя или флюгер с длинным развевающимся концом прикреплялось к верхушке копья. Оруженосец не имел копья, он мог сражаться только со щитом и мечом. Но если он носил звание poursuivant d'armes, то мог быть в полном рыцарском вооружении, за исключением только особенных отличий, — золоченных шпоры и проч.

Меч (l'eepee). Он был широк, короток, крепок, заострен только с одной стороны и высокого закала, чтобы не ломаться о латы и шлемы. С течением

времени наружный вид мечей изменялся: их стали делать очень длинными, широкими и заостренными. Эфес всегда представлял собой крест.

Кинжал (la misericorde). Кинжалы носили у пояса. Название la misericorde было дано кинжалу потому, что в бою грудь с грудью, когда и копье и меч по своей длине становились бесполезны, рыцарь прибегал к этому оружию, чтобы заставить лежачего врага просить пощады.

Бердыш или **алебарда** (la hache d'armes) — маленькая рукоятка; двойное лезвие: одно как у обыкновенного топора, а другое — длинное заостренное, иногда с двумя расходящимися концами.

Палица или **булава** (la masse ou massue). Это оружие употреблялось также довольно часто, оно состояло из толстой, в объем руки взрослого человека, дубины, длиной в 2,5 фута, с кольцом на одном конце; к нему крепили цепь или крепкую веревку, чтобы палица не вырвалась из рук; на другом конце к трем цепям был прикреплен шар; палица была вся из железа.

Мушкель и **военный молот** (le mail ou maillet et le marteau d'armes) различались только тем, что оба конца мушкеля были только немного закруглены, а у военного молота — один конец закруглен, а другой заострен.

Кривой нож (le fauchon ou fauchard) — оружие, редко употреблявшееся в деле; оно было с длинной рукояткой и заострено с обеих сторон на подобие обоюдоострого серпа.

Таким было оборонительное и наступательное вооружение рыцарей. Оно изменялось с течением времени и наконец заменено огнестрельным оружием. Какова же была физическая сила этих воинов, не снимавших своего вооружения по целым дням и переносивших в нем тяготы пути и боя! И в то же время какая ловкость, легкость, живость, чтобы вскакивать и соскакивать с коня, не трогая стремени! Наконец, какое искусство владеть копьем, мечом и бердышом в таких тяжелых доспехах! Понятно, что такому ремеслу учились долго и с трудом и что ученье необходимо было начинать с детства.

Гербы, девизы и военный клич

Происхождение гербов. Происхождение гербов как символических знаков, по которым можно распознавать во время боя вождя, племя, народ, скрывается в глубокой древности. Они были не выдумкой тщеславия, а справедливым возмездием или чествованием личных заслуг. Независимо от этого ими искони отличались отдельные лица, колена, города, царства и народы, как один от другого, так и благородные от неблагородных, знатные от незнатных.^[13] Но чаще всего они служили сборными пунктами разбитых, рассеянных войск, приметами распознавать своих. В те времена, когда еще не были придуманы мундиры и когда вооружение скрывало даже лица, без подобных отличий противники и предводители со своими воинами легко могли перемешаться на поле брани или на многолюдных ристалищах. Поэтому в древности такие отличительные знаки были в большом ходу. Египтяне, народ во всем таинственный, испещряли храмы, дворцы и памятники иероглифами. В египетском стане на берегу Нила и потом на Иордане евреи распознавали свои двенадцать колен по условным знакам. Ассирийцы изображали на своих знаменах голубя, потому что птица эта на их языке называлась именем Семирамиды. Золотой орел помещался на щитах мидян и персов; на монетах афинян была сова, а на монетах карфагенян — конская голова.

Тысячи символических знаков находим мы в эти героические времена. Эсхилл украшает ими щиты семи вождей, сражающихся под Фивами. «Каждый из семи героев предводительствовал особым отрядом и отличался своим щитом. Тидей носил на своем щите такую эмблему: вычеканенное небо, усеянное звездами, между которыми выделялось блеском одно светило. Второй вождь, Капаней, имел на щите изображение обнаженного человека, несшего в руках горящий факел с девизом: „Сожгу город“. У третьего на щите вооруженный воин взлезает по лестнице на неприятельскую башню и в девизе объявляет, что сам Марс его не сдвинет. Четвертый вооружен щитом, на котором Тифон изрыгает из огненной пасти черный дым, а вокруг изображены переплетенные змеи. У пятого сфинкс держит под когтями Кадма. Шестой исполнен мудрости и не имеет на своем щите никакой эмблемы: он не хочет выдавать себя за храбреца, он хочет быть им. Седьмой, наконец, обороняется щитом, на котором женщина ведет воина, вычеканенного из золота; она умеряет его шаги и говорит в девизе: „Я сама справедливость, возвращу ему его отечество и наследие

предков“.^[14] Валерий щедро раздает эмблемы аргонавтам; Гомер так размножает их на оружии своих героев, что по свидетельству многих авторов, геральдика возникла во время осады Трои. Римляне также придумывали множество эмблем и символов; их легионы, изобретали множество знаков, значков, signa. На колоннах Трояна и Антонина и на Триумфальной арке, поставленной в честь Мария близ города Орангия, видны и до сих пор воины, доспехи которых испещрены какими-то особенными штрихами и фигурами.»

Но из этого еще не следует, что в древности известны были гербы. Военные знаки, употреблявшиеся как значки или простые украшения, не были постоянным отличием знатного происхождения, наследием, жалуемым тому или другому роду. Гербы, рассматриваемые с этой нравственной и политической точки зрения, — учреждение новейших времен, которое не восходит далее крестовых походов.^[17] В самом деле, рыцари, возвращавшиеся из Азии, стали дорожить заслуженными отличиями, стоившими им большого самопожертвования. В свидетельство своей славы они воздвигали на самых высоких башнях, донжонах и над главными воротами своих замков те хоругви и знамена, под которыми сражались. Эти красноречивые знаки рыцарской чести и личной доблести отцов заботливо хранились в семействах. Дамы, постоянные поклонницы храбрости, вышивали такие достославные и выразительные символы на мебели, платьях и одеяниях мужей и братьев. Их ваяли на оградах, рисовали на потолках и стенах, изображали на щитах, могильных памятниках, их освящали в церквях, они были украшением торжеств, они были на одеяниях оруженосцев, пажей, слуг, воинов и всех лиц рыцарского дома. Эти различные знамена достопамятных рыцарских деяний образовали особый иероглифический язык. Крест простой, двойной, обвитый, зубчатый, зазубренный, изрубленный, якорный, из цветков красовался повсюду в различных видах и был символом той святой цели, для которой предпринимались крестовые походы. Палма напоминала Идумию, арка — взятый или защищенный мост, башня — завоеванный замок, шлем — вооружение грозного врага, звезда — бой ночью, меч — обыкновенную битву, полумесяц — низложение страшного мусульманина; пика, повязка, ограда, две полосы углом — взятые и разрушенные преграды; лев, тигр — неукротимую храбрость; орел — высокую доблесть. Вот где происхождение всей системы гербов.^[18]

Раз избранные, утвержденные и пожалованные государем, они не изменялись и делались неотъемлемой наследственной собственностью

семейства и рода. Герольды обязаны были изучать эти отличия и особенно наблюдать за исполнением постановленных правил относительно целостности и неизменности гербов, а знания, необходимые для отправления этой обязанности, составили геральдику, или, как говорят иногда, blason. Blason произошло от немецкого слова blasen — трубить, играть в рог. «За несколько дней до начала турнира щит рыцаря выставлялся для обсуждения и рассмотрения. Герольды под председательством своего старшины должны были разобрать герб критически, blasonner, и результатом этого разбора было или допущение рыцаря к турниру, или исключение его из участия в этом благородном занятии. Для выяснения решения по этому вопросу рыцарь на коне подъезжал к месту, где должен был происходить турнир, и трубным звуком звал к себе герольда (blasen). Если рыцарь удостоивался принятия, то он привешивал этот рог к шлему и вступал в ряды своих собратьев. От этого обряда и происходит слово blason, герб, l'art du blason и blasonner, слова, употребляемые и ныне, как технические».^[14]

Для гербов на щитах употребляли: металлов два, красок или цветов пять и мехов два. Геральдические металлы — золото, цвет желтый, и серебро, цвет белый; цвета: голубой, зеленый, красный и черный, меха — горностаевый и беличий. Геральдика приписывает цветам особые названия. Так голубой называется лазурь, воздух, зеленый — синопль, яшма; красный — огонь и черный — земля. Некоторые авторы, кроме этого химического значения, присваивают металлам и цветам значение символическое. По их мнению, золото, желтый цвет — эмблема богатства, силы, верности, чистоты, постоянства; серебро — невинности, белизны, девственности; голубой цвет — величия, красоты, ясности; красный — храбрости, мужества, неустрашимости; зеленый — надежды, изобилия, свободы; черный — скромности, образованности, печали.

Гербовый щит или поле герба делилось горизонтальными, перпендикулярными и диагональными линиями на несколько отделений, в которых размещали краски и символы; они иногда соответствовали друг другу и были волнисты, с выемками, обрублены, связаны, переплетены, перевиты и т. д. Вне поля герба были другие фигуры, называвшиеся внешними украшениями. Их было три вида: украшения сверху, с боков и кругом.

Над гербом изображали короны, шапки, шлемы, бурелеты,^[15] намет, нашлемник, иногда девиз или военный клич. Шлемы и шишаки рисовали или в профиль, или анфас, с опущенным, полуоткрытым или совсем

поднятым забралом и, смотря по достоинству и древности происхождения, с большим или меньшим числом решеток на нем. Нашлемник составлял самую верхнюю часть украшения гербов, его можно было составлять из всякого рода фигур, цветов, перьев, животных, деревьев и пр. Общим обыкновением было также помещать девизы и клич над гербом.

По сторонам бывали изображения ангелов, людей, богов, чудовищ, львов, леопардов, единорогов, деревьев и других предметов; эти фигуры назывались щитодержателями. Кто не имел права помещать щитодержатели, тот украшал бока гербов какими-нибудь живописными и резными орнаментами. Орденские хоругви, знамена, мантии, жгутики также окружали щит герба. Кроме этих украшений были еще другие, присвоенные известным званиям и обозначавшие особенные достоинства.

Для объяснения герба прежде всего надо изучить фон, на котором выгравированы или нарисованы фигуры, а потом уже сами фигуры. В геральдике фон называется полем, а фигуры — знаками.

Поле герба всегда покрыто какими-нибудь металлами, цветами или мехами; затем следует главный знак; краски знаков те же, что и краска поля, за исключением лишь случая, когда нужен естественный цвет.

В основании геральдики следующее правило: если поле покрыто какой-нибудь краской или мехом, то знаки должны быть покрыты металлом, и наоборот, если поле покрыто металлом, то знак покрывается краской или мехом. Это правило излагается так: не должно класть металл на металл и краску на краску. Делать противное — значит совершенно извращать науку геральдики, потому что геральдика, говорит один из новейших писателей, есть обширнейший из всех языков, язык сильный и величественный, со своим синтаксисом, грамматикой и орфографией. Искусство геральдики состоит в умении читать и писать на этом немом наречии. Несколько кратких и поверхностных заметок относительно чтения гербов могут дать о геральдическом языке некоторое понятие.^[16]

В гербе верхняя часть называется главой (chef), а нижняя часть — подножием (la pointe). Помещаемое в гербе включает в себя: во-первых, всякое вооружение; во-вторых, каждое существо — от слона до муравья; в-третьих, все растения — от дуба до самого скромного полевого цветка; в-четвертых, все блестящее — от небесных светил до драгоценностей, скрытых в недрах земли; в-пятых, все баснословные и фантастические существа как напр. чудовища, грифы, фениксы, двуглавые орлы и т. п. Обыкновенно животные смотрят влево. На гербах рисуют также все символы религии; крест, как уже сказано, употребительнее других.

«Без прибавления даже иных эмблем, атрибутов, каждая часть щита

уже составляет фигуру, которая и занимает одну треть щита. Точно так и по поперечному делению щита, его *рассечению*, образуется в его середине *столб* (le pal), занимающий также треть щита вдоль, а при встрече двух полос, разбивающих и рассекающих щит под прямым углом, крест (la croix). Далее по диагональному разделению щита образуются полосы, *перевязь влево* (la bande), *перевязь вправо* (la barre), уменьшающиеся на пятой части щита при полном пересечении их *крест накрест* или Андреевский крест (la sautoir), при встрече под углом — *шеvron* или *стропило* (le chevron)». ^[19]

Читать гербы значит объяснять гербовые знаки. Для этого надо сперва назвать поле, потом знак и его цвет, употребляя следующую формулу: такой то род имеет, например, род Карла VI, короля французского, имеет лазурь с трехцветными золотыми лилиями. Это означает, что поле герба лазоревое и что знаки его желтые или золотые; род Монморанси имеет золото на кресте с расходящимися концами, на которых шестнадцать орлят без ног и клюва.

Происхождение некоторых гербов. Чтобы не путаться в лабиринте гербов, знатоки геральдики вынуждены были разделить гербы на несколько разрядов: гербы коронованных особ (armoiries de la souverainite), являющиеся одновременно гербами тех государств, которые этими лицами управляются; к гербам своих областей государи прибавляли нередко гербы тех стран, на которые они имели притязания, которыми предки их владели, и от которых, даже тогда, когда они, отторгнуты, не отказались еще вполне (armoiries de pretention); так английские короли долго употребляли герб Франции, разделенный на четыре части в верхней части по случаю притязаний на право царствования во Франции. В награду за подвиги, за особенные заслуги лицу, отличившемуся на каком-нибудь поприще, государи жаловали свой герб, или к прежним эмблемам, бывшим в гербе, добавляли новые, почетные; этой уступкой (armoiries de concession) объясняется, почему в гербах многих знатных французских фамилий видим лилии, а в русских — государственного орла. Гербы разных установлений западной Европы: архиепископств, епископств, капитулов, университетов, обществ, компаний и корпораций (arm. de communitate). Должностные лица, управлявшие областями, рыцарскими замками и т. п., прибавляли к своим фамильным гербам различные эмблемы как знак своего преимущества, своих прав и достоинства (arm. de patronage). Фамильные гербы, переходящие в роду по наследству, служат для отличия одного дома, одной фамилии от других (arm. de famille). Для обозначения родственных связей, в которые одна фамилия через брак или другим путем приходит с

иным родом, в главный герб вставлялись дополнительные атрибуты (arm. d'alliance). Кроме перехода герба по прямой линии наследства, гербы могли быть присвоены лицу, или совершенно чужому, или не имеющему прав прямого наследства, и притом переходили к таким лицам или вполне, или соединялись с их первоначальным гербом (arm. de succession); на это всегда нужно было разрешение верховной власти. Лица, возведенные в дворянство за заслуги, не имея наследственного герба, избирали для себя эмблемы, которые напоминали бы тот род деятельности, то занятие, которым они стяжали себе это отличие (arm. de choix). Этого рода гербы по большей части так ясны, что по ним можно читать историю лица и его фамилии (armes parlantes). Так роды Stella, Sabis, Tresseols, Luna, Cressentini, имена которых напоминали собой названия небесных светил, носили солнце, звезды, луну на лазоревом поле. Род Leiris имел радугу, которая по сказаниям древности была шарфом Ириса.

Часто со своим двойным значением эти имена наполняли гербы намеками, двусмысленностями, аналогией и каламбурами; все это было наивно и мило, потому что злоупотребление игрой слов презиралось. В самом деле, не удовольствие ли видеть восхитительную простоту старых и благородных рыцарей, сотнями ран приобретающих право носить гербы: вместо того, чтоб придумать для удовлетворения гордости великолепное изображение своего подвига, они выбирали для гербов какую-нибудь загадку, шутку или веселую анаграмму, проскользнувшую в беседе у мирного очага. Так род Louvers имел в своем гербе головы волков; Larcher — стрелы; Vignole — серебряную виноградную лозу; Tour de Turenne — башню; Santeuil — аргуса; Montpezat — весы; Etang — рыб; Legendre — головы девушек с золотыми волосами; сеньор de Vaudray, владетель земель Vali, Vaux и Vaudray, имел девизом Vali, Vaux и Vaudray. Род Mailly выбрал колотушку, Martel de Bagneville — молот, и т. д.^[20] Старики понимали такие символы. Delphes имел дельфина на своих монетах; Florus — цветок на своей печати; Voconius-Vitulus приказал вырезать на своей теленка, а Цезарь — слона, потому что на пуническом языке это четвероногое называлось цезарь.

Родос имел эмблемой розу, потому что по-гречески цветок этот называется родон.^[21]

Но геральдические знаки происходят еще и от тысячи других причин. Иногда они служат обозначением заслуг и обязанностей: так магистры употребляли на своих гербах бархатные шапки и горностаев; рыцари, имевшие право распускать знамя — знамена; мундшенки — золотые кубки;

оберегермейстеры и сокольничьи — охотничьи рога и хищных птиц. Знаки эти означали то залог ревностной сострадательности, то воспоминание путешествия к святым местам, то обет, то символы доблестей, талантов и удовольствий; две взаимно пожимающие руки — согласие и верность; якорь и столб — непоколебимую надежду; шар или хлеб — благотворительность; соты — церковные праздники и гостеприимство; два золотых крыла, распущенных на лазоревом поле, были на гербе Дориоля (Doriolle), канцлера Франции, знаком возвышенных помыслов. Два журавля, держащие в клювах кольцо или миртовую ветку, вихри (вид голубя.), сердце, пронзенное стрелой, кольца, роза с шипами и без шипов, дерево, перевитое гибкими ветками плюща — были во французской геральдике оригинальными знаками нежности и любви.

Города заимствовали свои эмблемы от своих особенностей. Фрисландия, страна низменная, имела в гербе листья кувшинника (nupéghar) и волнистые повязки. Болонья, (Bologne), на водах которой много лебедей, приняла эту птицу знаком герба. Центр Парижа имеет форму корабля, поэтому в гербе его — корабль с распущенными парусами под небом, усеянным лилиями. Города Понт-а-Муссон (Pont-a-Mous-son) и Понт-Сент-Еспри (Pont-Saint-Esprit) имеют в гербах мосты; Тур — три башни.

Смуты и крестовые походы особенно увеличивали число эмблем гербов.

Большая часть гербов Италии получила начало в партиях Гвельфов и Гибелинов, а также в политических распрях, опустошавших надолго Флоренцию, Лукку и Пистойю.

Ненависть Йорков и Ланкастеров породила двух соперниц — белую и алую розы.

Сколько выдуманно было во Франции различных цветов и кокард во времена потрясений, Лиги и Фронды.

Что касается крестовых походов, то они ввели все виды аллегорических знаков. Набожные путешествия воинов объясняют, почему в значительном числе гербов встречаются раковины, птицы без ног и клюва, золотые монеты и кресты. Раковины были украшением возвращавшихся морем богомольцев. Птицы без ног и клюва — перелетные птицы, как лучшее эмблематическое подобие рыцарей, которые часто возвращались из Палестины изувеченными; золотые монеты были в геральдике символами выкупа пленных и дани, наложенной христианами на неверных.

Но крест, изображавшийся на одеянии иерусалимских поклонников

как символ той святой цели, для которой предпринимался поход, вошел в значительное число героев, чтобы служить воспоминанием об этих религиозных странствиях.^[22]

Девизы и военный клич. Нам остается сказать о легендах или девизах и военном кличе, которые помещались на гербах независимо от других знаков. Девизы — памятники мужества, вежливости и великодушия — становились для потомства храбрецов постоянными уроками; они были, так сказать, сокращениями рифмованных рассказов, которые сочинялись странствующими из замка в замок трубадурами, певшими их под аккомпанемент арфы, лиры и других инструментов менестрелей; они тождественны, так сказать, с духом рыцарства.^[23] Часто это бывали аксиома, пословица, наивное суждение, аналогия знаков герба, согласная с наклонностями и вкусами рыцаря. Слава и любовь также создали множество этих девизов.

Почти все девизы получали новую силу от эмблем, к которым они относились. Рисовали пустой колчан и ставили к нему девизом: *Hoerent in corde sagitoe* — его стрелы в моем сердце; бутон розы: меньше показываясь, становится прекраснее; ласточку, перелетающую моря; чтоб найти солнце, покидаю отечество; раковину, обращенную к солнцу: красота ее нисходит с небес; горностаю с такими словами: *Malo mori quam foedari* — лучше умереть, чем опозориться (это девиз Франциска I, герцога Бретани); бутон подсолнечника: лучам моей звезды открою сердце свое; гранатовое дерево в цвету: каждый год новый венец; раненного и спящего под бальзамовым деревом льва, на которого капает целебный сок: *Me lacryma sanat* — его слезы меня исцеляют; льва, скованного пастухом: покорен и страшен; смотрящего на солнце орла: один он достоин моего благоговения.^[24]

«Девиз помещается под щитом и служит или воспоминанием о славных деяниях лица, или побуждением к ним. В девизе заключается плоть и дух, или вернее, идея и мысль герба. Девиз часто бывает аллегорический, и потому есть девизы, состоящие из одной только буквы. Главное их достоинство заключалось в смысле, который можно было придать девизу. Рыцарские девизы, обязанные своим происхождением событиям из жизни того лица, которое их приняло, нашли себе не одного истолкователя в западной Европе, и, действительно, эта наука могла занимать ум, потому что давала ему пищу: необходимо было знать историю лица, его рода, времени, чтобы разгадать какой-нибудь девиз,

краткий и выразительный. Только с XV столетия девиз стал фразой общепонятной, афоризмом в похвалу красоте и добродетели.

Представители благородного семейства, всегда старшие в своем роду, носили над гербом так называемые *cri de guerre* или *cri d'armes*, т. е. выражение, которое на войне рыцарь употреблял для возбуждения воинов к бою и победе и для отличия себя от других рыцарей. Понятно поэтому правило: *le cri suit la banniere*, т. е. военный сигнал там, где знамя. Оно было средоточием военной силы, центром, к которому стремились войска, знаком, за которым следили они сердцем и глазами. Этим военным *cris* бесчисленное множество и начало их кроется в глубокой древности. Мы приведем более известные, ставшие историческими. Готфрид Бульонский шел в крестовые походы, говоря: *Dieu le veut*, и это убеждение руководило им и его войском. Короли французские, считавшие Св. Дионисия своим патроном, идя на войну, повторяли: *Montjoie et Saint Denis*; у Монморанси: *Dieu aide au premier Baron Chretien*; у Бурбонов: *Bourbon Notre-dame* или *Esperance*; у королей английских: *Saint George*, позднее *Dieu et mon droit*». ^[25]

Людовик XVIII, пожаловав М. de Seze, защитника несчастного Людовика XVI, в пэры с княжеским титулом, для герба назначил ему башни Тампля и шестнадцать лилий, — остроумный и трогательный намек, напоминающий одновременно и имя мужественного защитника, и тюрьму, и имя его царственного клиента.

Странствующие рыцари

В мирное время рыцари не оставались праздными: верные клятве вспомоществовать утесненным и уничтожать вредные обычаи, они странствовали по долам и горам, отыскивая приключения и везде справляясь, соблюдаются ли добрые обычаи. Таким образом, первые годы их рыцарского звания посвящены были путешествиям в дальние страны, к чужеземным дворам, чтоб сделаться совершенными рыцарями. Зеленый цвет платья — символ надежды — свидетельствовал о их молодости и храбрости. У разных народов и у отличнейших рыцарей перенимали они разные способы переламывания копья. Чтобы испытать себя и поучиться, они домогались чести померяться с этими мастерами своего дела.

Но полезнейшие для них уроки были на войне, где служили они добровольно, стараясь стать на сторону правого. Они изучали также церемониальные обычаи и этикеты каждого двора. Желание отличиться храбростью, талантами и знанием приличий побуждало их знакомиться с знаменитейшими принцами и принцессами, рыцарями и дамами; они старались узнать их историю и заучивали их лучшие деяния, чтоб по возвращении на родину передать все в поучительных, занимательных и приятных рассказах.

Кроме беспрестанных случаев участвовать на турнирах и в войне, странствующим рыцарям приходилось иногда, в местах уединенных, наказывать злодеяния, обуздывать насилие и быть полезными; таким образом осуществляли они те чувства справедливости и великодушия, которые им были внушены. Всегда готовые на помощь несчастному, на покровительство и защиту слабого, они слетались со всех сторон, когда дело касалось исполнения их обета. Часто несколько рыцарей, собравшихся при каком-нибудь дворе, при котором их пожаловали рыцарским званием или при котором они просто присутствовали на торжественных празднествах, соединялись и целым обществом задумывали странствия, называвшиеся поисками (*quetes*), или для отыскания какого-нибудь исчезнувшего рыцаря или дамы, попавшей в руки врагов, или для другого более высокого предприятия. Герои, переходя из страны в страну, проезжая леса, не имели при себе ничего, кроме необходимого для собственной защиты оружия; они кормились единственно охотой. Вбитые в землю плиты, специально приготовленные для них, служили им кухней; на плиты эти клали они убитых ими козлят, которых прикрывали другими камнями, и

таким образом выдавливали кровь; соль и некоторые пряности, единственные их запасы в дороге, составляли всю приправу.

Чтобы вернее захватить врага — цель их поисков, пни разделялись на небольшие отряды из трех-четырех человек, меняли или прикрывали свои гербы чехлами для того, чтобы их не узнали. Год и один день — обыкновенный их срок для окончания предприятия. Но данной ими клятве они обязаны были, возвратясь домой или в сборное место, откровенно рассказать о своих похождениях, промахах и бедствиях.^[26]

У странствующих рыцарей трубадуры и романисты заимствовали свои чудесные рассказы, в которых старинные предания, иногда в основе своей истинные, перемешиваются с вымыслом пылкого и поэтического воображения.

Маршанжи в тесной рамке соединил некоторые замечательнейшие похождения этих удальцов, которых можно назвать Тезеями и Геркулесами средних веков.

«Случалось, что паладин под вечер подъезжал к опушке леса; сквозь вершины деревьев высились зубчатые башни и серые донжоны огромного замка с блестящими от солнечного заката стеклами. Чтобы узнать, кто владелец этого жилища и где к нему дорога, он спрашивал угольщиков, лошади которых гам и тут бродили по лесу, пощипывая папоротник, проскурняк и звеня колокольчиками. Но вопрошаемые молча переглядываются; наконец, один из них объясняет ему, что этот замок, издавна всеми покинутый, населен привидениями и духами, что каждую ночь в нем слышны зловещий крик и протяжный вой. Рыцарь приказывает вести его туда, оставляет у первых ворот замка оруженосца и коня и мечом пролагает себе путь между крапивой, репейником и обломками, покрывающими двор и крыльцо.

Наполовину уничтоженные зеленой плесенью остатки гербов свидетельствуют, что когда-то это жилище было обитаемо благородной семьей, и паладин вздыхает при размышлении о том, как много великого быстро исчезает в этой юдоли бедствий; он садится на камень античного окна и любитесь томным блеском луны, играющей на верхушках деревьев; в ночной тиши среди этих романтических и пустынных мест слышится гармоничное пение соловья; вся природа в восхищении.

Но вдруг в зал, где рыцарь бодрствует, ворвался вихрь; окна с шумом затворяются, в средней двери показывается привидение;

храбрец без страха и укора вынимает свой меч, направляется прямо к призраку, преследует его по кривым коридорам и извилистым лестницам; видение отступает; наконец, он лицом к лицу с этим таинственным врагом; он чувствует, что под ним спускается подземная дверь; еще минута — и он в обширном подземелье, освещенном четырьмя лампами.

Тут — фальшивомонетчик скрывает от взоров людских свою преступную работу, боясь, чтобы предательский звук не отдал его каре законов; с каждым ударом маятника, содрогаясь от ужаса, он готов бы задушить раздающийся звук, он готов бы уничтожить эхо звонких сводов; волосы его становятся дыбом, а в испуганных глазах отражается страх будущего наказания. Храбрый рыцарь выводит его из логовища и передает жителям страны, которые долго после этого рассказывают путешественникам об имени и подвигах полуночного рыцаря (chevalier de minuit).

Но более гнетущая забота зовет странствующего рыцаря. Приближаясь к городу, он слышит ужасный звон колокола — или набат, или звон по умершему; он спрашивает молодых прачек, развешивающих на ветлах белье, что значат эти печальные звуки колокола, и узнает, что добродетельная дама обвинена в преступлении и будет сожжена живьем, если рыцарь мечом не докажет ее невинности.^[27]

При таком известии паладин дает шпоры своему коню, въезжает в печальный город. В смрадных и грязных улицах ни души, — он летит на площадь; она покрыта бесчисленной толпой, в середине — судилище, на нем восседают в траурном одеянии местные судьи, против них главный исповедник и монахи с крестом и факелами в руках; с одной стороны костер,^[28] возле него сидит жертва; с другой стороны — обвинитель, гнусное чудовище, который мстит оскорбленной им женщине за ее к нему презрение; он возводит на нее собственное преступление.

Взоры рыцаря уже оправдали обвиненную; он называет обвинителя лжецом, предателем, обманщиком и настоятельно требует доказать это поединком не на тупом оружии, не на легких копьях, но на оружии остром, поединком на смерть.

Он бросает на землю свою перчатку. Противники, пешие, с открытыми лицами, вооруженные мечами и кинжалами,

приближаются, делают крестное знамение и бьются. Справедливость одерживает верх, вероломный падает и признается в преступлении. Тогда судьи поля (juges du camp) передают труп герольдам, которые влекут его на грязной плетеной решетке (la claie fangeuse).^[29] Доспехи его повешены на позорный столб, потом рассечены на части и обесчещены, шпоры сломаны на навозе, а сам он похоронен на не освященном месте, как обыкновенно поступают с клятвопреступником, бесчестным и вероломным рыцарем.

Спасенная дама не успела еще придти в себя, а рыцарь уже покинул город. Горожане провожают его криком: „Добрый рыцарь, мы молим Бога, да исполнятся твои желания!“»

Во время таких благодетельных странствий рыцарь отдыхал сладко в замках, где удерживал его радушный прием. На воротах и башенных шпилях подобных замков ставились золотые шлемы — условные знаки гостеприимства и пристанища, готового для странствующих рыцарей. Таков был обычай, и пока существовало рыцарство, все дворяне и благородные дамы выставляли шлемы на высоких местах своих замков, чтобы странствующий рыцарь мог войти в чужой замок также смело, как в собственный.^[30]

Приближается рыцарь — трубит рог, опускается мост. Дамы спешат на крыльцо — встретить странника и поддержать ему стремя;^[31] потом они ведут его в зал, брусья которого испещрены гербами и цветами. Пажы подают ему мыться, распускают ремни его доспехов и мягкими тканями оттирают пыль с мокрого чела. «Добрый рыцарь, — говорят ему, — будь здесь, как дома, и если что тебе не по нраву — распорядись по-своему, ибо с этой минуты ты здесь хозяин».

Пажы тотчас же рассылаются и именем своих господ приглашают владельцев замков, подвассалов и окружных шутников отпраздновать прибытие рыцаря в веселом и приятном обществе. Вскоре являются в красивых платьях графы, знаменные рыцари, сенешаль (seneschal — «предводитель дворянства»), аббат, менестрели и музыканты.

После обеда, в сумерки, начинают плясать (baller) и забавляться. Трубадуры играют на мандолине, на шампаньской арфе, кельнской флейте, линьонской волынке. Между тем странник, сидя на скамейке, рассказывает старожилам свои похождения, учитель и богослов спорят, а придворный шут, пробираясь за креслами, старается смешить шутками и побасенками.

Рыцарь, отведенный в приготовленную для него комнату, находит

розовую воду для омовенья, потом высокую соломенную и пуховую постель с надушенным фиалками изголовьем. Пажы подают ему вино на сон грядущий и разные лакомства. На другой день, в минуту отъезда, рыцарь удивлен: паж подносит ему шелковую ткань, драгоценности и золото и говорит: «Добрый рыцарь, вот дары моего господина, он просит тебя принять их из любви к нему; кроме этого, под аркой колокольни готовы два парадных коня и два мощных жеребца для тебя и твоих людей. Господин мой вручает их тебе за то, что ты посетил его в его замке.»

Такие подарки принимались охотно, потому что они льстили рыцарской гордости, а давались они для того, чтобы хоть чем-нибудь быть участником в подвигах и похождениях рыцаря.^[32] Это был тайный договор, с общего согласия подписанный вежливостью и радушием того времени. Благородная мысль, рыцарская мечтательность внушали щедрому владельцу, что частица сокровищ, выходя из его рук, может обратиться, через этого рыцаря, в семя доблести и славы. Он предчувствовал, что его золото, облагороженное прикосновением рыцаря, утешит вдову и неимущего, выкупит пленника, обуеет странника, построит корабли, на которых паладин поведет дружину к блестящим победам. Он надеялся сказать себе когда-нибудь: «Может быть, рыцарь был на моем коне, когда рассеивал неприятелей; может быть, моим мечом он опрокинул великана или вождя сарацин; может быть, в моем доме соткан плащ, в котором рыцарь был на турнире!»

Но если во времена феодальной анархии, во времена беспорядков, несогласий, насилия странствующее рыцарство оказывало важные услуги, то понятно, что оно могло быть только преходящим и должно было существовать только до той поры, пока существовала причина, его породившая. Поэтому, лишь только общество, к концу средних веков, стало обращаться к порядку, а в новых государствах основалась и устроилась полиция, — независимый, отважный и причудливый характер странствующих рыцарей мог лишь затруднять правительства, а не служить им. С тех пор государи стали заботиться, как бы истребить в рыцарстве — карателе обид — все то, что было отмечено неожиданностью и причудливостью; они старались подчинить это учреждение духу порядка и дисциплины, что более согласовывалось с современными требованиями общества. Так мало-помалу исчезло романтическое рыцарство; оно слилось с рыцарством историческим. Его пережили на долгое время военные игры, турниры и поединки, которые пользовались покровительством государей для развития ловкости, мужества и рыцарской отваги.

Военные подвиги или предприятия

Из всех военных действий, порожденных рыцарством, военные предприятия соответствовали более других удалому и романтическому характеру рыцарей. Мы уже видели, что молодые люди, только что посвященные в рыцарское звание, во избежание праздности в мирное время, отправлялись странствовать по чужим краям и посещать дворы королей и знаменитейших принцев. Не всегда удавалось им вспомоществовать угнетенным или доводить предприятие до конца, особенно когда государи получили возможность справлять правосудие лично или посредством назначенных ими судей. За недостатком приключений, храбрецы придумывали их: они обнародовали, что в назначенном месте и в известное время они будут биться с каждым при таких и таких-то условиях для поддержания достоинства своего народа, чести своего короля и славы оружия. Это предложение называлось предприятием (*emprise*), а его исполнение — военным подвигом, поединком (*pas d'armes*), потому что обыкновенно оно состояло в том, что защищали проход или на мосту, или на дороге, или даже и на площади.

Когда вызов, содержащий в себе условия битвы, был обнародован, рыцари-защитники начинали стекаться в назначенное место. Там, утвердив свое знамя, они развешивали щиты, украшенные их гербовыми знаками, и девизами на деревьях или на специально для этого поставленных столбах, и принуждали всех рыцарей, желавших проехать мимо, биться или ломать с ними копья. Если несколько рыцарей вступали в союз для защиты прохода, тогда развешивалось столько щитов, сколько было рыцарей; чтобы не возбуждать зависти, проезжавший рыцарь дотрагивался копьем до одного из щитов, и хозяин щита должен был драться.

Обнародованный вызов скоро доходил в дальние края, а потому рыцари, желавшие сразиться с защитниками прохода, и дамы, жаждавшие подобных зрелищ, предлагавшихся обыкновенно в их честь, быстро съезжались со всех концов. В назначенный день поединки начинались с утра и захватывали часть дня. Бились или острым оружием, или тупыми копьями, согласно условиям вызова или дозволению, полученному от государей, на земле которых происходил поединок. Чаще всего побежденный обязан был дать победителю в залог победы или золотой перстень, или печать, или мех, или какой-нибудь драгоценный камень. Иногда условия поединка состояли в том, что побежденный обязан был

идти в плен к государю победителя и там, признав себя побежденным, припасть к стопам государя и оставаться пленником столько времени, сколько захочется государю. В этих случаях короли пользовались обыкновенно своим правом, по возможности, великодушно; они ласкали, утешали и чествовали рыцарей, таким образом к ним присланных.^[33]

Во время поединков ломание копья возобновлялось ежедневно; ежедневно за битвами следовали танцы, концерты, игры и пиры, предлагавшиеся рыцарями всем зрителям на берегу реки, на опушке леса, на склоне холма, потому что поединки происходили всегда близ лесов, вод и гор, не только для того, чтобы находиться в живописной местности, но и для того, чтоб дышать воздухом, освежаться под тенью деревьев, подле текучих вод, чтобы толпы зрителей удобнее группировались и отдыхали на склонах гор.

Эти поединки в мирное время были повсеместны. Описание их можно найти в рыцарских романах, но к сожалению в этих романах волшебного и чудесного так много, что, кажется, авторы заботились не столько о том, чтобы описывать нравы и действительную жизнь рыцарей, сколько о том, чтобы дать разгул своей фантазии. Впрочем, один из этих романов, оставляя в стороне порывы воображения, дает нам такие подробности о рыцарских похождениях, которые достоверны или по крайней мере вероятны, потому что они согласуются с историей и современными обычаями. А потому можно закончить главу некоторыми отрывками из этого романа в редакции графа де Трессана (le comte de Tressan):^[34] они дополняют сказанное нами о рыцарских предприятиях.

Молодой Сентре (Saintre), паж короля Иоанна, пройдя все низшие должности, достиг звания оруженосца *poursuivant d'ames*. Стремясь ознаменовать себя каким-либо блестящим подвигом, чтобы скорее получить рыцарское звание, он испросил у короля дозволение пуститься в предприятия и объездить чужеземные дворы. Король, очень любивший его, отвечал: «Как, друг мой Сентре, ты хочешь покинуть мой двор в то время, когда я тебя особенно жалею! Но, — прибавил добрый государь, — я не могу тебя осуждать, я не хочу отказать тебе в возможности оправдать мои чувства к тебе и приобрести право возвести тебя в рыцари».

Получив разрешение короля, Сентре стал деятельно готовиться. При этом он отличался великолепием и роскошью, достойными государя, подданным которого был. В день отъезда он явился к королю проститься и получить королевские грамоты о своем воинском звании. По обычаю того времени монарх, его семейство и принцы крови делали подарки молодому

дворянину, если только его предприятие приносило честь нации. Поэтому король подарил Сентре из своей казны две тысячи золотых ефимков, королева дала тысячу из своей, герцоги бургундский, анжуйский и беррийский столько же, их супруги одарили его браслетами, бриллиантовыми застежками, перстнями, драгоценными камнями для раздачи при тех дворах, где он будет сражаться.

Молодой Сентре отправился в Испанию. Во всех городах на его пути дивились его красоте, чувствам и щедрости. Он стал еще щедрее, когда переехал границу, где некоторые приключения ознаменовали его ловкость и его мужество. Каталонские рыцари, охранявшие проходы в горах и побежденные его оружием, дарами и обходительностью, предшествовали ему до Барселоны, где местные владельцы торжественно отпраздновали его прибытие. Тут он остановился на несколько дней, чтобы исправить и еще более украсить поезд. Отсюда же послал трех герольдов; первый был во французском костюме, украшенном отечественными атрибутами, а двое других имели на себе его фамильное платье и атрибуты. Они уполномочены были представить грамоты французского короля, его отпустившего, и вместе испросить ему дозволение представиться ко двору короля арагонского, припасть к его стопам и повергнуть перед ним свидетельство о своем военном звании. Его уважили во всем, и через несколько дней он прибыл в Памплону, где тогда был двор и куда дошла уже слава о благородном французском *poursuivant d'armes*: он был встречен множеством рыцарей и дам, которые были поражены великолепием и изяществом его поезда.

Когда он предстал к подножью трона, монарх говорил с ним предупредительно, расспрашивал о храбром рыцаре, царствовавшем во Франции, и прибавил, что он поздравляет этого рыцаря с таким учеником. Славнейшие рыцари готовы были оспаривать друг у друга честь, вызова (*le delivrer*),^[35] но они принуждены были уступить это право монсеньору Енгеранду, первому из них и ближайшему к королю; племянница короля была его супругой. Тотчас по окончании королевской аудиенции Енгеранд и все дворянство приблизились к Сентре с вежливостью и прямодушием.

— Собрат мой, — сказал Енгеранд Сентре, протягивая ему руку, — принимаете ли вы мой вызов?

— Принимаю, — отвечал Сентре. — Но мне стыдно, что я не заслужил той чести, которую вы мне оказываете.

— Чего бы я не сделал, — возразил Енгеранд, — для ученика такого великого государя и для такого *poursuivant d'armes*, равно прекрасного в глазах и наших дам, и наших кавалеров.

Потом он обнимает Сентре, ведет его к монарху, снимает с него браслет, призывает Арагона, первого придворного герольда, и отдает ему браслет с драгоценным рубином, который потом показывает дамам и рыцарям.

Следующий день был ознаменован блистательным праздником, данным королевой арагонской. Сентре отличался на нем изяществом и блеском, которые характеризовали французский двор. Мужчинам он понравился благородной вежливостью, дамам — почтительной любезностью. Это была первая честь, оказанная им своей нации: гордый и справедливый араговец не мог не признать преимущества французского, воспитания.

Во время празднеств готовилась арена. Письма Сентре гласили, что противники в первый день должны переломить пять копий, и что награда достанется тому, кто хоть в чем-нибудь да одержит верх. Те же письма гласили, что на другой день противники будут биться пешие, мечом, кинжалом и бердышом и что победитель получит богатый дар от побежденного.

Король и королева с многочисленной свитой почтили бой своим присутствием. Енгеранд превышал молодого Сентре на целую голову, его воинственный вид, его сила, его мужество, испытанные в двадцати боях, говорили за него, но общий голос был за Сентре.

Честь первых трех поединков принадлежала обоим противникам. На четвертом казалось, что преимущество на стороне Енгеранда, но на пятом оно положительно осталось за Сентре. Енгеранд промахнулся; Сентре, переломив его копье до рукоятки, ударил по забралу и, не опрокидывая противника совсем, пригнул его назад до конского крестца.

Бой был прекращен, противников повели к королевскому балкону. Арагон, первый герольд, провозгласил Сентре победителем. Енгеранд взял рубин и поднес его Сентре. Оба были приглашены к королевскому пиршеству и обоим оказывались великие почести. Следующий день был днем народного празднества.

На третий день трубы возвестили бой поважнее прежних; арена была сужена для боя пеших. Битва эта была продолжительная и упорная, а конец ужасный. Молодой Сентре, выронив бердыш, успел взяться за меч и долго отражал им удары Енгеранда. Ловко уклоняясь и отражая удары, он выбрал благоприятное мгновение и нанес такой сильный удар по запястью противника, что если бы не крепость наручей, он может быть отрубил бы руку Енгеранда, из которой бердыш вылетел на несколько шагов. В это время Сентре живо схватил свой бердыш, ударил им в забрало Енгеранда и

одним прыжком наступил на его бердыш. Енгеранд, в отчаянии, что обезоружен, подскочил к Сентре, крепко сжал его в объятиях и тщетно пытался повалить на землю: Сентре, со своей стороны обняв противника левой рукой, поднял над ним бердыш, но не ударял; он довольствовался тем, что не давал ему схватить руку. Король арагонский, желавший прекратить этот опасный бой, поднял свой жезл. Судьи остановили противников и легко развели их. Енгеранд, подняв забрало, воскликнул:

— Благородный француз, мой храбрый брат Сентре, вы победили меня вторично.

— Ах, что вы говорите, — возразил Сентре с живостью, — не я ли побежден вами, ведь мой бердыш упал прежде?

Во время этого благородного спора они были подведены к королевскому балкону; король сошел вниз, чтоб обнять того и другого. Между тем как герольды собирали голоса для провозглашения победителя, Сентре ускользнул из окружавшей его толпы, подлетел к герольдмейстеру, взял у него свой браслет и, сложив оружие, поднес его Енгеранду, как своему победителю, желая предупредить возглас герольдов. Но Енгеранд, не принимая залога, подал ему свой меч эфесом. Едва король успел остановить эти благородные порывы, решая, что Сентре должен сохранить свой браслет, как тот бросился к балкону королевы и, став на одно колено пред госпожой Элеонорой,^[36] умолял ее принять браслет, как цену победы, одержанной ее супругом. Раздался крик удивления; сама королева пришла поднять его с колен и решила, что Элеонора должна принять этот богатый дар из вежливости и чтобы почтить того, кто имеет столь возвышенную душу-Элеонора уступила, но сняв тотчас же с шеи алмазную нитку сказала:

— Сеньор, несправедливо будет оставить вас без знака вашей победы.

Сам король помогал снимать вооружение с обоих рыцарей. Сентре, заметив, что Енгеранд ранен, схватился за свой окровавленный кинжал и целовал на нем кровь, обливаясь слезами.

Легкая рана героя не препятствовала ему участвовать в пиршестве, которое последовало за битвой; король посадил Сентре и Элеонору подле себя, а королева оказала эту честь Енгеранду. День был ознаменован многими торжествами и Сентре постоянно был предметом самого лестного внимания. Торопясь возвратиться во Францию, Сентре простился с королем и королевой арагонскими, нежно обнял монсеньора Енгеранда, поклялся ему в неизменной дружбе и пустился в обратный путь. В Париже король Иоанн оказал ему самый лестнейший прием; старые рыцари и все придворные дамы встретили молодого *poursuivant d'armes* рукоплесканием, лучшей наградой победителю.

Месяц спустя по возвращении Сентре из Испании представился ему новый случай ознаменовать свои доблести на глазах самого короля и всего двора. Один из знаменитейших польских палатинов, сопровождаемый четырьмя не менее его знатными вельможами, прибыл в Париж полюбоваться двором короля Иоанна. Все пятеро, совершив один и тот же военный подвиг, носили золотую нитку на руке и цепь на ногах, мешавшую, однако, свободе движений. Они упросили монарха дозволить им оставаться при его дворе, пока не представятся столько же рыцарей, чтобы сразиться с ними.

Великолепие и изящная простота костюма польских вельмож изумляли весь французский двор. Шелковое полукафтанье с золотом, охватывая талию, доходило до колен; сбоку, на поясе, унизанном драгоценными камнями, висела широкая загнутая сабля; легкие сапожки, украшенные золотыми шпорами, надвинутая на лоб шапка со снопом перьев цапли, выходивших, как казалось, из груди алмазов, длинная пурпуровая мантия, подбитая соболем или астраханской мерлушкой, падавшая до ног и застегнутая на правом плече драгоценной запонкой, — в этом простом и благородном одеянии палатины соединяли воинственный вид северных воинов с великолепием вельмож юга. Обходительность и простота их нравов скоро были поняты, несмотря на гордый и даже немного суровый вид.

Множество молодых рыцарей и оруженосцев *poursuivant d'armes* спешили внести свои имена в список желавших сразиться, который два маршала Франции должны были представить королю. Полагают, что Сентре был не из последних в числе домогавшихся этой чести, а король Иоанн не задумываясь назначил его первым из пяти для поединка с чужеземными рыцарями.

Торжество было пышное. Сентре первый любезно спросил палатина-князя, согласен ли он вступить с ним в бой. Князь, зная о славе Сентре, считал за особенную честь выбор французского монарха. Он нежно сжимал в своих объятиях Сентре, пока тот нагибался, чтобы снять цепь и золотую нитку.

Ристалище было устроено подле дворца св. Павла на обширном поле св. Екатерины. Битва длилась два дня с равной честью для обеих сторон. Однако Сентре чувствовал свое превосходство над мужественным противником. Но он не воспользовался этим и в первый день довольствовался тем перевесом, какой требовала честь, а на второй день из деликатности подверг себя опаснейшему испытанию. Гордый и храбрый палатин, изучавший с детства искусство биться своей кривой саблей, может

быть, одержал бы решительную победу, если бы не чрезвычайная ловкость, с какой Сентре избегал и отражал удары соперника. Сентре, постоянно хладнокровный, что раздражало противника, долгое время только парировал удары. Зная по опыту, что смирение поражает добрую душу, он искусно поддерживал бой до назначенного для окончания его часа. Заметив же, что рука князя ослабла и наносила неверные удары, он пустил своего коня вскачь и, схватив княжеского коня за крестец, так ловко ударил по сабле, что она вылетела из руки. Тогда он легко соскочил с коня, поднял саблю, снял каску, скинул наручи и поспешил поднести саблю палатину. Польский князь обвороженный грацией и деликатностью Сентре, быстро соскочил со своего коня, чтоб принять саблю и обнять такого достойного противника, великодушно сознаваясь в своем поражении. Король Иоанн уже сошел с балкона и обнимал обоих бойцов; сжимая Сентре, он чувствовал нежную и живую привязанность отца.

Чего не придумывали тогда добродушный король Иоанн и его благородный, веселый и предупредительный двор, чтобы смягчить печаль польских вельмож после их поражения. Отправляясь к берегам Вислы, они щедро наградили Сентре, провожавшего их целый день, богатыми подарками и ласками.

Немного спустя простой курьер привез французскому монарху известие, что двенадцать британских рыцарей переехали море и, побыв некоторое время в Кале, отказались подчиниться принятым обычаям, что они не хотят явиться ко двору, решились не предпринимать ни чего такого, что обязывало бы их послать герольда и даже не примут герольда от того государя, которого не признают королем французским, так как он был сыном Филиппа Валуа. Известно, что их король тщетно оспаривал французскую корону. Поэтому британские рыцари остановились только на рубеже своей территории, выстроили вышку, раскинули палатки, к ним привесили свои двенадцать гербовых щитов и решились дожидаться французских рыцарей, которые посмеют дотронуться до их щитов.

Такое известие возбудило негодование французского рыцарства и зажгло ненависть между обеими нациями. Много рыцарей просило позволения наказать британскую гордость. Они собирались по двенадцати в порт Амблетез, откуда, не справляясь о числе противников, отправлялись снимать их щиты с той уверенностью, которая не разбирает опасности. Никто из них не имел успеха в переламывании копья, в чем постоянно упражнялось британское дворянство со времен рыцарей Круглого Стола. Такую оскорбительную новость скоро узнали в Париже. Король Иоанн взглянул на Сентре и ему показалось, что честь нации уже отомщена.

Сентре, воспламененный взором государя, обнял колени монарха и полетел к славе.

Он отправился в сопровождении рыцарей испытанной привязанности и мужества, прибыл на место и снял щиты; британцы вышли из палаток в полном вооружении и, думая сразиться со слабым врагом, не побоялись показать на валявшееся в пыли французское оружие. Проникнутые справедливым негодованием, Сентре и его товарищи ударили на британцев с яростью. Последние скоро уступили: копья, бердыши, мечи были для них одинаково губительны; Сентре опрокинул тяжестью своих ударов пятерых. Наконец они принуждены были просить пощады.

Сентре, овладев их щитами и знаменами, приказал подобрать французские и поставил их с почестями на помосте. Он пренебрег конями, и, отправляя британцев в Кале, сказал им, что на этом самом месте он останется три дня в готовности защищаться против всякого, кто только нападет на него из Кале. Но три дня прошло, ни один британский рыцарь не показывался. Тогда он разрушил помост и, быстро возвратясь, вступил в Париж при кликах многочисленной толпы. Щиты были повергнуты к стопам короля. Монарх немедленно наградил победителя: на другой же день назначено было собраться многочисленному обществу и Сентре был пожалован в рыцари.

Однако военные подвиги обыкновенно предпринимались простыми рыцарями, любителями приключений, и не сопровождались ни пышностью, ни торжественностью турниров.

Турниры, их происхождение, уставы, устройство, приготовления к ним и обряды

Турниры представляли собой военные упражнения, происходившие на арене, окруженной зрителями.

Во Франции, в Англии, в Испании и в других европейских государствах, короли и верховные владельцы в праздничные и торжественные дни по случаю их браков, коронаций, крестин их детей и многих других случаев, когда бывали при дворах публичные собрания, имели обыкновение устраивать турниры. На этих турнирах одинаковое число рыцарей с каждой стороны бились друг с другом тупым оружием (*armes courtoises*), т. е. копьями с закругленными, тупыми концами, или затупленными мечами, так что удары бывали не слишком опасны.

Король Филипп Валуа издал множество законов и постановлений относительно турниров; в особенности он узаконил, кого исключать, что можно видеть из следующих пунктов одного постановления.

1. Дворянин или рыцарь, сказавший или сделавший что-либо противное католической вере, исключается из турнира, и если, несмотря на преступление, он будет домогаться участия, основываясь на знатности своего происхождения, то да будет он сильно побит и изгнан другими дворянами.

2. Кто не дворянин по отцу и матери, по крайней мере в третьем колене, и кто не представит свидетельства о своем воинском звании, тот не допускается в число сражающихся.

3. Кто изобличен в вероломстве, тот со стыдом изгоняется с турнира, а гербы его бросаются и попираются участниками турнира.

4. Кто учинит или скажет что-нибудь противное чести короля, своего государя, тот да будет побит посреди турнира и с позором выведен, за барьер.

5. Кто изменит своему государю-повелителю или покинет его в битве, предательски убегая, возбуждая смятение в войске, сражаясь из злости или вражды со своими, вместо нападения на неприятеля, если только такое преступление будет доказано, — да

будет примерно наказан и изгнан с турнира.

6. Кто употребит в дело насилие или оскорбит словами честь или честное имя дамы или девицы, да будет побит и изгнан с турнира.

7. Кто подделает печать свою или чужую, кто злоупотребит, или нарушит, или даст ложную клятву, кто учинит что-либо недостойное, кто похитит что-либо из церкви, монастыря, часовни или другого священного места и кто осквернит их, кто притеснит бедного, вдову и сироту или силой отнимет у них собственность, вместо того, чтоб их наградить, поддержать и побереечь, — да будет наказан по законам и изгнан из общества, участвующего в турнире.

8. Кто по вражде к кому-нибудь будет изыскивать средства отомстить ему каким-нибудь бесчестным и чрезвычайным способом, разграблением или поджогом его строений, травой его лугов, полей, виноградников, из-за чего народ может потерпеть убыток или неудобство, тот да будет наказан и изгнан с турнира.

9. Кто придумает и обложит свои земли новым. налогом без дозволения своего верховного владельца, от чего могут потерпеть купцы убыток, а торговля остановиться в ущерб народа, тот да будет наказан на турнире публично.

10. Пьяница и сварливый изгоняются из общества, участвующего в турнире.

11. Кто ведет недостойную дворянина жизнь, существуя ленными доходами и щедротами своего государя, и кто промышляет товарами, подобно простолюдинам, кто вредит соседям, и таким образом своими дурными поступками порочит дворянское звание, — тот да будет высечен на турнире и изгнан с позором.

12. Кто не явится в собрание, когда он приглашен, кто по алчности или по какой-либо другой причине женится на простолюдинке, тот исключается из турнира.

Следственно турниры устраивались не только, как великолепные и царские потехи для зрителей, но и как благородные собрания, в которых, так сказать, очищалась нравственность. Государи этой суровой строгостью, страхом всенародного бесчестия, принуждали дворянство исполнять его обязанности, обязывали его стремиться к добродетели и удерживаться от

порока; из желания попасть в число рыцарей дворяне становились честными людьми.

На турнирах и военных игрищах было строго запрещено разить острием меча; наносить удары можно было только плашмя, затупленным лезвием, и не по лицу.

Почетный рыцарь, избранный дамами, обязан был наблюдать, чтобы никого из рыцарей не увечили, чтоб никого из них не били жестоко; было постановлено, что если почетный рыцарь своим шарфом или привязанным дамами к концу его копья значком (*couvre-feu*) дотронется до кого-нибудь, то соперник давал ему перевести дух; поэтому несчастья случались редко.

Новики, оруженосцы и пажи, домогавшиеся рыцарского звания, во избежание вреда упражнялись деревянными мечами и ломали пихтовые копья.

Турниры и смертные поединки, на которых бились острым оружием или боевыми мечами, или заостренным булатом, следовательно с кровопролитием или насмерть, никогда не дозволялись; они были даже осуждаемы религией. Папы Иннокентий и Евгений запретили их; то же постановил и собор лютеранский, бывший в Риме в 1180 году, в папствование Александра III. Иннокентий III возобновил это запрещение; наконец папа Климент, желавший уничтожить кровопролитные турниры, обнародовал в октябре 1313 года, в царствование Филиппа Прекрасного буллу, воспрещавшую всякого рода бои под страхом отлучения от церкви. Но довольно о кровавых игрищах, отзывавшихся временами варварства, возвратимся к рыцарским празднествам, на которых, конечно, случалось, что несмотря на все предосторожности, неумелые и разгоряченные бойцы проливали кровь, но это делалось не намеренно.

Во всех странах турнир обнародовался за несколько месяцев или по крайней мере за месяц ранее. Герольды отправлялись в города и в большие замки с гербовым щитом приглашавшего, и вот как возвещали о турнире под звуки трубы.

«Слушайте, слушайте, слушайте! Владетели, рыцари и оруженосцы, вы все, искатели счастья, уповающие на крепость оружия во имя милосердного Бога и Пресвятой Богородицы, извещаетесь о великом турнире; он устраивается пресветлейшим и великим владетелем, гербы которого вы видите; этот турнир будет доступен всякому и удалство на нем будет покупаться и продаваться железом и сталью. В первый день будет три боя копьем и двенадцать мечом, на коне, тупым оружием.

Запрещается, как то всегда у достойных рыцарей водится, горячить коня соперника, бить в лицо, увечить и наносить удары лежащему (après le cri de merci). Наградой лучшему бойцу будут: развевающиеся при малейшем дуновении перья, золотой браслет с эмалью весом в шестьдесят ефимков.

На второй день противники будут биться пешие, сперва копьем, потом бердышом, и по приговору судей наградой храбрейшему будет рубин в сто ефимков и серебряный лебедь.

На третий день назначена общая схватка (behoys)^[37] и рыцари будут сражаться половина на половину; победители берут пленников и ведут их к дамам, награда — полное вооружение и конь с золотым чепраком.

Вы, желающие отличиться, приезжайте туда-то (означалось место турнира) за четыре дня, чтобы разместить гербы у дворца, аббатства и других строений по соседству с ристалищем. Между прочим, вот что гласит королевский приказ».

Герольд читал затем устав турнира.

Такие прокламации были весьма часты в мирное время, ибо турниры, удаляя дворянство от праздности, развивали искусство владеть конем и оружием и поддерживали воинственный жар, который погас бы при долгом бездействии.^[38]

Для турниров всегда выбирали место около больших городов, построенных на реке, близ леса, так что город был как бы оградой с одной стороны, а лес с другой; оба пролета закрывались деревянными барьерами, вне их выставляли флаги начальников турнира.

Роскошь вооружения и нарядов, красота пиров и балов, словом великолепие этих замечательных игр поощряло промышленность, торговлю и искусства, развивая во всех классах то нравственное, что при феодализме было доступно только высшим слоям общества.

Турниры, куда стекались трубадуры и менестрели, чтобы воспеть в своих балладах и тансонах победителей, бывали для этих романтических Пиндаров поводом соревнования, а частое соревнование могло содействовать возрождению литературы.^[39]

Лишь только герольды возвестят об устройстве турнира, как все владельцы, рыцари, их жены начинают собираться в назначенное место. Они стекались туда отовсюду и даже из чужих краев; несколько дней по дорогам тянулись караваны, оруженосцы, ведущие добрых коней (de beaux dextriers en dextres), гаеры и забавники, со всех сторон показывались

дворяне с соколами на руках и в сопровождении пажей и слуг, богато разряженные дамы, придерживающие одной рукой шелковые вожжи своих иноходцев, а другой — свои прозрачные зонтики, наконец, показывались партии человек в двести, делавшие небольшие дневки и тратившие много денег. Так в веселом обществе собиралось на турнир дворянство целого округа; все члены его, и, дамы и кавалеры носили одинаковое платье, — или белое с золотым галуном, или красное с галуном серебряным; все они в монастырях и гостиницах назывались одним, простым именем: белые (*compagnie blanche*) или красные (*compagnie a la riche couleur*). В числе их были знатные владельцы под именами: красный граф (*comte rouge*), зеленый барон (*baron vert*), черный принц (*prince noir*), потому что они отправлялись на турнир в вооружении такого цвета. Имена эти были в чести, ибо доказывали право участвовать на турнире; они неизменно сохранялись между современниками и даже в истории; значительнейшие личности скрывали под такими именами свои настоящие фамилии.

Прибыв на ристания, рыцари, по предварительному уведомлению, развешивали до открытия турниров свои шлемы, свои гербовые щиты, свои украшения поблизости от ристалища.

Вот как один очевидец рассказывает о приготовлениях и обрядности турниров.

«Обыкновения и обрядность турниров состояли в том, что король или принц посылал герольда с двумя помощниками (*poursuivants d'armes*) или с двумя молодыми дворянами, вооружаемыми его гербовым щитом, к тому королю или принцу, с которым намеревался состязаться. Посланники вручали вызов. Вызов заключал желание устроить турнир в честь его высокого имени, мужества и доблестей, в таком-то месте, для славы и чести рыцарства, на удовольствие и отраду дам.

Вызываемый смело выступал и радостно вербовал рыцарей, желавших принять его сторону; он помогал им во всем для них необходимом. Высшие рыцари (*les chevaliers du plus haut etat*)^[40] носили цвета и гербы, какие им вздумается, лишь бы только был кое-какой значок того, чью сторону принимали; низшие, напротив, носили цвета и гербы своего временного повелителя. Только начальники дружин поднимали знамена. Дружины разделялись на три равных отряда: в последний помещали славнейших рыцарей для того, чтобы их мужеством выдержать натиск и окончательно выиграть битву.

Принимающий вызов являлся не ранее, как за три или четыре дня до срока, и располагался против города, потому что ему не дозволялось входить туда до окончания турнира.

Трибуны для дам строились в том месте, где сходились оба ристалища (*les deux lices*), примыкавшие обыкновенно к городским стенам: отсюда начинались ристания рыцарей. Напротив была или река, или лес.

У каждого ристалища было по трое больших и довольно широких ворот; в них въезжали рыцари, по шесть с обеих сторон для того, чтобы изготавиться к бою под своими знаменами.

Всякий рыцарь мог до открытия турнира навещать своих друзей как вздумается, а принцев — только переодетый. Это было дозволено и оруженосцам и вообще всем участникам до кануна турнира, а потом всем запрещалось оставлять свои места без разрешения начальника.

Накануне вся молодежь, домогавшаяся рыцарства, собиралась вместе и одетая в одинаковое платье обедала за столом своих сеньоров, сидя в порядке, соответствовавшем достоинству и обязанностям каждого; затем все вместе в сопровождении старых рыцарей шли к вечерне.

После этого главный начальник дружески увещевал их быть верными и честными во всем, чтить церковь, поддерживать вдов и сирот, часто бывать на войне, биться и умирать за правду, уважать дворянство, любить храбрых мужей, быть ласковым и любезным с добрыми и гордым со злыми.

Затем они возвращались в церковь, где с благоговением бдели всю ночь до утра, когда пели раннюю обедню Св. Духу.

А после, отдохнув в своем пристанище, все идут за главным начальником к поздней обедне, по два в ряд, и в церкви садятся на указанных церемониймейстером местах; тотчас после пения молитвы и благословения, установленных по сему случаю, главное лицо дает всем лобзание, препоясывает всех мечом, а тем временем низшие чины надевают рыцарям шпоры. Потом садятся опять на свои места и по окончании литургии провожают начальника в его ставку, где пируют, как пировали накануне.

В девятом часу рога трубят вечерний турнир; вооруженные рыцари, в богатом убранстве, на конях являются на ристалище, но не с разноцветным щитом, а с одноцветным, не препоясанные мечом, а с пихтовым затупленным копьем, ристают и мечут копья

до вечера; когда рога затрубят отступление, тогда они снимают с себя оружие, роскошно одеваются и являются к ужину, а за ужином начальник ласкает и чествует каждого по заслугам; отличившийся больше других садится за столом начальника, который его потчует и хвалит беспрестанно.

На рассвете следующего дня, после литургии, завтракал тот, кто хотел; в первом часу все участники турнира являлись на ристалище, вооруженные с головы до ног, под своими знаменами.

На турнире, всякий имел девиз, какой ему нравился, лишь бы в девизе был хоть малейший знак того владельца, сторону которого он принимал; случайно приехавшие и не желавшие быть узнанными не имели девиза.

Дамы появлялись на трибунах, сопутствуя знатнейшим принцессам.

После этого и после сигнального рожка, въезжали на ристалище первые ряды рыцарей; там наносили много славных ударов и много рыцарей бывало побито, так что иной ряд совершенно расстраивался, если не подкреплял и не поддерживал его свежий; противная сторона посылала столько же рыцарей или сколько было нужно; отряды увеличивались, усиливались, подкрепляли друг друга до того, что наконец все вступали в бой, и как приятно было видеть усилие и мужество каждого на защиту собственной чести и на победу. Но когда одна сторона, видимо, терпела явное поражение, тогда въезжали неизвестные и весьма мужественные рыцари; они так помогали разбитым и смятым, что отдали бы им победу в руки, если бы в свою очередь не были побиты наповал вновь прибывавшими, так что счастье победы переходило то на одну, то на другую сторону; победители бывали побеждены, и глас народа указывал на неизвестных рыцарей так: „Вот этот герб всегда побеждает!“

Наконец окончательно разбитая и побежденная сторона покидала поле битвы и скрывалась в лесу; оттуда рыцари показывались по одиночке, без коня и без оружия, а победители, не заманивая их больше на новый бой, собирались под свои знамена.

Часто случалось, что неизвестные рыцари, хотя и побеждали на турнире, но так быстро удалялись, что только по догадкам узнавали, кто они; по этой причине многие пускались за ними в погоню, чтобы настигнуть и вернуть их ко двору принца, который

принимал их с великой честью.

Иногда по окончании турнира побежденной стороне предоставляли право возобновить битву на другой или в назначаемый день.

Редко случалось, чтобы владетели при расставании, на третий день, сохраняли дружественные отношения; чаще досадовали на мужество соперников, что впрочем тщательно скрывали. Эта досада бывала поводом к возобновлению турниров, так что месяца без них не проходило; славные рыцари по этой причине были особенно награждаемы и ласкаемы в это время; многие из них пользовались почестями и уважением более самих принцев, а это порождало много храбрых и смелых рыцарей». [\[41\]](#)

В императорской парижской библиотеке есть подлинная рукопись короля иерусалимского Рене д'Анжу о чине увеселительных турниров. Это полнейшее по поводу турниров сочинение, написанное государем, принимавшим самое живое участие в— подобных забавах, дает точное объяснение обычаям, предшествовавшим турнирам. Обширность сочинения не позволяет привести его вполне; да к тому же многие из этих постановлений уже приведены в этой главе; поэтому мы удовольствуемся выборкой некоторых частных, которые будут достаточны, чтобы составить понятие о рукописи этого государя, настоящего рыцаря-трубадура.

Прежде всего автор кладет в основу, что желающий устроить турнир должен быть государем, или по крайней мере знатным бароном, или знаменным рыцарем. Потом он вдается в подробности обрядов, при соблюдении которых принц вызывающий (*appelant*) посылает объявление о турнире к государю-защитнику (*defendant*); он определяет, как выбирать судей (*juges-diseurs*), порядок и способ обнародования и т. д. Переходя потом к костюму и вооружению рыцарей, участвующих в турнире оруженосцев (*escuyers-touno-yeurs*), он описывает все со всеми подробностями. Вот некоторые из них:

«Герб должен быть кожаный, плотно набитый волосом или шерстью, в толщину, по крайней мере, меча; на гербе должен быть изображен шлем со всеми его атрибутами; свех намета должен быть еще герб, а вокруг него бурелет или жгутик (*un tortil*) какого угодно рыцарю цвета, в толщину локтевой кости или

по желанию рыцаря.

Меч должен быть шириной в четыре пальца, чтобы он не мог пройти сквозь сетку забрала; он должен быть затуплен с обеих сторон; для легкости он должен быть выбран по середине; рукоятка не длиннее руки; клинок (*la masse*) той же длины, с чашкой для защиты руки.

Толщина и вес мечей определяются судьями накануне турнира; мечи должны иметь клеймо для предупреждения незаконной длины или веса.

Самые короткие шпоры удобнее длинных, потому что в свалке их труднее сорвать с ног; полукафтаны должны быть такие же, как и у герольдов, но без складок, чтобы виднее было вооружение».

Далее следует длинное описание вооружений и одеяний, употребляемых на турнирах в Брабанте, Фландрии, в Геннегау и в зарейнских землях. Потом автор переходит к устройству ристалищ и к въезду в город, в котором устроен турнир.

«Ристалища должны быть длиннее ширины на четверть, а ограда в высоту человеческого роста или в шесть с половиной футов, из крепкого дубового дерева и четырехугольных двойных свай; и те, и другие на высоту колена должны быть двойные. Внешнее ристалище должно устраиваться в четырех шагах от первых для того, чтобы пешие слуги могли освежаться и спасаться из свалки; там же помещались особые слуги (*gens armes*), назначенные судьями, чтобы не допустить народной толпы участникам турнира; что касается величины ристалищ, то строят и большие, и малые, смотря по числу участников и приговору судей.

Вот каким образом участники должны въезжать в город, где будет происходить турнир: прежде всего въезжают принцы, сеньоры и бароны, желающие на турнире поднять свое знамя, в сопровождении наибольшего числа рыцарей и оруженосцев, сколько могут набрать.

При въезде в город ратный конь принца, сеньора или вожда других рыцарей, покрытый попоной с девизом своего хозяина и с гербами на четырех концах, и сопровождавшие коня оруженосцы должны быть впереди; на хребте коня или в седле сидит

маленький паж. За ним должны идти ратные кони других рыцарей и оруженосцев, по два в ряд или в одиночку, если хотят, с гербами на четырех концах попона. За ними идут и играют трубачи и другие музыканты, а потом герольды со своими помощниками (*poursuivants*) в полукафтаньях. Потом рыцари и оруженосцы, участвующие в турнире, со всей свитой.

Тотчас по прибытии на квартиру (*hebergement*) сеньор или барон должен выставить свой герб напоказ, для чего его герольды и их помощники должны были к стене его жилища приставить длинную доску с нарисованными на ней гербами; на верхнем окне жилища должно поднять свое знамя; упомянутые герольды и их помощники должны иметь по четыре парижских су для того, чтобы ими прикрыть гвозди и узлы, которыми прикреплялись герб и знамя.

Судьи должны въезжать, как сказано ниже: сперва перед ними идут четыре играющих трубача, каждый со знаменем одного из судей; за четырьмя трубачами — четыре помощника герольдов, каждый с мантией одного из судей; за ними должен идти герольдмейстер (*le roi d'armes*), в мантии, на которую нашивался кусок зеленой парчи, красного бархата или атласа, а над ним — гербовый пергамент.

А за упомянутым герольдмейстером должны ехать в ногу два рыцаря-судьи (*juges-diseurs*) на красивых парадных конях, покрытых гербами до земли, а одеты должны быть в длинные и по возможности богатейшие платья, а оруженосцы за ними также; при каждом из судей находится пеший служитель; он ведет одной рукой под уздцы ратного коня, в другой держит белый прут длиной в свой рост, а прут они должны носить и пешие, и конные во все время торжества».

Надо заметить, что сеньор вызывающий и сеньор защищающий обязаны послать, как только придут, каждый по одному из своих гофмаршалов с казначеями, которые должны платить за содержание судей.

Далее следуют инструкции судьям, как поверять гербы и как провозглашать исключение из турнира подпадающих под какой-нибудь из упомянутых случаев.

Накануне назначенного для турнира дня сеньор вызывающий делал смотр, затем судьи произносили присягу участникам турнира. Она провозглашалась герольдами следующим образом:

«Верховные могучие принцы, сеньоры, бароны, рыцари и оруженосцы, не благоугодно ли вам, всем вам и каждому из вас поднять правую руку к небу и всем вместе обещать и присягнуть верой и правдой, жизнью и честью, что никто из вас на предстоящем турнире не ударит другого острием меча, ниже пояса; а если шлем случайно упадет с чьей-нибудь головы, никто до того рыцаря не дотронется, пока он не наденет и не застегнет шлема, под опасением, в противном случае, лишиться вооружения и коня и быть изгнанным с турнира, если только это сделано умышленно; выполнять приказ везде и во всем, в чем вы присягаете верой и правдой, жизнью и честью».

На это отвечали: «Да, да».

Затем, защищающий входил в ристалища и делал такой же смотр, как и сеньор вызывающий.

За всеми этими предварительными действиями следовало отдохновение, после чего герольдмейстер объявлял назначенный для турнира час таким образом:

«Теперь слушайте, теперь слушайте, теперь слушайте (Or ouez, or ouez, or ouez).

Верховные могучие принцы, принцы, графы, сеньоры, бароны, рыцари и оруженосцы — участники турнира, я вам возвещаю от имени судей, чтобы обе стороны построились в ряды завтра в полдень, в вооружении и в готовности ристать, ибо в час судьи прикажут обрубить канаты для начала турнира, на котором дамы раздадут богатые и изящные дары.

Кроме того, предупреждаю, что никто из вас не должен вводить в ряды конных пажей для услуг, кроме назначенного числа, т. е. четверых для принца, трех для барона, двух для рыцаря и одного для оруженосца; пеших же пажей, сколько кому благоугодно».

Затем дамами выбирался почетный рыцарь, который, как уже сказано, был посредником. Обязанность его состояла в том, чтобы предупреждать излишнюю запальчивость и защищать слабого от победителя, раздраженного его стойкостью или ослепленного успехом. Почетный рыцарь должен был также препятствовать нанесению увечий тому, кто присужден был к битью и изгнанию с турнира. Знаком власти был головной убор, который давали ему дамы и который по этой причине назывался *merci des dames*.

Большие турниры. Раздача наград

В предыдущей главе было сказано обо всех приготовлениях к предстоящему турниру. В настоящей мы расскажем обо всем, происходившем обыкновенно на больших или на королевских турнирах. Мы последуем за верным путеводителем Маршанжи.

С утра назначенного для турнира дня оруженосцы входили в покои рыцаря, чтоб вооружить его. Рыцарь, надев гобиссон и полукафтанье, шел в уборную (la salle des atours). Там, на мраморных столах и богатых седалищах бережно раскладывались мантии, горностаевый мех, пояса, перья, медные шишаки, отрядные знаки, бурелеты, наметы и другие рыцарские украшения.

Между тем раздавался рожок, церковные колокола башен, колоколен и ратуш оглашали воздух громким звоном. Герольды со всех сторон кричали «Надевайте шлемы, надевайте шлемы (lacez les heaumes)!» т. е. «рыцари вооружайтесь!» Народ в праздничном наряде толпами валил по усыпанным цветами и украшенным венками и цветными материями улицам.

С самого рассвета тысячи зрителей взбирались на возвышенности, господствовавшие над ристалищами; соседние холмы покрывались шатрами и палатками с развевающимися флюгерами ярких цветов, плюмажами и гирляндами роз. Обширное пространство, назначенное для ристания, обставлялось высокими скамейками, полукруглыми амфитеатрами, изящными пирамидами, поддерживающими галереи, балюстрады, палатками, или ложами из легких брусьев, перила которых украшались богатыми драпировками и гербами.

Над каждой ложей четыре копья придерживали красное с золотой бахромой сукно; там же сплетенные из зелени зонтики предохраняли от солнечных лучей дам и девиц, собиравшихся смотреть на эти игры.

На некотором расстоянии от ристалища развешаны были большие ковры с гербами, девизами и надписями; на них читали: «*Честь сынам храбрых! Награда и слава тому, кто одержит верх!*» Сеньоры, не вступавшие в бой, показывались на носилках, в длинных горностаевых, с откинутыми отворотами, мантиях.

Между тем рыцари стекались со всех сторон; одни великолепием костюма и многочисленностью возбуждали восторженные клики, другие — в черном или вороненом вооружении — являлись без конвоя и становились в стороне: они были неподвижны и мрачны; только нетерпеливые кони,

изредка скребя землю и потряхивая гривами, покачивали султаны этих наездников.

Их щиты покрыты чехлами; гербы предстанут взорам только тогда, когда мечами и копьями пробиты будут чехлы, тогда только зрители узнают, что за храбрый витязь перед ними.

Многие дружины бойцов, одетых по древнему, предстанут под именами богатырей Кира, Александра, Цезаря, под именами рыцарей Феникса, Саламандры, Храма Славы, Палаты Благоденствия. Значительному числу нравилось изображать героев Артюса и Карла Великого; они употребляли цвета и девизы Лансло, Тристанов, Роландов, Ожье, Рено, Оливье, наконец, имена всех легендарных героев, которым воображение придавало какую-то действительность. Храбрые рыцари, достойные сзюих предшественников по доблести, охотно являлись под их именами.

Слыша эти присвоенные имена, толпа, пораженная благородством и воинственным видом рыцарей, постепенно поддавалась обаянию и кончала тем, что в своем восторге принимала турнирующих рыцарей за действительных героев, о похождениях которых узнала из современных романов.

Число рыцарей ежеминутно умножалось, ристалища казались усеянными копьями, между которыми развевались знамена и хоругви, как мак и васильки колышутся среди волнующейся нивы.

Но более всего поражало взоры зрителей, особенно с галерей, разнообразие нашлемников. Одни носили драконов, химер, выбрасывающих из пасти пламя, головы кабанов, львиц, львов, буйволов, сфинксов, орлов, лебедей, кентавров, амура, мечущего стрелы, дикаря с палицей, башни, бойницы и десятки других изображений из драгоценнейших металлов и самых ярких цветов. Перья, султаны, золотые снопы, розы и короны украшали значительную часть нашлемников.

В этом множестве рыцарей есть знаменитые рыцари, о похождениях которых поэты и романисты расскажут когда-нибудь. В этой массе найдутся родившиеся с таинственными знаками; о них совещались волшебники и астрологи, им при рождении предсказали блестящую будущность.

Там увидишь молодых господ, спасенных слугами в то время, когда горел замок их предков, или укрытых от ненависти мачехи и вскормленных в глухих лесах ланью или волчицей. Туда являлись унылые и изнемогающие от любви рыцари; иной из них, на пути к Источнику Равнодушия, по указанию вещуна, останавливался на турнире в надежде на

смерть или на славу в замен счастья.

Там встречались кончившие опасные предприятия и вышедшие победителями из всех западных страшных замков. Там показывались рыцари, великодушные которых отвергло корону, предложенную народом, освобожденным ими от постыдного налога и страшного деспотизма похитителей власти.

Там бывали братья по оружию, которые пили из одной чаши свою смешанную кровь и клялись защищать и любить друг друга вечно.

Сотоварищи всевозможных удач и опасностей, они помогают друг другу и силой, и имуществом, только не честью, и так любят друг друга, что неразлучны и вместе пытаются счастье.^[42] У них одинаковое оружие, а сердца их, воодушевляемые святой дружбой, не просят у Неба иного чувства.

Вот идут и искатели приключений, бедняки без роду и племени, ищущие в звании низших рыцарей случая отличиться мужеством; у них щиты белые, одна лишь победа доставит им герб; девиз их: «*Честь выше всего!*»

Там увидишь много поклонников любви и красоты, с цепями и лентами и не снимавшимися значками. У многих из них один глаз закрыт повязкой, потому что они дали обет не открывать этого глаза, пока не исполнят богатырского дела.^[43]

Но звук труб и звон колоколов усиливаются: король с своим двором приближается. Герольды попарно открывают шествие, неся жезл или ветвь мира. На челе их повязка или дубовый венок; на них обшитое золотым галуном полукафтаны, на груди эмалированная бляха с гербом родины. Они неприкосновенны и безбоязненно могут проходить через поле битвы, подойти к вождю врагов, передать им от имени народа слово ненависти и мести, объявить войну, мир, перемирие, возвестить и устроить турниры, посвящение, пожалование, и обуздать чрезмерный пыл. Они — распорядители представления и всего этикета, хранители дворянских грамот и гербов, живописцы гербовых знаков, сочинители монументов и памятников, а иногда и простодушные слагатели стихотворных рассказов о рыцарской удали.

За герольдами выступает герольдмейстер в сопровождении маршалов, оруженосцев и пажей. Ничто не может сравниться с его нарядом: он в бархатном полукафтаны с вышитыми на левой стороне цветами и жемчугом; сверху красная мантия, подбитая беличьим мехом и отороченная широким шитьем с рубинами и блестками.^[44]

За герольдмейстером следуют дворяне в черных вышитых жемчугом или блестящим гагатом платьях. За ними шесть белых коней везут колесницу, представляющую Фазтона и Солнце; ее окружают Аврора и Времена Года. Сто других дворян идут впереди еще большей колесницы, покрытой скалами и деревьями; ее везут волы, а впереди идет трубадур, представляющий Орфея с лирой.

За этим великолепным кортежем и многими другими, порождавшими, по выражению одного древнего историка, что-то таинственное,^[45] скачут один за другим тридцать знаменных рыцарей. За каждым из них по пятидесяти стрелков, а впереди высокое знамя, знак его власти. Все они обладают большими поместьями и значительным числом вассалов. Благодаря происхождению и обширности владений они могут поднять свое знамя в королевском стане. Часто на обратном пути эти знатные и храбрые сеньоры, с шарфом на руке, придерживали левой рукой победное знамя, присоединив к нему знамена и значки врага.

Следом за знаменными рыцарями едут судьи в длинных платьях и с белыми жезлами в руках. Пешие пажы ведут под уздцы их бегунов.

Среди этих рядов виднеются королевские барабанщики, флейтисты и трубачи в платьях из алой и белой камки.

За судьями — оруженосцы принцев в белых тафтяных или шелковых полукафтанных, вышитых серебром с голубыми шелковыми рукавами, обшитыми золотым галуном, и в шапочках, осененных белыми и голубыми перьями.

Потом следуют пажы — у них едва пушок на бороде, — они в вышитых золотом ливреях сеньора.

Наконец показался король, окруженный принцами крови, герцогами, высшими сановниками, коннетаблем, мундшенком, мундкохом, почетным рыцарем, сокольничими, егермейстерами, — все в одеяниях из золотой парчи и алого бархата, с символами своего звания.

Гривы и головы придворных коней покрыты пушистыми страусовыми перьями; кольцо из серебряных колокольчиков вокруг их шеи.

Король в белой тунике, усеянной золотыми цветами; его белый ратный конь украшен бархатными небесно-голубого цвета чепраком, волочащимся по земле и усеянном также золотыми цветами.^[46]

Подле монарха верховой оруженосец с вызолоченным копьем, расписанным золотыми звездочками; на копье штандарт, также украшенный золотыми звездочками. Позади короля следует поезд королевы, замыкаемый военными приставами, стрелками и дворянами;

каждый едет по утвержденному церемониалу. Когда король и королева сядут по местам, на среднем балконе, герольдмейстер выходит вперед и кричит громко:

«Теперь слушайте, теперь слушайте, теперь слушайте! Господа судьи просят и предупреждают вас, господа турнирующие, чтобы никто не напал с тыла и не разил ниже пояса, как вы уже обещали, и чтобы никто не разил другого по ненависти, когда он не заслужил наказания за проступки. Кроме того, извещаю, что никто не должен вступать в бой после того, как трубы протрубят отступление, хотя бы ворота и оставались открытыми».^[47]

После такого объявления судьи поднимают свои белые жезлы с криком: «Рубите канаты и пустите рыцарей в бой». Вооруженные топорами простые воины тотчас разрубают канаты, протянутые перед каждым рядом коней для того, чтоб умерить их рьяность. Трубит труба, преграда снята, и с противоположных концов мчатся, при трубных звуках, знаменуясь крестом, два *кадриля* рыцарей.^[48] Они сталкиваются в середине ристалища, и восемь копий разлетаются вдребезги. Противники, на мгновение неподвижные, озирают друг друга в скважины забрал, потом удаляются и возвращаются с новым оружием, которое опять ломается о щиты и латы соперников. Двенадцать раз ристалище открыто для их подвигов и двенадцать раз ломаются, как хрупкий хрусталь, их крепкие деревянные копья.

При каждом возвращении они, проезжая мимо амфитеатров, приветствуют дам жестами и возгласами. Наставники для возбуждения своих воспитанников кричат: «Теперь им, теперь им!» (*or a eux, or a eux*). Друзья, родственники и тысячи зрителей принимают сторону того или другого рыцаря и, несмотря на запрещение, воспаляют, повторяя его девиз, его поенный клич, его обеты, его подвиги, его происхождение, словом все, что электризует душу. Тогда от всего виденного и слышанного мужество рыцарей усиливается, подобно потоку, который, захватив в своем течении сотни источников, пенясь и бушуя, устремляется к поставленной против него плотине.

Сын рыцаря, достигая рыцарства сам собой, верит в свою непобедимость и чувствует, что его не испытанная еще сила удваивается. Прижимая щит к груди, потрясая мечом, он возобновляет бой с еще большим пылом; то припадая на гриву своего коня, то пригибаясь назад, он уклоняется или наносит ужасные удары, глаз едва успеваешь следить за

быстротой движений, а меч его непрерывно блещет и сечет.

Арена усеяна обломками: султаны, шарфы, кольца падают под острием железа; скоро лишённые своих отличий паладины остаются только в кое-каких запыленных доспехах.

Между тем большинство рыцарей, выказав в продолжении целых часов свою силу и ловкость, принуждено оставить бой, и из всех сражающихся остаются на арене только двое. Они продолжают борьбу тем более славную, что на челе победителя запечатлеются торжество предшественников и славой своей он обовьет славу своих соперников.

Такой блистательный успех провозглашается трубами и доходящими до облаков кликами.

Побеждённый в затруднении, становится в тупик и падает в прах; в унижении, в смущении он умоляет соперника лишить его жизни; но великодушный победитель подводит к паладину его коня, который рвался из арены, и говорит ласково: «Благородный рыцарь, храни меня Бог от убийства такого славного рыцаря; я поступлю, как поступил в свое время Карл Великий. Хотя победа и не за вами, но— вы выиграли сегодня богатырское дело; говорю это, любезный рыцарь, не из лести, а по чистой совести, и если я победил, то благодаря доброте моего оружия и боевого коня. А потому, прошу вас, из любви ко мне, примите этот браслет и носите его год и один день. Да не лишит вас нынешний случай веселости: завтра, быть может, и вы победите».

Вот как деликатность и великодушные рыцарей обязывали любить и прощать им их славу, и побеждаемые всегда не только утешались в случайных невзгодах, но и становились искренними друзьями и товарищами своих соперников.

На другой и на следующий за ним день то же стечение зрителей, то же великолепие, та же горячность со стороны соискателей; изменялся, только род битвы. В первый день происходило обыкновенно ломание копья, но другие два дня посвящены были упражнениям более важным, под названием военных подвигов, распри, свалки, увеселительных боев. Упражнения эти бывали живым и совершенным подобием всех опасностей войны; это были воображаемая атака бастиона, взятие приступом вала, защита дефиляе, моста через реку.

Наконец наступала минута наградить победителя. Герольды и маршалы собирали голоса присутствующих и преимущественно дам, потом давали беспристрастный отчет председательствующему на празднике принцу. Тогда судьи громко провозглашали победителя, а герольды, в свою очередь, превозносили его. От этого обычая произошло слово *геротмее*.^[49]

Тотчас за вызовом славных имен колокола, кимвалы, флейты, трубы, песни трубадуров, менестрелей разом оглашали воздух радостными звуками и аккордами; все торопятся, бегут посмотреть на героев, идущих прямо к стопам королевы, чтобы она сама их увенчала. Каждый их поздравляет, им рукоплещет, хочет дотронуться до их славного оружия, которым, как священными реликвиями, вскоре украсятся своды замков. С балконов щедрой рукой сыплют цветы на этих храбрых воинов, когда усердная толпа на руках несет их к королевскому балкону. Королева, взяв из рук своего супруга победный венок (*couronne d'honneur*), венчает им припавшего к стопам ее победителя, а король говорит ему:

«Господин рыцарь, в награду за ваше великое рвение, которое все видели сегодня, и во внимании к тому, что благодаря вашей храбрости ваша сторона победила, с согласия всех славнейших и по воле дам, награда и честь присуждены вам по праву».

Рыцарь отвечает почтительно:

«Всемиловитейший сеньор (или государь, когда он — его подданный), приношу мою бесконечную благодарность вам, и дамам, и присутствующим рыцарям за честь, которую вам благоугодно мне оказать, хотя я и убежден, что ничем ее не заслужил, однако же из повиновения к милостивому приказанию вашему и этих дам, если вам благоугодно, принимаю награду».^[50]

Счастливый рыцарь поднимает увенчанную лавровым венком голову, и это новый повод к рукоплесканиям и восклицаниям. Радость, увлечение публики не имеют меры. Пораженные и смущенные таким необычайным счастьем, таким общим одобрением, победители, кажется, изнемогают под бременем похвал. Эти удалцы, храбро и смело, со спокойным взором, с поднятым челом сто раз взиравшие на опасности и смерть, не могут перенести избытка своего счастья: одни обмирают на руках своих оруженосцев, другие, как дети, плачут и улыбаются и, бросаются в объятия друзей, соотечественников и, наконец, в объятия всех, кто только желает их видеть и прижать к сердцу.

Между тем трубадуры, взобравшись на галереи, поют следующую военную песню:

«Кто этот прекрасный рыцарь, среди оружия возросший, в шлеме вскормленный, на щите убаюканный, мясом льва насыщенный, под грохот грома засыпающий? У него лицо дракона, глаза леопарда и неукротимость тигра. В бою он яростью упивается и врага сквозь вихрь пыли он открывает: так

сокол видит свою добычу сквозь облака. Как молния быстрый, он сбрасывает с коня паладина, рукой своей, как молотом, он может размогнуть и того, и другого. Если нужно закончить великое дело, он не побоится переплыть моря Англии, перейти вершины Юры. В боях бегут от него, как легкая солома бежит перед бурей; на играх ни железо, ни платина, ни копье, ни щит не устоят под его ударами. Разломанные мечи, отдыхающие горячие кони, разбитые шлемы, копья — вот дорогие его благородному сердцу зрелища и празднества. Он любит разъезжать по горам, по долам, чтоб поднять медведя, вепря, оленя. Шлем — его изголовье, когда он спит».

По окончании турниров рыцарь снимал свое сломанное и запыленное оружие, потом ходил в баню и надевал щегольское, обрисовывавшее талию и руки полукафтаные (juastaucorps). Это платье, всегда яркого цвета, часто светло-желтого, было великолепно вышито; оно доходило до колен и, хотя казалось спереди застегнутым, подобно тунике, но полуоткрывалось при малейшем движении, а во время ходьбы было легко и свободно. Узкие панталоны, цветные короткие ботинки или полусапожки, белый шелковый с золотой бахромой пояс, со вкусом завязанный при мече, иногда красная мантия с богато вышитым воротником дополняли его костюм. На груди висели рыцарские ордена. Разглаженный воротничок полотняной рубашки не закрывал шеи, на которую ниспадали завитые волосы. Головной убор составляла бархатная шапочка, украшенная летящим назад пером.

В таком наряде они ожидали пажей, которые обязаны были провожать их во дворец, где приготовлено было пиршество.

В роскошных залах великолепного дворца им особенно расточались весьма лестные похвалы.

Рыцари, удостоившиеся награды, садились подле короля; но эти герои, которым столько удивлялись, эти герои, кровь которых и пот проливались с такой славой, были скромны, не осмеливались возвышать голоса, потому что помнили часто повторяемую трубадурами поговорку: *«Верьте, что рыцарь должен биться шумно, а беседовать тихо»*.^[51]

В промежутки между разными блюдами (enter-mets) гостей забавляли всем, что могли придумать фантазия и искусство. Вот, между прочим, что бывало на турнирных пирах герцогов бургундских. Вдруг в залу являлся огромный единорог; на нем сидел леопард, державший английское знамя и маргаритку, которая подносилась герцогу. Являлась карлица Марии бургундской, одетая пастушкой, верхом на огромном золотом льве: лев

раскрывал пасть и пел рондо в честь прекрасной пастушки. Являлся в зал пиршества кит длиной в шестьдесят футов, сопровождавшийся двумя великанами. Тело его было так громадно, что в нем мог бы поместиться всадник. Кит ворочал хвостом и плавниками, вместо глаз были два больших зеркала. Он раскрывал пасть; оттуда выходили прекрасно поющие сирены и двенадцать морских рыцарей, которые танцевали, а потом сражались до тех пор, пока великаны не заставят их опять войти в кита. [52]

Такого рода забавы были в большом ходу при всех дворах во время торжественных пиров в большие праздники. В промежутках между блюдами доставляли гостям столь же приятные зрелища, как и те чары, о которых авторы рассказывают в рыцарских романах о дворцах фей и волшебников. Чтобы судить о великолепии государей, громадности зал, столов, на которых ставили различные декорации на удивление гостей, — достаточно вспомнить, что с непостижимым искусством представляли населенные разными существами города, деревни, замки, бьющие вином фонтаны, медовые и молочные источники, горы пирожных. [53]

Матье де Куси и Оливье де ла Марш (Matthieu de Couci et Olivier de la Marche), очевидцы праздника, данного одним из герцогов бургундских по случаю предпринимавшегося им крестового похода, рассказывают, как под видом блюда представили на столе подобие того предприятия, для которого собрались рыцари. Вошел великан, вооруженный по-сарацински, он вел слона с башней на спине; в башне сидела заплаканная пленница; она со слезами на глазах обвиняла тех, которые клялись ее защищать. В этой эмблеме собеседники подразумевали религию, угнетенную мусульманами. Стыдясь своего бездействия, они почувствовали прежний воинственный жар и просили только у своих дам отпуска, а у епископов — благословения. [54]

После трапезы король и принцессы раздавали красивые платья и одежды сеньорам и придворным дамам, потому что тогда не смешивали почетного костюма с костюмом служебным; мантии и стальные шишаки также предлагались рыцарям. Часто после трапезы составлялись кадрили из разных костюмов, аллегорические и сельские балеты.

Этот, хотя и неполный, рассказ может дать понятие о том, каковы были рыцарские празднества в средних веках.

«Можно утверждать, — говорит Маршанжи, — что у греков и римлян не было ничего подобного французским турнирам. Олимпийские игры, славные праздники одного из славнейших народов на свете, не могут сравниться с празднествами нашего рыцарства, или по крайней мере всякое сравнение будет в нашу пользу.

В турнирах рыцари могли употреблять в дело только тупое и легкое оружие, и им строго было запрещено разить в лицо.

В олимпийских играх, напротив, в гнусном кулачном бою смертоносный кистень переламывал кости атлетов и бойцов, и ключом бил их дымящийся мозг. Кто не участвовал в состязаниях, тот был слаб и влачил скучную и жалкую жизнь.

Известно, с какой скромностью и с каким великодушием победитель на турнире поднимал и утешал побежденного и как последний отдавал справедливость своему благородному сопернику. Учредители турнира, из деликатной предосторожности, устраивали ристалища близь леса, чтобы рыцари, которым не благоприятствовало оружие, могли скрываться и в тени деревьев выплакать свое горе и поднять забрало: не было свидетелей слез; между тем, как на олимпийских играх победитель оскорблял побежденного и попирал его ногами при рукоплескании безжалостной толпы.

В играх этого народа в числе победителей провозглашали царей и знатных граждан, не показывавшихся на арене, и единственная заслуга которых состояла в том, чтобы послать кого-нибудь оспаривать награду ради их имени. Таким образом увенчаны были цари сиракузские Галон и Гиерон, цари македонские Архелай и Филипп, и даже частные лица, как например, Алкивиад.

В наших же турнирах, напротив, если герцоги, принцы и даже короли получали награду, то чело их облито было потом, а доспехи пробиты и покрыты пылью. Эти герои, одетые простыми оруженосцами, опрокидывая поочередно рыцарей, поднимали забрало по окончании игр, и только тогда узнавали, что это были Людовик Бурбон, или сицилийский король Рене, или ласковый и снисходительный Карл VIII».

Герольдмейстеры, герольды, их помощники и всадники

Мы уже часто упоминали о герольдмейстерах, герольдах и их помощниках (**poursuivants d'armes**), называвшихся одним общим именем **les officiers d'armes**. Для того, чтобы понять все сказанное и то, что еще остается сказать о рыцарских учреждениях, необходимо познакомиться со службой, властью, обязанностями и преимуществами этих должностных лиц, которые имеют такое важное значение во всем, касающемся рыцарства.

Учреждение царских, княжеских и народных представителей, поддерживающих в военное время мирные сношения между государями и народами, скрывается в глубокой древности. В Илиаде мы видим вестников, исполняющих поручения царей Приама и Гектора. Агамемнон посылал вестников Евривата и Талфивия похитить прекрасную Врисииду из ставки сына Пелея, и таково было уважение запальчивого Ахилла к этим послан богам и людей, что он им не противился.^[55] Принадлежавшие к сословию жрецов, кажется, Барды также исполняли подобные обязанности у галлов, и арфа их недаром раздавалась на поле сражения и под мрачными стенами княжеских палат. Фециалы римлян пользовались почтением во всех концах света, прежде нежели победоносный римский орел облетел землю. В Греции глашатаи уважались всеми гражданами, они кормились и содержались народом, им дано было право призывать к миру, вот почему их называли миротворцами. Они держали в руках пальмовые или оливковые жезлы (символ мира), обернутые в шерсть, чтобы показать, с какой кротостью должны исполнять они свои обязанности; эти жезлы украшались двумя рогами изобилия для обозначения, что мир — источник всех благ.

Во Франции учреждение герольдов и герольдмейстеров столь же древнее, как и монархия. Эти чины воинственных государя и народа разделялись на три класса: всадники, помощники герольдов и герольды (**les chevaucheurs, les poursuivants**^[56] **et les herants d'armes**). Главный начальник, называвшийся герольдмейстером, имел над ними полную власть. Званий этих достигали постепенно, прослужив несколько лет при дворах и войсках. Труднейшие и не столь важные обязанности возлагались на всадников, которые с этого начинали свою службу. Всегда готовые

исполнять даваемые им поручения, они окружали своего сеньора, когда он командовал дружиной, чтобы по первому слову лететь с его приказами к отрядным начальникам, рассеянным на разных пунктах. Когда были важные и трудные поручения, то они отдавались через помощников герольдов, исполнявших обязанности нынешних адъютантов.

При производстве всадника в помощники герольда, герольд представлял его сеньору и спрашивал у него, какое прозвище желает он дать всаднику. Сеньор обыкновенно давал ему имя какого-нибудь подвластного города. Герольд, держа левой рукой всадника, называл его новым именем и выливал ему на голову, наклоненную над чашей, кубок вина с водой, который держал в правой руке. Обряд этот напоминал крещение и в глазах народа считался священным. Потом герольд брал тунику сеньора, надевал ее на помощника и, по странному обычаю, старался накинуть так, чтобы один рукав упал на грудь, а другой — на спину. Помощник обязан был носить это одеяние всегда в таком виде до самого производства в герольды. Эти должностные лица всегда носили гербы своего сеньора. В отличие от простых скороходов, носивших гербы на поясе, всадники носили их на правой руке, помощники герольдов на левом, а герольды на груди. Последнего звания достигали по истечении семи лет в должности помощника. Герольдов производили обыкновенно или в военное время в день битвы, или в дни коронаций, или на турнирах. Принц, похвалив при всех верность, ревностность, честность и скромность помощника герольда, объявлял, что он жалует его в свои герольды. Тогда старший герольд произносил клятву, которую жалуемый повторял за ним. Звание герольда давало дворянство. Сеньор награждал его леном и утверждал за ним герб, который переходил к нисходящему потомству. Новый герольд также менял имя: чаще всего он получал название подвластной области или имя своего сеньора.

Должность герольдов состояла преимущественно в том, что они являлись представителями своих владельцев при их сношениях с другими владельцами, например, при заключении брака, предложении мира, вызове на битву. Вот почему они носили одинаковое с своими сеньорами платье. Оказываемое им уважение было сообразно достоинству тех, кого они представляли. Вообще они присутствовали на всех ратных подвигах, на поединках, на турнирах, на свадьбах, на I коронациях, на пирах, на всех народных празднествах. Когда короли и владетельные особы учреждали рыцарские ордена, они в тоже время назначали герольда этого ордена, называя его именем ордена. Людовик XI, основавший орден св. Михаила, назвал герольда этого ордена **Mont-Saint-Michel**. Названия: Подвязка

(Jarretiere), Золотое Руно (Toison d'Or), Горноста́й (Hermine), Дикобраз (Pore-Epic), и прочие даны были в Англии, Бургундии, Бретани, Орлеане, и Анжу герольдам орденов, учрежденных под этими именами.

Выше сказано, что эти должностные лица — всадники, помощники герольдов и герольды, были подчинены герольдмейстеру. С обязанностями и преимуществами последнего лучше всего можно познакомиться из обозрения того, что происходило при производстве первого герольдмейстера.

Первым герольдмейстером был представитель французского короля; его звали Монжуа (**Montjoie**). В назначенный для производства день (обыкновенно это бывал какой-либо торжественный праздник), удостоенный являлся во дворец короля. Камердинеры государя ожидали его в назначенной комнате, где его одевали в королевские одежды, как самого короля. В то время, когда король шел уже в свою придворную церковь или часовню слушать обедню, коннетабль Франции или, за его отсутствием, королевские маршалы, предшествуемые герольдами и герольдмейстерами разных провинций, вели избранного туда же и сажали прямо против главного алтаря, на покрытое бархатным ковром кресло (chaire a bras) за королевским местом.

При виде монарха кандидат в герольдмейстеры вставал с кресла, становился перед государем на колени и громко присягал, повторяя слова коннетабля или первого маршала. По окончании присяги коннетабль снимал с кандидата королевскую мантию, брал меч из рук какого-нибудь рыцаря и подавал его королю, который совершал обряд посвящения в рыцари, если кандидат не был еще рыцарем. Потом коннетабль брал с копья у другого рыцаря полукафтаны и передавал его государю. Государь собственноручно надевал полукафтаны на избранного, говоря: «Messire такой-то, этим полукафтаныем и нашим гербом, мы утверждаем тебя навсегда в должности герольдмейстера». Потом, надевая ему на голову с той же церемонией поданную ему королевскую корону, прибавлял: «Наш герольдмейстер, венчая этой короной, мы называем тебя Монжуа и да будешь ты нашим герольдмейстером, во имя Бога, Пресвятой Богоматери и Св. Дионисия, нашего патрона». Тогда герольды и оруженосцы восклицали трижды: «Ура, Св. Дионисий!» (Montjoie Saint-Denis!). Король всходил на свое место, герольдмейстер садился на свое кресло и оставался на чем в продолжение всей службы, тогда как другие герольдмейстеры и герольды держали за ним развернутую по стене королевскую мантию. После службы новый герольдмейстер следовал за королем во дворец, где расставлены были столы для пиршества. Он садился на первом месте за вторым столом,

а против него ставили золотой кубок, и ему служили два помощника герольда. Иногда герольдмейстера сажали за королевский стол, но это бывало весьма редко и в том только случае, когда он по своему происхождению мог требовать подобной чести.

По окончании трапезы король приказывал подать кубок нового герольдмейстера и насыпал в него столько золота или серебра, сколько хотел подарить. Потом подавались десерт и вино. Герольдмейстер до ухода представлял монарху того из герольдов, которого он хотел сделать своим маршалом. Потом Монтоиё, в полукафтаны и с короной на голове, возвращался домой, опять в сопровождении коннетабля, маршалов, герольдов и их помощников. Один из королевских камердинеров ожидал его дома и предоставлял ему от имени государя корону и полное рыцарское вооружение.^[57]

Герольдмейстеры и герольды стали пользоваться уважением и получили большое значение в царствование Филиппа Валуа, превзошедшего в великолепии двора всех своих предшественников. Он устраивал ежедневно военные игры и турниры. С этого же времени и долго потом в должности герольдмейстера и герольдов могли поступать только те дворяне, которые представляли доказательство своего происхождения обершталмейстеру, имевшему право назначать им содержание, принимать и утверждать их в должности. Мало-помалу этот обычай вывелся, и определяемые к таким должностям лица не представляли никаких доказательств.

Чины геральдической иерархии, и особенно герольдмейстеры, пользовались бесчисленными привилегиями и преимуществами.

Особа их была священна и неприкосновенна. Так как и в мирное, и в военное время они исполняли одни и те же обязанности, то им оказывали уважение и друзья, и недруги. Большею частью они бывали представителями государей и народов, а потому обязывались, между прочим, присягой защищать и беречь честь дам и девиц. «Если вы услышите, что кто-нибудь злословит их, — сказано было в уставах, — вы их вежливо остановите». Они так хорошо хранили всякую тайну, что не возбуждали недоверия ни в ком. Когда им поверяли тайные намерения, то они обязаны были не открывать их даже своим владельцам.^[58]

Они были принимаемы при всех дворах королей, принцев и сеньоров; не оказавшие им такой почести считались невежами, недостойными звания дворянина.

Они были вправе осуждать пороки рыцарей, оруженосцев и вообще

дворянства, если те постыдным поведением унижали свое звание и происхождение, и кто при таком предостережении их не исправлялся, того они изгоняли из военных игр и турниров.

Герольды обязаны были описывать все происходившее на военных играх, турнирах, поединках и т. п.; они обязаны были списывать гербы и портреты всех подвижников, их титулы и свойства с особенной точностью. Вот почему им необходимы были путешествия по чужим краям и изучение истории народов; они обязаны были знать малейшие подробности обрядов и церемоний, как пожалования дворянского достоинства, так и посвящения рыцари; но более всего от них требовалось основательное знание геральдики, умение рисовать и раскрашивать гербы, потому что они были в некотором роде хранители дворянских грамот, потому что им вполне доверяли, когда дело шло о том, чтобы разыскать и доказать происхождение дворянской фамилии.

На их обязанности лежало извещать рыцарей, оруженосцев и дежурных начальников, где дать сражение, и тогда эти должностные лица должны были в парадном костюме строиться перед государственным знаменем. Лишь только начиналось сражение, они удалялись на возвышенное место для наблюдения за ходом битвы и за теми, кто храбрее сражается; подвиги вносились ими в хронику на память потомству.

Когда государь или владетельный князь возводил кого-нибудь в дворянское достоинство, герольдмейстер или герольд записывал в областную родословную книгу его имя, прозвище, звание и поместье.

В ведении каждого герольдмейстера состояло два герольда, а у каждого герольда по помощнику. Хотя помощники герольдов и оруженосцы, помогавшие рыцарского звания и назывались общим именем **pour-suivant d'armes**, но обязанности тех и других были различные.

Только государи и владетельные принцы, герцоги, маркизы, графы и виконты могли иметь герольдмейстеров.

Все же другие герцоги, маркизы, графы и виконты имели одних только герольдов, а бароны или знаменные рыцари — одних помощников герольдов, и то с согласия и ведома какого-нибудь герольда. ^[59]

Нравы и обычаи рыцарства

Военные и рыцарские предприятия объявлялись и обнародовались так торжественно, что уже одно это могло возбуждать в воинах рвение состязаться и искать славы — награды их подвигов. Данные по этому поводу обеты утверждались актами, нерушимость которых предписывалась религией и честью. Шло ли дело об обороне или атаке специально выбранного места, нужно ли было нападать или обороняться в действительном сражении, — ни чем не изменяемые клятвы и обеты обязывали жертвовать жизнью, не изменяя и не отступаясь от интересов государства. Кроме этих общих обетов, набожность внушала еще особенные, состоявшие в том, что посещали разные святые места, к которым питали благоговение, складывали свое или побежденного врага оружие в храмах или монастырях, налапали на себя пост и епитимью. Отвага вызывала на чрезвычайные обеты — первому водрузить знамя на стенах или на самой высокой башне осажденной крепости, первому ринуться в середину неприятеля, или представить подобное доказательство удалства и отваги. Храбрейшие рыцари старались превзойти друг друга в соревновании, которое всегда имело целью пользу отечеству или истребление врагов.

Обет павлина или фазана (**Vau du Paon, du Faisan**) самый достоверный. Эти благородные птицы (так их величали) блеском и разнообразием своих перьев прекрасно олицетворяли важность государей и великолепие наряда, в котором они являлись на большие выходы (**Tinel ou Cour pleniere**). В назначенный для принесения торжественного обета день, чтобы идти на могущественного врага, или чтобы предпринять войну в защиту религии, или по какому-либо другому законному поводу, дамы или девицы величественно вносили в многочисленное собрание рыцарей павлина или фазана, иногда жареного, но всегда в красивых перьях, на золотом или серебряном блюде; его подносили к каждому и каждый произносил обет над птицей; потом ее подавали на стол и делили между присутствующими.

Нужно было большое искусство — разрезать птицу так, чтобы ее хватило на всех. Дамы или девицы, избрав самого добросовестного в собрании рыцаря, вместе с ним несли птицу к тому, кого считали храбрейшим. Избранный дамами рыцарь ставил перед ним блюдо, разрезал птицу и раздавал ее при нем. Такое почетное предпочтение, оказываемое

самому явному мужеству, могло быть принимаемо не иначе, как после продолжительного и скромного сопротивления. Рыцарь, которого признавали за храбрейшего, думал, как казалось всегда, что он меньше всех достоин такой чести.^[60]

Военные подвиги или поединки, о которых уже упоминалось, предпринимались рыцарями также по обету. Символом подобных предприятий бывали цепи, ожерелья, кольца и другие знаки. Коль скоро рыцарь надевал их, он не вправе был снять свой знак в течение-одного года, а иногда и нескольких лет, смотря по условию данного обета; но если он встречал другого рыцаря, предлагавшего ему поединок и снимавшего с него этот знак, то он освобождался от обета.

Желающий составить себе понятие о том, что такое были эти обеты, без сомнения, прочтет с удовольствием подробности обетов, данных двенадцатью рыцарями из любви к старому рыцарю Пергамону во время коронации короля шотландского Галифера, на турнире между замками Сидрак и Тонталон. Пергамон соорудил высокий помост и украсил его зеленью не только для того, чтобы виднее были подвиги, но и для того, чтобы лучше угостить посетителей.

Первый рыцарь — рыцарь копчика, имевший на красном поле левую руку с копчиком естественного цвета — клялся перед Богом и храбрым рыцарем Пергаменом, что вооружась и сев на своего коня, он явится на турнир и приведет шотландского короля в такое затруднение, что он не в состоянии будет отойти от павильона на выстрел из лука. Обет его кончался следующими словами: «Так да будет, если не предупредит смерть или увечье».

Второй рыцарь — рыцарь золотого орла, носивший на красном поле золотого орла — дал почти такой же обет.

Третий рыцарь — рыцарь лилии, носивший на лазоревом поле золотую лилию — дал обет, что прибыв на турнир, он примет сторону слабейших и изнемогающих и что благодаря его усилиям победа и слава достанется им.

Он клялся также оттеснить всех турнирующих к павильону Пергамона, чтобы бой был ему виднее.

Четвертый рыцарь — рыцарь пронзенного сердца, носивший на серебряном поле уязвленное сердце — обратясь и небу, высказал свой обет в таких выражениях: «Когда рыцарь лилии доставит победу, как он сказал, той стороне, за которую вступится, я в свой черед приму сторону противную и силой оружия возвращу победу ей, несмотря на все усилия рыцаря лилии и других, ибо я так поклялся и исполню клятву».

Пятый рыцарь — рыцарь черного леопарда — обещал ссадить с коня шотландского принца три раза и привести в павильон трех коней для подарка рыцарю Пергамону: «Не потому, — прибавил он, — что я был в двести раз сильнее этого прекрасного принца, а потому, что так судьбе угодно».

Шестой рыцарь — рыцарь черного льва, носивший на золотом поле черного льва — дал обет: лишь только рыцарь черного леопарда вышибет из седла короля шотландского, посадить его на другого коня, которого он силой отнимет у британского короля, а потом он захватит рыцаря черного леопарда в плен и пошлет его к королеве шотландской просить пощады за все то, что он сделает ее супругу.

Обет седьмого рыцаря не представляет ничего чрезвычайного, он клянется только честно исполнять свой долг во все время турнира.

Восьмой рыцарь — рыцарь белой звезды, имевший на черном поле серебряную звезду — обещал прежде окончания турнира завладеть с бою и предложить Пергамону коней одиннадцати рыцарей, которые дали или еще дадут обеты.

Девятый рыцарь — рыцарь лазоревого оленя, имевший на золотом поле лазоревое оленя — поклялся, что он два раза сразится на копьях с рыцарем белой звезды, что он сшибет его ударом копья, а после того насильно подведет к павильону его и его коня и там сбросит его на землю.

Десятый рыцарь — рыцарь трех львят, имевший на красном поле трех лазоревых львят — обещал ломать копья с весьма мужественным рыцарем по имени Боссю де Сюав, которого еще никто не сбрасывал с коня; его обет состоял в том, что он одним ударом копья сбросит противника на землю, потом поможет ему сесть на коня и вторично сбросит его на землю.

Одиннадцатый рыцарь — рыцарь грифа, имевший на золотом поле летящего красного грифа — клялся, что он всех победит на турнире и получит награду, состоящую из жемчужных четок.

Наконец двенадцатый — рыцарь дельфина, имевший на золотом поле лазоревое дельфина — дал обет выиграть самое лучшее, самое дорогое, что только увидят на турнире, а именно: коней, шлемы, знамена, щиты, венки, бурелеты, нашлемники, попоны и другие рыцарские доспехи.

Несмотря на трудность исполнения всех этих обетов, из которых некоторые были так противоположны один другому, что исполнение одних по необходимости отрицало успех других, автор прибавляет, что «Марс так могущественно покровительствовал этим двенадцати рыцарям, что все они весьма удачно выполнили свои обеты». Поверим ему на слово, но объяснять этого явления не будем.

Вообще во всем, что относится к рыцарским обычаям, быть с небылицей так смешаны, что трудно добраться до истины. Вот обеты, подтверждаемые всеми хрониками и нисколько не отличающиеся от описанных в романах.

Борьба Франции и Англии в XV веке возбудила рыцарский дух и, по выражению Шатобриана, заперла обе нации в ристалище. Тогда при дворе графа Геннегау показывались молодые английские рыцари, у которых один глаз был закрыт повязкой: «Они дали обет смотреть только одним глазом до тех пор, пока не совершат какого-либо подвига ко вреду Франции». Messire Готье де Мони (Gauthier de Mauny) объявил каждому из своих, что он поклялся в Англии явиться первым во Франции, первым взять там замок или укрепленный город и совершить тьму военных подвигов. Часто бароны и рыцари клялись святыми или дамами на рубеже вражеского оплота, взять этот оплот в известный срок, и клятва была роковой для них или для их родины.^[61]

Знаменитейший обет — обет над цаплей (**Heron**). Вот что было поводом к нему. С давних пор Эдуард III намеревался вторгнуться во Францию, но громадность предприятия и неурядица в делах пугали и останавливали его. Может быть, оно никогда и не исполнилось бы, если бы не настояния Роберта д'Артуа, который на два года удалился в Англию, нашептывал сердцу самолюбивого Эдуарда ненависть к французскому королю, изгнавшему Роберта. Эдуард долго противился; наконец изгнанник придумал для убеждения своего покровителя необыкновенное средство, которое названо было обетом над цаплей.

Вот как рассказан этот факт одним старинным писателем.

В начале осени 1338 года, когда лето склонялось к осени, когда веселые птицы потеряли голос, когда умирают розы, когда деревья обнажаются, когда дороги усыпаются листьями, Эдуард был в Лондоне, в своем дворце, окруженный герцогами, графами, пажам и молодыми людьми. Роберт д'Артуа, укrywшийся в Англии, был на охоте, потому что вспоминал о милой Франции, откуда он был изгнан. Он нес им самим вскормленного сокола, и летал сокол по рекам, пока не поймал цаплю.

Роберт возвратился в Лондон, приказал зажарить цаплю, положил ее на серебряное блюдо, накрыл его другим и отправился в королевскую залу пиршества в сопровождении двух менестрелей и одного гитариста, и Роберт воскликнул: «Расступитесь, пустите храбрецов, вот жаркое храбрым... Цапля

самая трусливая птица, тени своей боится. Я дам цаплю тому из вас, кто всех трусливее; стало быть ее надо отдать Эдуарду. Он лишен наследия прекрасной Франции, которая неотъемлемо ему принадлежит; но он согрешил в сердце своем и за трусость умрет без царства». Эдуард покраснел от гнева, сердце его содрогнулось; он поклялся Богом Рая и Богородицей, что до истечения шести месяцев вызовет на бой короля Филиппа.

Роберт засмеялся и сказал тихо: «Теперь исполнилось мое желание, и от цапли поднимается великая война».

Роберт берет цаплю, проходит залу пиршества в сопровождении двух приятно играющих менестрелей и гитариста.

Роберт подает цаплю графу Салисбюри.

Салисбюри закрыл один глаз и вскричал: «Обещаю всемогущим Богом и Богоматерью, что глаз этот до тех пор не раскроется надолго ни от ветра, ни от боли, ни от пытки, пока не буду во Франции, пока не внесу туда пожара и пока не поражу подданных Филиппа Валуа. Будь, что будет...»

С тех пор граф Салисбюри воевал с закрытым глазом.^[62]

Но довольно об этих странных обетах и сумасбродных предприятиях, которые представляют рыцарство достойным осмеяния и которые способствовали его упадку.

Перейдем к обетам священным, возвышенным, бывшим в обычаях рыцарства.

Если любовь к славе поддерживала между рыцарями чувство чести, мужество, любезность и дружбу, то эта любовь к славе была необходима для союза стольких героев; а иначе соперничество было бы источником раздоров. Такой союз основан был на взаимном уважении и доверии; он назывался товариществом или братством по оружию. Рыцари, совершившие одни и те же походы, делившие одни и те же опасности, всем сердцем привязывались друг к другу.

Братство по оружию возникало весьма разнообразно. Некоторые, как уже замечено, пили из одного и кубка свою смешанную кровь.

Другие товарищи по оружию знаменовали взаимные клятвы священными обрядами; чтобы более сдружиться, они целовали блюдце (**la paix**^[63]), иногда приобщались в одно и то же время, деля между собой священную облатку.

Когда государи были в согласии, братство по оружию существовало и

между разноплеменными рыцарями, но когда государи объявляли войну, то это расстраивало такое братство. За исключением этого случая, узы братства были тверже всех прочих. Братья по оружию, как бы члены одного семейства, носили одинаковые вооружение и платье. Обязательство помогать друг другу в рыцарских предприятиях и никогда не разлучаться ставило рыцарей в необходимость начинать предприятие сообща.

В истории Бертрана Дюгесклена есть указание, каким образом расходились братья по оружию.

Дюгесклен вел войско в Испанию по повелению Карла для поддержания притязаний Генриха Транстамара на кастильскую корону, которую Петр Жестокий опозорил своими преступлениями. Вскоре, благодаря помощи этих неустрашимых, но не приученных к дисциплине воинов, Генрих был коронован в Бургосе, а Петр Жестокий вынужденный обратиться в бегство, стал умолять о помощи принца валисского Эдуарда. Эдуард, недовольный тем, что Кастилия досталась союзнику Франции, решил возвести на престол убийцу Бланки Бурбонской. Все английские подданные, товарищи Дюгесклена, явились к нему проститься и говорили: «Любезный sire, мы обязаны уехать, ибо государь наш призывает; если бы не это, ничто не могло бы разлучить нас, но клянемся св. Георгием, мы будем всегда друзьями, даже сражаясь».

Английский рыцарь Гю де Карвале (Hue de Carvalai), брат по оружию Дюгесклену, обнял его и сказал: «Милый sire, мы жили вместе дружно, как прилично благородным людям; я всегда свободно распоряжался вашим добром и брал из общей кассы, в которую мы складывали нашу военную добычу и дары государей, сколько хотели. Никогда мы не думали о разделе, но так как я полагаю, что я вам много должен, то сочтемся теперь».

На это Бертран отвечал: «Это только речи, и никогда не думаю об этом расчете, и не знаю, вы ли мне должны, или я вам должен; будем квиты и останемся добрыми друзьями, потому что настает грустная и прискорбная разлука. Во всяком случае вы поступаете благоразумно, исполняя волю вашего государя; так должен поступать всякий честный человек. Честность породила нашу любовь, и да останется она честной, ибо лучше быть доблестными врагами, чем бесчестными друзьями».^[64]

Права и преимущества старого рыцарства. Разжалование, наказания. Погребение рыцарей

Права и преимущества старого рыцарства. Право покрывать ратных коней длинной тафтяной или из другой легкой материи попоной составляло одно из преимуществ рыцарского звания; попона доходила до копыт и украшалась гербами. Рыцари пользовались исключительным правом употреблять свои собственные печати, на которых они были изображены верхом, с поднятым мечом. Вместе с рыцарями погребали их золоченые шпоры. Когда им жаловали титулы **monsieur, monseigneur** и **messire**, то жен их величали **madame**; жены же оруженосцев величались **mademoiselle**.

Рыцари-владельцы в известных случаях, особенно для приема государя или его старшего сына, имели право требовать от своих подданных и вассалов денежного пособия. Они требовали его при заключении браков их дочерей, при уплате выкупа из плена, при отъезде за границу.

Рыцарство было в таком почете, что новопожалованным в это звание в старину выдавались деньги на предстоявшие расходы; государи назначали ежегодный оклад на содержание тем рыцарям, которых принимали на службу.

Но если со званием рыцаря сопряжены были такие почести и преимущества, то ничего не было ужаснее и торжественнее разжалования того, кто это заслуживал.

Разжалование и взыскания. Когда рыцарь оказывался виновным в измене, вероломстве или в другом каком-либо преступлении, которое влекло за собой разжалование и смертную казнь или изгнание, тогда без отговорок собирались двадцать или тридцать рыцарей или оруженосцев и в присутствии их обвиняли преступного рыцаря в предательстве, коварстве, вероломстве или в другом каком-либо важном и ужасном преступлении. Этот созыв производился герольдмейстером или герольдом. Он объяснял дело, излагал подробности и называл свидетелей.

Созванные на судилище рыцари совещались и, если обвиненный был осужден на смерть или изгнание, то в приговоре говорилось, что он прежде будет разжалован.

Для приведения такого приговора в исполнение строили на площади два помоста или эшафота; на одном заседали рыцари и оруженосцы и суды вместе с герольдмейстерами, герольдами и их помощниками; на другой взводили осужденного рыцаря в полном вооружении, ставили его лицом к судьям, а перед ним воздвигали столб, на который вешали его опрокинутый щит. Справа и слева обвиненного садились в полном облачении двенадцать священников. Многочисленная толпа присутствовала при этой печальной церемонии, которая тем более возбуждала любопытство народа, всегда жадного до зрелищ, что она бывала реже других. Когда все было готово, герольды читали во всеуслышание приговор судей. Затем священники начинали петь похоронные псалмы; после каждого псалма наставало молчание: с осужденного постепенно снимали доспех за доспехом, начиная со шлема, пока совсем не обезоружат. Каждый раз при этом герольды громко восклицали: «Это шлем, это цепь, это меч и т. д. коварного и вероломного рыцаря!» Полукафтанье (*la cotte d'armes*) разрывали в лоскуты. Разжалование оканчивалось тем, что щит раздробляли молотом на три части.

Потом священники вставали и над головой рыцаря пели 108 псалом Давида, в котором, между прочим, заключается следующее:

«Да будут дни его кратки, и достоинство его да получит другой; дети его да будут сиротами, жена его вдовой; пусть дети его скитаются, и просят, и ищут хлеба вне своих опустошенных жилищ; пусть заимодавец захватит все, что он имеет, и все труды его разграбят чужие; да не будет продолжающего любовь к нему, и да не будет милующего детей его; потомки его да будут на погибель; в другом роде да изгладится имя их; беззаконие отцов его да будет воспоминаемо у Господа, и грех матери его да не изгладится; да будут всегда пред Господом, и да истребит Он память их на земле за то, что он не помнил делать милость, преследовал человека страждущего и бедного, и огорченному в сердце искал смерти; любил он проклятие, пусть оно и постигнет его; не желал благословения, пусть оно удалится от него; да облечется проклятием, как ризой, и оно проникнет, как вода, во внутренность его, и как елей в кости его; да будет оно ему, как одежда, в которую он одевается, и как пояс, которым всегда опоясывается».

По окончании пения герольдмейстер или герольд три раза спрашивал

имя разжалованного; помощник герольда (*poursuivant d'armes*), став позади виновного и держа над его головой чашу чистой воды, называл его по имени, прозвищу и поместью; вопрошавший тотчас же возражал, что он ошибается, что тот, кого он назвал — коварный и вероломный изменник, и для убеждения толпы в истине своих слов, громко спрашивал у судей их мнение; старейший также громким голосом отвечал, что приговором присутствующих рыцарей и оруженосцев постановлено, что изменник, названный помощником герольда, не достоин рыцарского звания и что за злодеяния свои он разжалован и осужден на смерть.

После этого герольдмейстер выливал осужденному на голову полную чашу теплой воды, которую подавал ему помощник герольда. Затем судьи вставали со своих мест, передевались в траурное платье и шли в церковь. Разжалованного также сводили с эшафота, но не по ступенькам, а по веревке, привязанной ему под мышками; клали его на носилки, переносили в церковь под покровом, и священники отпевали его, как бы умершего. «Так церковь, благословляя витязя на подвиг чести, наказывала и кляла его за то, что он не исполнил данного им торжественного обета». [\[65\]](#)

По окончании церемонии разжалованный сдавался королевскому судье, а потом палачу, если суд приговорил его к смерти. Когда вся церемония кончалась, герольдмейстер и герольды объявляли детей и потомство разжалованного «подлыми, лишенными дворянства и недостойными носить оружие и участвовать в воинских играх, на турнирах и на придворных собраниях под страхом обнажения и наказания розгами, как людей низкого происхождения, рожденных от ошельмованного судом отца». [\[66\]](#)

Такое осуждение, сопровождавшееся пышной и печальной погребальной обрядностью, действовало на умы глубоко и благотельно. Впрочем; подобные церемонии бывали редко и присуждались только за тяжчайшие преступления. Что же касается не столь важных проступков, в которых рыцари могли провиниться, то они наказывались не так строго: наказание выбирали и соразмеряли со степенью вины. Так например, щит провинившегося рыцаря привязывали к позорному столбу опрокинутым с обозначением преступления, потом стирали со щита герб или какие-нибудь части герба, рисовали символы бесчестия и, наконец, ломали его.

Рыцаря-хвастуна, который многим величался и не исполнял своих обязанностей, наказывали так: на щите укорачивали правую сторону главы герба.

Кто бесчестно и хладнокровно убивал военнопленного, тому

укорачивали главу герба, округляя ее снизу.

Если рыцарь лгал, льстил, или, чтобы втянуть своего государя в войну, делал ложные донесения, то в наказание главу герба покрывали красным, стирая бывшие там знаки.

Кто безрассудно и дерзко бросался в бой с неприятелем и тем причинял потерю или бесчестие своим, того наказывали тем, что внизу герба рисовали толчею.

Когда рыцарь был уличен в пьянстве или лжесвидетельстве, на обеих сторонах герба рисовали две черные мошны.

Герб труса был замазан с левой стороны.

Кто не держал данного слова, тому в центре герба рисовали красный четырехугольник.

Когда рыцарь, подозреваемый в преступлении, бывал побежден на поединке, долженствовавшем доказать его невинность, или бывал убит и умирая сознавался, что он виноват, то *officiers d'armes* с позором клали его на черную плетеную решетку или привязывали к хвосту кобылы, потом отдавали его палачу, а тот бросал его в помойную яму. Опрокинутый его щит привязывали на три дня к позорному столбу, потом всенародно его ломали, а полукафтаны (*cotte d'armes*) раздирали в лоскуты.

Победителю же, напротив, оказывали почести король, королева и все придворные; с большим триумфом водили его по городу; трубачи, барабанщики вместе с герольдмейстерами и герольдами шли впереди, неся оружие, которым он победил врага, его султан, его знамя и хоругвь с изображением его ангела.^[67]

Если преступление было небольшое, то *officiers d'armes*, по приказанию государя, уничтожали в гербе какой-нибудь знак.

Вот пример: в царствование Людовика Святого Жан д'Авень (*Jean d'Avesne*), один из сыновей от первого брака графини фландрской, Маргариты, оспаривал графство у Вильгельма Бурбона, владельца Дампьерра, сына от второго брака. Оба они с матерью находились пред Людовиком Святым, которому следовало разобрать их распрю. В пылу спора Жан д'Авень сказал что-то оскорбительное матери, поддерживавшей его брата. Графиня тотчас пожаловалась королю и Людовик Святой отнял у него право иметь в гербе льва с когтями и языком (*le lion arme et lampase*), прибавив, что омрачающий честь своей матери заслуживает разжалования. Вследствие этого суда герб фландрских графов имеет на золотом поле черного льва с красными когтями и языком, а герб Жана д'Авеня и его потомства — льва без когтей и языка. Итак, гербы не только свидетельствовали перед потомством о чести рыцаря, но иногда и о его

позоре.

Когда рыцарь присужден был к смертной казни, за измену отечеству, разбой и пожар, то, идя на казнь, он нес на плечах собаку. Этим обычаем хотели показать народу, что вероломный рыцарь гораздо ниже животного, служащего эмблемой верности и привязанности к господину.

Погребение рыцарей. Короли и принцы, какой бы смертью они не умирали, представлялись на своих могильных памятниках в царских одеждах; но когда они умирали в военное время, их представляли с оружием, под царской одеждой, а вместо скипетра, который они держали, умирая в мирное время, они имели с боку меч, а в руке жезл. Над их изображением и вокруг могил представляли государственные гербы, печати, бурелеты, нашлемники, щитодержатели, наметы, ордена, имена и девизы; иногда их представляли коленопреклоненными, молящимися Богу, а иногда спящими. Были и такие, которые, желая показать суету и бедность человеческой жизни, повелевали изображать себя на памятниках распростертыми навзничь, нагими, тощими, слабыми, такими, какими в действительности бывают трупы, когда лежат в гробу и достаются на съедение червям.

Если рыцари и дворяне умирали не на войне, то их нельзя было представлять в полукафтанье (*cotte d'armes*), за исключением лишь случая, когда они погребались в своих поместьях. Тогда, чтобы показать, что они умерли на своей постели и в мирное время, их представляли на могильных памятниках в полукафтанье, но без пояса, с открытой головой, без шлема, с открытыми глазами, с ногами, упертыми в спину борзой собаки и без меча.

Если умиравшие в сражении или в бою были на стороне победителей, то их представляли с обнаженным, поднятым правой рукой мечом, и со щитом в левой руке, с шлемом или шишаком на голове, но с отбитым забралом, в удостоверение того, что они умирали, сражаясь против врагов; полукафтанье, надетое на герб и опоясанное шарфом; в ногах изображали живого льва.

Убитые в сражении на стороне побежденных изображались без полукафтанья, с препоясанным мечом в ножнах, с поднятым забралом, со сложенными на груди руками и с ногами, упертыми в спину поваленного и бездыханного льва.

Рыцари, умиравшие в плену до выкупа, изображались без шпор, шлема, полукафтанья, меча, но с ножнами на боку.^[68]

Часто рыцарь, проведший жизнь в военных подвигах и презиравший смерть в битвах, вместо того, чтобы пользоваться заслуженными почестями, на старости лет удалялся в монастырь, чтобы кончить жизнь в

покаянии. После смерти его изображали полностью вооруженным, с мечом при бедре, но под монашеской рясой того ордена, к которому он принадлежал, а в ногах рисовали щит в виде доски.

Когда рыцарь, одержав на судебном поединке победу, умирал от раны, то его представляли с теми доспехами, с которыми он бился, и держащим в скрещенных руках топор и меч. Кто был убит на поединке за оскорбление чести, того представляли на могильном памятнике полностью вооруженным, со скрещенными руками, а топор, меч и другое наступательное оружие изображали подле.^[69]

Дуэли или судебные поединки

Варварский обычай смывать кровью обиду, иногда и ничтожную, или предоставлять судьбе решать оружием распрю, свойственен всем народам, бывшим в сношениях с дикими германскими племенами. Напрасно христианская религия, смягчая суровость нравов, силилась уничтожить этот вредный предрассудок, тщетно могущественнейшие монархи, с Карла Великого до Людовика XIV, содействовали в этом религии всеми своими силами. Безмерная страсть к дуэлям^[70] одержала верх над всеми употреблявшимися к ее уничтожению средствами: пройдя века варварства, она существует и в наше просвещенное столетие. Сравнивая обе эпохи, приходишь к заключению, что в наше время дуэли бывают чаще, менее основательны и следовательно более варварские, чем дуэли древних и преимущественно дуэли рыцарства.

Когда законы, уничтожавшие дуэли, оказались несостоятельными, то постановлены были правила, ограничивавшие поводы к дуэлям. Только благородные рыцари и оруженосцы, имевшие право носить оружие могли выходить на дуэль, и то в одних лишь важных случаях, с согласия государя, назначавшего обыкновенно для этого отдаленный срок. Дуэли сопровождалась такими торжественными приготовлениями, что поселяли страх в сердце того, кто чувствовал себя неправым; если побежденный не умирал в битве, его наказывали смертью. Таким образом большинство не могло драться на дуэли; те же, которым дано было это печальное преимущество, не могли пользоваться им произвольно, по какой-нибудь ничтожной причине или в пылу гнева. Назначенная отсрочка давала родственникам и друзьям соперников возможность восстановить между ними согласие. Оно без этого не могло бы последовать, точно также, как его не бывает обыкновенно и в наше время, когда дуэль следует тотчас за ссорой, когда оба противника находятся еще под влиянием вина и гнева. Наконец, дуэль происходила в старые времена при двух свидетелях, не в отдаленном месте: противники не прятались, как люди с нечистой совестью. Нет, дуэли происходили на обширном ристалище, при множестве зрителей, в присутствии короля и всего двора, при обнародовании причин боя, призывали Небо в свидетели правоты дела. В те невежественные времена говорили, что Бог не покинет невинного, если он выполнит все, что требовалось в такого рода поединках, сзывавшихся судом Божиим. Это заблуждение, остаток суеверий скандинавского или германского язычества,

отвергается и религией, и разумом; но как скоро это заблуждение вошло в общественное верование, то прямым следствием его было наказание — смерть побежденному, ибо считалось, что сам Бог его судил. Не без основания заключали, что победитель прав, а побежденный действительно виноват. Конечно от этого страдал здравый смысл, но не правила тогдашней общественной нравственности. А ныне, что доказывает смерть убитого на дуэли? Только ловкость и удачу победителя. Общество не считает себя отмытым, и только оплакивает новое преступление. Вина остается на той стороне, где была и прежде, а если к тому же одержит верх виновный, то она усугубляется. Итак, искать в дуэли удовлетворения за обиду — в наших нравах противоречие, несообразность, в которой по крайней мере нельзя упрекать предков. Посмотрим же на обрядность судебных поединков.

Считавший себя вправе требовать судебного поединка обращался к королю с такими словами:

«Государь, я утверждаю, что такой-то (называли имя) коварно и предательски умертвил моего родственника такого-то (называли умершего); поэтому я требую, чтобы за такое вероломство и злодеяние вы обращались с ним, как с убийцей; если он отречется, то я готов подтвердить мои слова поединком; пусть он бьется со мной или вместо меня с тем, кого я назначу; такое подтверждение я готов дать в определенный день и в определенном месте». Затем приносивший жалобу в знак вызова бросал перчатку, которую обвиненный или его представитель поднимал.

Если король соглашался, то он назначал место поединка, день и оружие. Кто поднимал перчатку, тот значит принимал вызов; в свою очередь и он бросал перчатку, а вызвавший ее поднимал. Оба они обещали явиться для боя в назначенный королем день и место. Дамы, обвиняемые или обвинявшие рыцаря, предлагали вместо себя защитников.

Поединкам насмерть предшествовали разные церемонии.

Противники выезжали из своих жилищ вполне вооруженные, с поднятым забралом. Перед ними несли их щиты, мечи и другое оружие, назначенное для боя. В доказательство своей правоты они дорогой время от времени осеяли себя крестом или держали распятие и небольшие хоругви с изображением Господа, Богородицы, ангелов и святых.

До прибытия вызвавшего герольдмейстер или герольд подъезжал верхом к воротам ристалища и в первый раз провозглашал следующее:

«Теперь слушайте, теперь слушайте, теперь слушайте,

сеньоры, рыцари, оруженосцы и вообще все, что наш государь, король Франции, повелевает под страхом лишения жизни и имущества.

Чтобы все были без оружия, без меча и кинжала, без брони, какова бы она ни была, за исключением только стражи и тех, кому король прикажет.

Потом король, наш государь, запрещает всем, под каким бы то ни было предлогом, быть на коне, под опасением дворянину потерять коня, а служителю лишиться уха; а те, которые введут противников, сойдя с коней у ворот, должны там остаться, а коней тотчас отослать, под страхом тех же наказаний.

Потом король, наш государь, воспрещает кому бы то ни было говорить, подавать знаки, кашлять, кричать или делать что-либо подобное, под опасением лишиться жизни и имущества».

Все это считалось необходимым для того, чтобы противники не отвлекались чем-нибудь посторонним. По всему видно, что иногда и присутствовать на поединках было опасно.

Вызвавший обязан был явиться прежде, за час до полудня, а принявший вызов — до девятого часа; не явившийся в урочный час считался побежденным.

По въезде на ристалище вызвавший обращался к коннетаблю или маршалу ристалища со следующими словами:

«Многоуважаемый сеньор, по повелению нашего государя короля, я, такой-то, являюсь к вам в том сооружении, какое прилично дворянину, обязанному ступить в бой по такой-то распре, с таким-то дворянином, злодеем, предателем или убийцей, что, при помощи Божьей, Пресвятой Богоматери и св. Победоносца Георгия, я берусь доказать сегодня, по назначению короля, нашего государя. А чтобы исполнить это, я явился и представляюсь вам по долгу своему и требую, чтобы вы мне уделите поля, воздуху, света и все, что в подобном случае необходимо и полезно. Когда вы это учините, я исполню свой долг при помощи Бога, Богоматери и св. Победоносца Георгия».

Ристалища для дуэли строились сорок шагов в ширину и восемьдесят в длину. Палатка вызвавшего вскидывалась по правую сторону короля или судьи, палатка вызванного — по левую. Высказав свои желания,

противники въезжали на поле битвы с опущенным забралом, знаменуясь крестом; потом, приблизясь к шатру короля или судьи, поднимали забрало и говорили пред королем: «Всемиловитейший и державнейший король, наш государь, я, такой-то, предстаю вам, как правосудному монарху и судье, в назначенные для этого вами день и час, чтобы порешить с таким-то, за убийство или предательство, в чем клянусь Богом, который да будет сегодня мне в помощь». Затем он подавал маршалу поля бумагу, содержащую в себе все им сказанное. В это же время герольд вторично провозглашал приведенные выше речи.

Потом вызвавший, с открытым забралом, становился на колени перед богато убранным столом, заменявшим алтарь; на столе лежала подушка и служебник, на подушке распятие; подле стоял священник, говоривший в таких случаях:

«Итак рыцарь, или оруженосец, или такой-то владетель, вызвавший, вы видите здесь истинное воспоминание Спасителя нашего, Бога истинного, Иисуса Христа, волей за нас пострадавшего и спасения нашего ради умершего; молитесь Его о милости, молитесь Его, да благословит Он вас в сей день на ваше правое дело, ибо Он Верховный Судья. Вспомните, какую клятву вы принесете, ибо в противном случае душа ваша, честь ваша и вы сами будете в великой опасности.» После этих слов маршал брал вызвавшего за обе руки, на которых были перчатки; правую его руку клал на распятие, а левую на служебник, открытый на каноне, начинающемся словами *Te igitur*, потом предлагал ему произнести следующую клятву:

«Я, такой-то, вызвавший, клянусь этим воспоминанием нашего Спасителя Бога Иисуса Христа, и Св. Евангелием, и верой истинного христианина, и святым крещением, полученным мной от Бога, что я, бросая перчатку, имею доброе, правое святое дело, имею право вызвать такого-то, как злодея, предателя и убийцу (смотря по свойству преступления), который защищает неправо и дурное дело, что я сегодня докажу ему в бою грудь с грудью, при помощи Бога, Богородицы и св. Победоносца Георгия».

После этой клятвы вызвавший возвращался со своими приверженцами и приводившей его стражей в свою ставку.

Вызванный, в свою очередь, с теми же церемониями подводился к алтарю и произносил почти такую же клятву; потом его отводили в его ставку.

Но этими двумя клятвами, сказанными каждым порознь, довольствовались. Было еще третье и последнее испытание, сопровождавшееся еще большей пышностью и торжественностью. Обоих противников заставляли произносить клятву вместе. Выходя из своих ставок в одно и то же время, они в сопровождении стражи медленно, шаг за шагом приближались к алтарю. Здесь они становились на колени перед распятием; маршал снимал перчатки с правой руки каждого и клал их по сторонам распятия. Тогда священник трогательным увещанием напоминал им страдания Господа Иисуса Христа, Который, умирая, простил Своих мучителей, он указывал им на страшные последствия произнесенных ими клятв, постыдную смерть, ожидающую кого-либо из них, и что всего печальнее — погибель души клятвopеступника; он заключал поучение советом, лучше положиться на милость государя, чем навлекать на себя гнев Божий и отдавать себя вечным мукам ада.

Понятно, какое впечатление производили такие речи на людей, хотя и непросвещенных, хотя и подверженных страстям и предрассудкам, но зато людей верующих и верующих горячо и искренно. Лишь только священник оканчивал поучение, маршал спрашивал вызвавшего: «Хотите ли вы присягнуть, как вызывающий?» И случалось тогда, что совесть доброго рыцаря заставляла его отречься от вызова. Тогда государь миловал и налагал епитимью. Но если он соглашался присягнуть, то маршал заставлял его, а за ним и вызванного произносить клятву, почти совершенно подобную первым; он только прибавлял, что они клянутся раем, душой, жизнью и честью, что дело их святое и правое.

После этой клятвы, оба противника прикладывались к распятию, вставали с колен и возвращались в свои ставки. Священник тотчас же брал распятие и служебник и удалялся, а герольд в ту же минуту произносил прокламацию в третий и последний раз.

Глубокое молчание, молчание мертвое царило в собрании; каждый оставался неподвижным на указанном ему маршалом месте. Тогда на середину ристалища вступал герольдмейстер или герольд, который три раза выкрикивал: «Исполняйте ваши обязанности!» И эту минуту оба противника выезжали друг против друга в сопровождении своих приверженцев, а ставки их выносились за ристалище.

Затем маршал, заняв место на помосте среди поля битвы и держа в руке перчатку, кричал троекратно:

«Начинайте!», после чего бросал перчатку, и начиналась битва. Выше было уже сказано, как она оканчивалась для победителя и побежденного.

Таковы были вообще законы, по которым устраивались судебные

поединки и обряды, их сопровождавшие. Легко понять, что благодаря подобным оковам, поединки не были слишком часты.

В заключение этой главы мы приведем рассказ о двух поединках, которые сохранились в истории; они дополняют сказанное о дуэлях.

Первый из этих поединков происходил в Париже в 1386 г., в царствование Карла II, между Жаном Каружем (Jean de Carouge), рыцарем и владельцем Аргентейля, и Жаком Легри (Jaques Legris), также рыцарем; оба — придворные Петра алансонского.

Супруга Каружа, по возвращении его из заграничного путешествия, объявила ему, что в его отсутствие она была недостойно оскорблена Жаком Легри. Жак Легри отрицал это. По жалобе сеньора Каружа дозволена была дуэль не с разрешения короля, обыкновенно изъявлявшего на это согласие, а по указу парламента. Муж был защитником жены против Жака Легри. Поле битвы устроено было на полях Св. Екатерины, где обыкновенно происходили военные игры. Сеньора Каружа сопровождал граф Сён-Поль, а Жака Легри — придворные герцога алансонского. Дуэль происходила в присутствии Карла II, всех принцев крови и баронов, как французских, так и иноземных, явившихся на это зрелище, объявленное задолго до срока.

Фруассар так рассказывает подробности этой дуэли:

«Перед началом боя Каруж подошел к своей супруге, сидевшей в траурной колеснице, и сказал ей:

— Сударыня, по вашему делу я иду жертвовать жизнью и биться с Жаком Легри; вам одной известно, право ли и честно ли мое дело.

— Да, монсеньор, — отвечала она, — вы убедитесь в этом; бейтесь с уверенностью, потому что дело правое.

Тогда рыцарь поцеловал супругу, пожал ей руку, перекрестился и вошел на поле битвы. Супруга же его оставалась в траурной колеснице, благоговейно молясь Богу и Богоматери о ниспослании ей в этот день победы в ее правом, деле. Она была чрезвычайно печальна и опасалась за свою жизнь, потому что ей угрожал костер, а мужу виселица, если бы он остался побежденным.

Messire Жан де Каруж бился так мужественно, что опрокинул своего врага на землю, пронзил его мечом и умертвил на поле битвы. После того, как на вопрос его, хорошо ли выполнил он свой долг, ему отвечали: „Да“, труп Жака Легри отдан был парижскому палачу, и тот поволок его на Монтфокон и

там повесил.

Messire Жан де Каруж поблагодарил короля и всех сеньоров, помолился на коленях, подошел к супруге, обнял ее и потом вместе с ней отправился в церковь принести благодарственную молитву».

Вторая дуэль, которую мы хотим рассказать, происходила между Жарнаком и Шатеньере, дуэль знаменитая.

Память о ней сохраняется в словах: *soup de Jarnac*.

Этими словами означают внезапный неизбежный удар.

Франсуа Вивон де ля Шатеньере и Гюи Шабо, *sire* де Монлье, носивший позже имя Жарнака, были оруженосцы-земляки и пажы Франциска I. Оба прославились в боях. В мирное время Вивон упражнялся только в искусстве владеть оружием достиг такого совершенства, что никто не решался вступать с ним в состязание.^[71] Монлье имел миролюбивые наклонности: отличался обходительностью, вежливостью и деликатностью и скорее был любезный придворный, чем неустрашимый воин. Вивон, может быть, из зависти к Монлье за внимание к нему двора, распространял самые оскорбительные слухи о баронессе Жариаке, мачехе Монлье. Желая отметить за обиду, Монлье обратился к Франциску I с жалобой. Оскорбление, нанесенное одному из старых сподвижников короля, заслуживало блистательного удовлетворения. Франциск разрешил Монлье объявить в полном собрании двора, что тот, кто оскорбил его мачеху, ее оболгал (*en a menti par la gorge*). Вивон, в надежде на свое искусство владеть оружием, не побоялся подтвердить, что он только повторил сказанное самим Монлье. Тотчас же последовал вызов. Противники просят разрешения сразиться на дуэли. Министры думают, что дуэль должна быть дозволена, но Франциск I, любивший турниры и ристания и запрещающий судебные поединки, не только отвергает просьбы, а еще именным указом запрещает покончить оружием распрю, происшедшую от ветрености. Запрещение это не было нарушено при Франциске I, но смерть его развязала руки раздраженным врагам. Два года Вивон выносил оскорбление от дам, смотревших на него, как на бесчестного рыцаря; он сгорал нетерпением отомстить врагу за дамскую опалу, которую не вознаграждала дружба Генриха II, его покровителя. Новый король уступил мольбам и дозволил: дуэль.

День назначен. Варварский обычай постарались окружить всевозможным великолепием. Оба противника не жалеют денег на вооружение и свиту. Образуются партии: если много придворных на

стороне королевского любимца, то еще более на стороне того, чье положение интересует дам. С той и другой стороны призывают Бога на помощь. Во время религиозных приготовлений Вивон не так набожен, как Монлье, и это единственное благоприятное предзнаменование в пользу последнего.

Поле битвы открывается в Сен Жермене 10 июля 1547 года. Дворянство самых отдаленных провинций выезжает из своих донжонов на это милое зрелище их праотцев, которое, по их мнению, слишком редко бывает. Балконы полны дам, живо сочувствующих оскорблению баронессы Жарнак. Для Генриха II и принцев воздвигнут великолепный помост. Коннетабль Монморанси — судья поля. Герцог Омальский, впоследствии знаменитый герцог Гиз — секундант Шатеньере.

Барабанный бой и трубный звук, смешавшись со звоном колоколов, объявляет судебный поединок. Вивон приближается надменно, Монлье — скромно. Оба клянутся, что их дело право, что с ними нет запрещенного оружия, что они не прибегали к помощи чар. Они бьются; сила Шатеньере не одолевает ловкости Монлье; наконец кажется, что последний гнется под ударами противника; он прикрывает голову щитом и дважды ранит Вивона острием меча в левое колено. Вивон, рассчитывавший на верную победу, падает, жизнь его в руках победителя, но победителю стыдно пользоваться этим варварским правом: «Возврати мне мою честь, — кричит он сопернику, — и моли Бога и государя о пощаде». Вивон хранит суровое молчание. Монлье припадает к стопам Генриха: «Государь, предаю вам моего соперника, — говорит он ему, — удостойте меня имени честного человека, простите ошибку нашей молодости. Примите его, государь, из уважения к памяти вашего славного отца, нас обоих воспитавшего». Король молчит. Монлье возвращается к Вивону, не угрожает мечом, а становится на колени и ударяя себя в грудь стальной печаткой, трижды повторяет: *Domine, non sum dignus*. Пока он молится, Вивон с усилием схватывает меч, поднимается на колени и ползет к сопернику. «Не трогайся с места, или я тебя умерщвлю», — говорит Монлье. «Умертви же», — отвечает Вивон. Монлье смотрит на него с состраданием, роняет свой кинжал, возвращается к королю и говорит: «Примите его, государь; он ваш, вам дарю я его жизнь и молю Бога, чтобы довелось этому храброму рыцарю сослужить вам такую службу в день сражения, какую хотел бы сам сослужить». Генрих все молчит. Этот второй отказ не умаляет великодушия Монлье. «Вивон, мой старый товарищ, — говорит он сопернику, — Вивон, молись Создателю, и останемся друзьями». И на это нет ответа. Не умилостивится ли король? Монлье снова от всего сердца обращается к

нему. Король уступает, принимает Вивона к себе. Коннетабль и маршалы хотя по обычаю провозгласить победителя, но Монлье противится. Тогда Генрих, обнимая его говорит: «Вы бились, как Цезарь, и говорили, как Аристотель». Герцог омальский спешит к побежденному и не может унять его ярости. Все удаляются. Тогда толпа бросается к шатру, в котором Вивон готовил своим друзьям великолепный пир, и расхищает посуду. В надежде на победу, он приглашал, говорит Брантом, своих друзей посмотреть на поединок так: «Приглашаю вас тогда-то на мою свадьбу». Теперь же, стыдясь своего поражения и чувствуя, что жизнью своей обязан состраданию врага, он срывает повязки и через три дня умирает, а между тем рана не была смертельная. Герцог омальский соорудил ему памятник.

Поединок Жарнака и Шатеньере был последним во Франции с разрешения короля, но в Англии последний такой поединок происходил гораздо позже, в царствование Карла I, между лордом Дональдом Реем и оруженосцем Давидом Рамзеем.

Уверенность, что судебные поединки были действительным судом Божьим, некогда было в таком ходу, что даже в гражданских делах, когда противники не могли согласиться, или когда судьи находили закон неясным, или расходились в его истолковании, то решали вопрос поединком.

Случалось даже, что монастыри и капитулы высылали на поединок борцов для защиты спорных прав и для окончания процессов монахов или каноников.

Несколько раз соборы и папы запрещали дуэли под страхом строжайших казней. Филипп Прекрасный указом в 1303 году причислил дуэли к уголовным преступлениям. Но что могут сделать гражданские и религиозные законы против так глубоко укоренившегося предрассудка? Не новыми законами уничтожится дуэль, а новыми нравами и только одна религия в состоянии произвести эту благотворную перемену.

Особенные бои Дюгесклена, Баярда. Бой тридцати

Особенные бои, происходившие в военное время между рыцарями воюющих сторон, хотя и одного свойства с дуэлями, но цель их гораздо благороднее и потому религия их почти не преследовала. В древности, когда о дуэлях еще и помину не было, частные бои были в обычаях; в Илиаде и Энеиде много примеров; замечательнейшие бои Ахилла и Гектора и бой Энея и Турна; римская история представляет, между прочими, битву Горациев и Куриациев и битву молодого Манлия, и т. д.

Не трудно понять, почему в рыцарские времена, когда сами сражения бывали ни что иное, как битвы грудь с грудью, вызовы на поединки враждующих воинов составляли не редкость. Часто великодушный и мужественный рыцарь, желавший померяться силами с рыцарем врагов, слава которого равнялась его славе или даже превышала ее, тщетно искал его в схватке; тогда он пользовался перемирием и предлагал ему особенный, частный бой. Подобный вызов никогда не оставался без ответа. Иногда вызов от двух, трех и даже большего числа рыцарей относился такому же числу враждебных рыцарей. Такие бои происходили не иначе, как с разрешения вождей. Кроме общих постановлений, всегда строго соблюдавшихся в подобных случаях, сражающиеся устанавливали еще особые условия или частные законы, которым подчинялись безоговорочно. Для этого рода боев не делали таких приготовлений, как для военных игр или турниров, а церемоний конечно было менее, чем а судебных поединках.

Однако всегда старались придать им всевозможное великолепие и блеск.

История Франции, преимущественно в период рыцарства, так полна подобных деяний, что затрудняешься сделать выбор из этой массы блестящих подвигов отваги и удали, особенно, когда надо представить только несколько примеров для объяснения того, что происходило на частных боях. Надеемся, что читатель останется доволен, если мы предпочтем некоторые подвиги двух храбрейших и знаменитейших рыцарей, Дюгесклена и Баярда. Первый поддержал своим могучим мечом колебавшийся под ударами Эдуарда III и Черного Принца трон Франции, другой — олицетворенное предание старого рыцарства; он последний и

благороднейший его представитель в такую эпоху, когда оно становилось уже воспоминанием. Глава эта закончится битвой тридцати, одним из достопамятнейших и блистательнейших военных эпизодов XIV столетия.

В 1356 году герцог ланкастерский осаждал город Ренн. Дюгесклень, уже прославившийся в отдаленных странах, попал на место военных действий благодаря одной из тех схваток, в которых он отличался. Спустя некоторое время герцог ланкастерский, славнейший полководец своего времени, изъявил желание повидаться с молодым рыцарем и послал к нему герольда. Дюгесклень принял приглашение. Во время продолжительной беседы, в которой Ланкастер хлопотал о том, чтобы привлечь на свою сторону Дюгескленя, является в зал английский рыцарь Бембро. Бембро пользовался уважением в войске; он был родственник правителя города Фужере (Fougerai), убитого Дюгескленем некоторое время назад. Англичанин, не смотря на присутствие военачальника, обращается прямо к Дюгескленю: — Вы взяли Фужере, — говорит он ему, — вы убили Бембро, моего родственника, бывшего начальником города; я хочу отомстить за его смерть и требую трех ударов меча с вами.

— Шесть, и даже более, если вам угодно, — с живостью отвечал Дюгесклень, пожимая руку англичанину.

Бембро столько же славился силой и мужеством среди англичан, сколько Дюгесклень между бретонцами. Оба рыцаря назначили для поединка следующий день, и Бертран обещал с утра явиться в лагерь англичан, где должен был происходить поединок.

Герцог ланкастерский хотел было воспротивиться, но так как Бембро был знатного рода, да к тому же сердиться было не за что, если бы английский рыцарь победил Дюгескленя, то он согласился приготовить все для поединка. Наконец, он отпустил гостя и с большим почетом проводил его до городской черты.

Возвратясь в город, Бертран тотчас же доложил начальнику, рыцарю Пеноэ (Penhoet), обо всем, происшедшем при свидании с ланкастерским герцогом, а также и о поединке, предложенном ему на завтра. Пеноэ укорял его за то, что он принял вызов и дал ему почувствовать, как он был неблагоразумен, что вовлек себя в такое дело, что он будет среди неприятельского лагеря один или с весьма малым числом своих, что противнику его могут подать помощь и облегчить победу.

Подобные соображения не могли остановить Дюгескленя: на другой день утром он по обещанию явился в английский лагерь. Ему салютовали всеми трубами, какие были в лагере; городские им отвечали. Этот военный шум привлек на валы и на поле сражения бесчисленное множество граждан

и солдат, желавших быть свидетелями борьбы двух храбрейших рыцарей враждебных сторон.

Бембро был высокий, стройный, плотный и, казалось, был искусен во всех воинских упражнениях. Он ожидал своего соперника верхом на ратном коне, покрытом блестящим вооружением: англичане любовались его станом, его гордым и величественным видом, в чем он далеко превосходил Дюгескленя. Герцог ланкастерский и судьи поля стояли на одном конце ристалища. Скоро явился Дюгесклень, одетый на этот раз великолепно, чем когда-либо; он встал против соперника. С первым сигналом оба бойца воспламеняются и с равной свирепостью летят друг на друга. Дюгесклень легко ранит Бембро, но и сам он оглушен ударом в щит. Они снова бросаются друг на друга, и опять, с равным успехом; в третий раз — тот же результат, и бой должен кончиться. Но Дюгесклень, думая, что не одержать победы — значит признать себя побежденным, предлагает противнику четвертый удар. Бембро соглашается. Оба бойца бросаются друг на друга с удвоенной яростью и Дюгесклень скидывает, наконец, несчастного англичанина с коня, и тот тотчас же умирает. Все войско содрогается от поражения столь храброго рыцаря. Дюгесклень также жалеет о нем, но заметив, что английские воины яростно смотрят на него, он отдает коня Бембро герольду поля и спешит в город, где его встречают восторженные клики народа.

Три года спустя Дюгесклень имел еще один случай ознаменовать свое мужество и ловкость в частном бою с английским же рыцарем; хотя исход был не столь кровопролитный, как в первый раз, но для бретонского рыцаря был столько же славен.

В 1359 году герцог ланкастерский осаждал Динан (Dinan), а Дюгесклень его защищал. Во время перемирия, Фома кентерберийский, рыцарь, более знаменитый своей знатностью и мужеством, чем доблестью, завидуя славе Дюгескленя, остановил его младшего брата, прогуливавшегося без провожатого и кроме меча не имевшего при себе другого оружия, и взял его в плен.

— Он хотел вас оскорбить, — сказали герою, — чтобы иметь повод сразиться с вами.

— Он его имеет, — отвечал Дюгесклень сурово, — но я заставлю его жалеть, что он искал его.

В ту же минуту он садится на коня, выезжает за город и является в ставку герцога ланкастерского. Там он встречает молодого Монфора (Monfort), который, поддерживаемый англичанами, оспаривал герцогство Бретанское у Карла Блуа, считавшего на своей стороне Дюгескленя и

французов. Монфор не любил Дюгескленя, но он уважал его, и хотя был его врагом, однако не мог удержаться от осуждения поведения Фомы кентерберийского, сражавшегося за него.

Дюгесклень требовал справедливости и выдачи брата. Герцог ланкастерский послал за Фомой кентерберийским, чтобы потребовать отчет о его поведении. Этот рыцарь явился через минуту и вошел в ставку высокомерно и дерзко. Герцог, оскорбленный его грубостью, сказал ему, что он провинился в проступке, недостойном рыцаря, потому что захватил в плен брата Дюгескленя во время перемирия. Затем он приказал ему тотчас же выдать пленника Бертрану. Гордый англичанин отвечал, что он вправе был полонить брата Дюгескленя и что право свое он докажет тогда, когда ему вздумается. В ту же минуту он бросил перчатку. Дюгесклень тотчас же поднял ее и, сильно пожимая ему руку, сказал:

— Вы хотите поединка, я также хочу его и докажу, что вы наглый и вероломный рыцарь.

Поединок в присутствии герцога ланкастерского происходил в Динане.

Дюгесклень, в полном вооружении, долго дожидался соперника, пока тот, наконец, показался. Но это был уже не тот высокомерный и дерзкий рыцарь, который при герцоге ланкастерском усилил гнев Бертрана: он, казалось, был равнодушен и готов примириться. Но Дюгесклень не хотел и слышать об этом и сказал, чтобы противник готовился к бою. Оба соперника тотчас же нападают друг на друга, но с первыми ударами меч англичанина отлетает в сторону, Бертран живо соскакивает с коня, поднимает меч и выбрасывает его за барьер. Кентербери, видя его спешившимся, хочет воспользоваться своим положением, чтобы повалить на соперника его коня. Но Дюгесклень замечает это, валит коня противника на землю и таким образом принуждает врага тоже спешиться; после этого он бросает свой меч, чтобы биться одинаковым оружием. Начинается рукопашный бой; он длится, но наконец англичанин побежден, повален и обезоружен. Герцог ланкастерский просит за него пощады, получает ее, но выгоняет побежденного из войска.

Жизнь Баярда столь же богата блестящими военными подвигами, как и жизнь Дюгескленя. Во время войн за Италию, Баярд взял в плен знатного и храброго испанского сеньора: дона Алонзо де Сото-Майора (don Alonzo de Soto-Mayor), родственника Гонзальва кордуанского, испанского полководца. Баярд препроводил пленника в замок Монервинь (Monervine), где был его гарнизон. Там он дал ему полную свободу, обязав его честным словом не покушаться на побег до уплаты тысячи червонцев выкупа. Хотя Баярд оказывал пленнику величайшее внимание, однако испанец употребил во

зло данную ему свободу: он подкупил одного из гарнизонных воинов и после пятнадцатидневного плена бежал с ним в город Андр, занятый испанским войском. Баярд узнал о побеге вовремя, так что Алонзо, не успев добежать до своих, был схвачен и возвращен посланными в погоню за ним французскими всадниками. Тогда Баярд, высказав свое негодование за недостаток доверия к нему и не полагаясь больше на честное слово пленника, заключил его в одной из башен замка, где однако обращались с ним с подобающей предупредительностью.

Через несколько дней явился трубач в сопровождении служителя Алонзо с условленным выкупом. Баярд раздал выкуп гарнизону и возвратил Сото-Майору свободу. По прибытии к своим испанец стал жаловаться на дурное обращение французского рыцаря, желая этим оправдать свое покушение на побег. Когда такие слухи дошли до Баярда, тот, раздосадованный нечестностью того, кому оказано было с его стороны постоянное внимание, тотчас написал ему, что если он не отречется от сказанного, то он, Баярд, принудит его в пешем или конном бою сознаться в клевете. Алонзо гордо отвечал, что он никогда не отречется от сказанного и что никто, даже Баярд, не принудит его к этому; что, наконец, он принимает вызов и готов через пятнадцать дней выйти на поединок там, где будет назначено. Баярд, хотя и страдал лихорадкой, по пришел в восторг от решимости Алонзо и поспешил испросить у полководца согласие на поединок. Согласие было дано без затруднений.

Когда назначили день поединка, Алонзо просил французского рыцаря принять вызов на себя, а ему предоставить права вызванного, т. е. право выбрать оружие и род поединка. Баярд согласился на требование испанца, говоря:

— Что мне за дело, буду ли я вызывающим или вызванным в честной распре?

Став хозяином поединка, Алонзо, зная, что Баярд силен в бою на коне, решил биться пешим, в полном вооружении.

В назначенный день Баярд со своим свидетелем Беллабром и сопровождаемый многими сеньорами, отправился на место битвы. Скоро прибыл туда и Алонзо с равным числом испанских дворян. Он тотчас послал Баярду для выбора два меча и два кинжала. Баярд не долго выбирал: он взял то, что ему попало под руку. Потом, когда соблюдены были все обычные в подобных случаях обряды, оба противника, присягнув по обыкновению, вышли на поле поединка с противоположных сторон. У Баярда свидетелем был Беллабр, а судьей поля — Ла Палисс; у Алонзо — свидетелем дон Кигонез, судьей — дон Атанез. Баярд, вступив на поле боя,

помолился, поцеловал землю, встал, перекрестился и пошел к сопернику твердым и спокойным шагом, как будто шел на праздник. Алонзо приблизился столь же неустрашимо.

— Рыцарь Баярд, — сказал он, — чего ты хочешь от меня?

— Я хочу, дон Алонзо де Сото-Маиор, защищать свою честь, которую ты оскорбил несправедливо и злобно.

Тут они стремительно бросились друг на друга. Баярд сразу же ранил соперника в лицо, но эта не опасная рана только удвоила свирепость Алонзо, который в данное время был сильнее Баярда, изнуренного лихорадкой; он старался напасть с боку, чтобы схватить противника за туловище, но Баярд следил за всеми движениями и ловко отражал все удары. Бой длился с равным успехом для обоих. Зрители дрожали от волнения и молились, каждый за своего рыцаря: французы боялись, что Баярд по случаю болезни не выдержит продолжительной борьбы; испанцы хотя и уверены были в силе и ловкости Алонзо, но предпочли бы поединок его со всяким другим рыцарем, лишь бы не с тем, непобедимость которого была столько раз доказана. Наконец, испытав друг против друга все увертки, всю ловкость, Баярд выбрал мгновение, когда испанец на него замахнулся, и с быстротой молнии нанес ему концом меча такой сильный удар в шею, что латный нагрудник, несмотря на свою доброту, раскололся: соперник Баярда получил несколько ран. Увидев свою кровь, испанец становится еще яростнее, еще страшнее; он употребляет неслыханные усилия, чтобы схватить соперника в охапку и уронить его своей тяжестью, но Баярд ловко уворачивается от роковых для него объятий, пока не замечает, что Алонзо обессилен потерей крови. Тогда он бросается на него, обхватывает и с такой силой сжимает, что оба падают и бьются еще некоторое время лежа. Наконец Баярд наносит Алонзо сильный удар кинжалом и кричит:

— Сдавайся, дон Алонзо, или умрешь!

Несчастный испанец на этот возглас не отвечает, потому что он уже мертв. Дон Кигонез, его свидетель, заметив это, говорит Баярду:

— Рыцарь Баярд, что вы его спрашиваете? Разве вы не видите, что он мертв?

Баярд желал бы пожертвовать всем, чтобы только победить, а не убить; он искренно жалел, но было уже слишком поздно.

Принеся благодарственные мольбы за победу, Баярд три раза поцеловал землю, отдал труп Алонзо его свидетелю и сказал:

— Сеньор Диего, труп этот принадлежит по военным законам мне, но я передаю его вам и искренно жалею, что не передаю его живым.

Удрученные испанцы унесли труп, а французы провожали победителя в замок с военной музыкой и восторженными кликами.

После этого происшествия перемирие между французской и испанской армиями продолжалось два месяца. Испанцы не могли утешиться по Сото-Майору и горели желанием отомстить. Во время перемирия офицеры враждебных сторон часто сходились на прогулках. Однажды группа испанцев в тринадцать человек была около Монервиня, откуда Баярд со своим другом Орозом (Oroze) выходил на прогулку. Враги поздоровались и заговорили. Один испанец, Диего де Бизанья (Diego de Bisagna), сотоварищ Сото-Майора, не простивший его смерти, начал так:

— Господа французы, перемирие продолжается только восемь дней, а уже оно нам надоело; не знаю, надоело ли оно вам, но если это так, то мы могли бы в продолжение его сразиться, человек десять против десяти, двадцать против двадцати, более или менее, но только в равном числе. Со своей стороны я нашел бы товарищей, но с условием, что побежденные остаются пленниками победителей.

Друзья, улыбнувшись, переглянулись, и Баярд поспешил ответить испанцу:

— Мы, товарищ мой и я, с большим удовольствием принимаем ваше предложение. Вас всего тринадцать, обещайте нам явиться через неделю в Трани (Trani); нас будет столько же, и тогда мы увидим, за кем останется победа.

Испанцы дали слово и все разошлись.

Друзья, возвратись в Монервинь, рассказали своим товарищам о встрече с испанцами и о назначенном поединке. Каждый изъявлял желание в нем участвовать, но выбрали, наконец, тринадцать. Два маленьких враждебных отряда в назначенный день явились на условленное место в сопровождении значительного числа друзей и толпы любопытных. Тотчас же были установлены условия боя: определили границы поля битвы, положено было, что переступивший границы становится пленником и не может уже в тот день вступать в борьбу; решено было, что выбитый из седла не может участвовать в бою; наконец, положено было, что если наступит ночь, а победа никем не будет одержана и останется только по одному бойцу, то битва будет считаться конченой и каждый удалится и уведет своих товарищей.

Когда обо всем условились, то обе стороны с копьями в упор храбро устремились друг на друга. Мы уже видели, что одним из основных законов рыцарства установлено было не направлять копий против коней. Испанцы, условясь, что спешившийся рыцарь не может уже участвовать в

бою, старались ранить коней, и при первой стычке ранили их одиннадцать, так что только Баярд и Ороз остались на конях. Эта военная хитрость — абсолютное нарушение условий — однако не удалась изобретателям; их кони никак не хотели перескакивать через трупы коней противника, несмотря на постоянное прищпоривание и другие усилия. Баярду и его другу, оставшимся вдвоем, пришлось выдержать неравный бой. Они, ловко пользуясь малейшими благоприятными моментами, нападали на противников, а когда те, все разом, бросались на них, два француза укрывались за конскими трупами. Многие испанцы были жестоко ранены, а еще большее число обезоружены, и хотя их было тринадцать против двух, однако они никак не могли попасть на сторону французов, выдерживавших эту неравную борьбу более четырех часов, пока ночь не принудила противников разойтись. Никто не был победителем, но честь дня осталась за двумя французами, сумевшими так долго противостоять своим соперникам.

Эта же самая война была ознаменована блистательнейшим военным подвигом, сохранившимся в истории; одного его достаточно было бы, чтобы обессмертить *рыцаря без страха и упрека*.

В 1503 году испанское войско стояло лагерем на левом берегу Гарильяна, а французское занимало противоположный берег. Недосток фуража во французском лагере принудил кавалерию, составлявшую значительную часть войска, удалиться и большими огрядами добывать фураж. Гонзальв кордуанский, уведомленный шпионами, переправляется через реку по построенному им без ведома французов мосту и, атакуя их в другом месте, чтобы отвлечь внимание, с остальным войском идет вперед, думая их окружить. Только быстрое отступление могло спасти французскую армию. Полководец ее велел отступать. Отступление, прикрываемое многими отрядами, составлявшими арьергард, в котором был и Баярд с пятнадцатью храбрецами, совершилось в полном порядке. Они прикрывали движение армии, несмотря на то, что легкая испанская кавалерия беспрестанно ее беспокоила, чтобы замедлить отступление и дать Гонзальву возможность ее нагнать.^[72] Вдруг Баярд видит, что отряд испанской кавалерии, человек в двести, занял высоты для того, чтобы напасть на французскую пехоту, что отряд этот направляется к узкому мосту, которым пехота могла выйти на равнину. Если бы их движение не встретило препятствий, французская армия погибла бы. Баярд понял всю величину опасности, и не теряя времени на уведомление французского полководца, бросился к мосту с одним только оруженосцем. Завидев неприятельскую колонну, он вскричал оруженосцу:

— Бегите, бегите за помощью, пока я буду драться с ними!

Между тем, как оруженосец исполняет приказ, Баярд, с копьем на вынос, занимает мост. Испанцы, видя только одного воина, не думают, что он хочет серьезно оспаривать проход и продолжают движение, посмеиваясь над удальством или глупостью такого противника. Но Баярд бросается на них с яростью и от первых его ударов четыре всадника опрокинуто и двое из них падают в реку. Разъяренные утратой товарищей и стыдом, что они остановлены одним воином, испанцы бешено атакуют его. Он же, с мечем в руках, выдерживает их напор так, что наносимые им удары заставляют врагов думать, что они имеют дело не с человеком, а с существом сверхъестественным. Конечно, такой бой не мог быть продолжителен и изнуренные силы Баярда изменили бы его мужеству. К счастью, он держался столько времени, что оруженосец успел привести к нему на помощь сто воинов, которые отняли у испанцев всякую надежду перейти мост.

Из всех частных битв, происходивших по всем правилам рыцарства, знаменитейшей была, бесспорно, битва тридцати (**Combat de Trente**). Она происходила в Бретани между тридцатью бретонскими рыцарями и оруженосцами и таким же числом англичан.

Во время междоусобной войны, опустошавшей Бретань в XIV столетии, Жан Бомануар (Jean de Beaumanoir), друг и товарищ Дюгесклена, принял вместе с ним сторону Карла Блуа против Жана Монфора (Jean de Monfort). Обязанный защищать Жосселен (Josselin), рыцарь этот не мог смотреть равнодушно на то, что английский гарнизон Плоермеля (Ploermel), несмотря на заключенное перемирие, разбойничал. Бомануар отправился к коменданту Жаку Бембро и упрекал его в бесчестной войне (*mauvaise guerre*). Англичанин отвечал резко, так что разгорелась ссора. Результатом свидания было то, что назначили бой тридцати против тридцати (26 марта 1354 г.) между Плоермелем и Жосселеном.

По возвращении в Жосселен Бомануар объявил эту новость бретонским дворянам, составлявшим гарнизон. Каждый желал принять участие в этой экспедиции. Так как невозможно было удовлетворить всех, то он избрал девять рыцарей и двадцать одного оруженосца. Между ними отличались Тентеньяк (Tinteniac), Гюи Рошфор (Guy de Rochefort), Ив Шаррюель (Yves de Charruel), Жоффруа Буа (Geoffroi du Bois), Гильом Монтабань (Guillaume de Montaban), Ален Тентеньяк (Alain de Tinteniac), Тристан Пестивьен (Tristan de Pestivien), Жоффруа Рош (Geoffroi de la Roche), Меллон (Mellon), Пулляр (Poullart), Руссле (Rousselet), Бодга (Bodegat) и др.

Бембро не нашел в своем гарнизоне и тридцати англичан, на которых можно было бы положиться в столь важной для чести нации битве. Он выбрал только двадцать англичан, остальные были или немцы или бретонцы из партии графа Монфора. Главные английские рыцари были; Роберт Кноль (Robert Knole), Крокар (Croquart), Генрих Лескюален (Henri de Lescualen), Бильфор. (Billefort), Гюштон (Hucheton) и др.

Все рыцари явились для битвы, вооруженные с ног до головы. Их окружила толпа зрителей, собравшаяся посмотреть на этот кровавый турнир, В то время, когда уже пора было вступить в бой, Бембро стал колебаться. Он говорил, что это сражение незаконно, потому что не разрешено высшими властями. Бомануар отвечал, что уже слишком поздно расстраивать партию, столь удачно составленную, и терять прекрасный случай доказать — *у кого красавица лучше* (qui avait plus belle amie).

По сигналу обе группы так страшно схватились, что присутствующие пришли в ужас. Сражающиеся были построены в две линии: каждый лицом к лицу имел своего противника, оружие было разное, потому что выбор его предоставили произволу каждого. Бильфор дрался молотом (maillet) в двадцать пять фунтов, а Гюштон кривым обоюдоострым ножом (faucgard), и т. д. Перевес был сначала на стороне англичан, убивших Меллона и Пульяра. Пестивьен был ранен ударом молота, Русле и Бодга были сбиты с ног мушкетом и пленены, точно также, как и Шаррюель. Бомануар, раздраженный такой потерей, удвоил удары, а другие последовали его примеру, но англичане не уступали им ни в силе, ни в храбрости, так что обе стороны, изнуренные усталостью, разошлись по обоюдному согласию, чтобы передохнуть и освежиться.

Бомануар воспользовался этой передышкой для воодушевления своих.

— Если мы потеряли пятерых, — говорил он, — нам же больше славы, когда победим.

— Что до меня, — возразил Жоффрау де ла Рош, — я сражался бы мужественнее, если бы был рыцарем.

— Ты им будешь, — отвечал Бомануар, и тотчас дал ему лобзание (accolade), припомнив при этом, в виде поучения, великие деяния его предков, ознаменовавших себя в войнах на востоке с сарацинами.

После непродолжительного отдыха противники снова вступают в бой с прежним остервенением. Вдруг Бембро бросается на Бомануара, обхватывает его поперек и требует, чтобы он сдался, но в это самое время Ален де Карвале ударяет Бембро копьем в лицо и прокидывает его на землю; в тоже мгновение Жоффрау дю Буа, заметив брешь в латах, пронзает его мечом насквозь. Смерть вождя поражает ужасом его рыцарей, только

Крокар не теряется:

— Товарищи, — кричит он, — рассчитывайте на ваше мужество и победа за нами; стяните ряды, будьте стойки и деритесь, как я.

Англичане стягиваются, и бой становится ужаснее прежнего.

Между тем трое пленных бретонцев, хотя и раненые, пользуются замешательством вследствие смерти Бембро; они убегают из плена и присоединяются к своим. Бомануар в это время ранен: задыхаясь, изнемогая от усталости, мучимый сильной жаждой, он просит пить. Жоффруа дю Буа, слыша это, кричит:

— Пей свою кровь и жажда пройдет!

Эти слова оживляют Бомануара, он снова вступает в бой и новыми усилиями старается одолеть врагов, но тщетно. Наконец, Гильом де Монтабань вскакивает на коня, хватает свое копье и делает вид, что хочет покинуть поле боя. Бомануар, видя это, кричит:

— Лукавый и злой оруженосец, куда ты? Зачем нас покидаешь? Опозоришь себя и потомство свое навсегда.

Монтабань, нисколько не горячась, возражает:

— Делай свое дело, Бомануар, а я уж сделаю свое.

Сказав это, он стремительно гонит своего коня на англичан, расстраивает их и, отступая и снова врезаясь, опрокидывает восьмерых. Бретонцы пользуются замешательством, проникают в ряды противника и производят страшное опустошение: большинство англичан убито; другие, в числе коих Кноль, Каверлей, Вильфор и Крокар захвачены в плен и отведены в замок Жосселен. Таким образом бретонцы одержали полную победу, благодаря, может быть, хитрости Монтабаня. Аржантре (Argentre) в своей Истории Бретани, замечает, что противники сражались пешие, исключая Монтабаня, но вероятно бой конному не был запрещен, потому что англичане не восставали против этого.^[73]

Таков был исход знаменитой битвы тридцати; память о ней навсегда сохранится на полях Плоермеля, будет долго рассказываться седыми стариками по вечерам и долго еще будут биться бретонские сердца при воспоминании о славе и мужестве своих предков.

Рыцарские ордена

Чтобы дополнить историю рыцарства, остается сказать еще о рыцарских орденах — частных учреждениях, возникших из общего учреждения. Пределы, которыми ограничивается эта книга, не позволяют входить по этому предмету в большие подробности, потому что история многих орденов может доставить материала на книгу более обширную и многотомную, чем эта, главная цель которой представить картину, собственно говоря, военного рыцарства.

Все ордена или частные товарищества можно подразделить на три разряда: к первому принадлежат баснословные рыцарские союзы, существующие только в романах, как например, рыцари Круглого Стола (Table Ronde); ко второму относятся действовавшие большей частью во время крестовых походов; главнейшие из них: орден Тамплиеров, орден Св. Иоанна Иерусалимского, Тевтонский орден, и др.; наконец, третий разряд составляют ордена почетные, имеющие целью награждение личных заслуг, а не особенную какую-нибудь деятельность, как например, орден Подвязки, орден Золотого Руна и пр. Мы не будем говорить о рыцарях литературы, рыцарях законов, рыцарях дам, ни о других подобных учреждениях, показывающих упадок первобытного рыцарства — предмет этого сочинения.

Lacurne de Sainte Palaye утверждает, что орден рыцарей Круглого Стола был ни что иное, как военное празднество, подобное турнирам и военным играм, род битвы за честь, названный так потому, что риставшие рыцари взаимно и поочередно приходили ужинать к тому, кто устраивал празднества, и во время ужина сидели за круглым столом, чтобы уничтожить всякое различие мест, занимаемых гостями. Матье Пари (Matthieu Paris), историк XIII века, рассказывает о великолепной забаве рыцарей Круглого Стола, которая праздновалась в 1252 году в восьмидневный праздник Рождества Пресвятой Богородицы в валденском аббатстве. Вот как он выражается: «В том же году рыцари, желая поддержать военными упражнениями ловкость и мужество, единогласно решили пытаться свои силы не в такой военной игре, которая называется турниром, а в военной игре, называемой Круглым Столом. Но военные игры, о которых говорят Матье Пари и Сен Палэ, были только слабым подражанием знаменитого и великолепного Круглого Стола короля Артура (Artur) и его товарищей: Ланселота (les Lancelot), Тристана (les Tristan),

Говеня (les Gauvin), Блюмбери (Bliomberi) и т. д., всех героев крамолотского двора (Cramolot).»

Знаменитый чародей Мерлин употребил все свое искусство на постройку этого стола. Он устроил вокруг него тринадцать седалищ. Из них только одиннадцать могли быть заняты, и то лишь славнейшими рыцарями; тринадцатое всегда было пусто. Оно называлось опасным седалищем с тех пор, как погиб дерзновенный и гордый сарацинский рыцарь, осмелившийся на него сесть: земля разверзлась тогда под этим седалищем и сарацин погиб в пламени. Магическая сила надписывала на спинке седалища имя того, кому следовало его занять. Для получения одного из этих седалищ, если оно становилось вакантным, рыцарь должен был превзойти предшественника и в мужестве, и в великих деяниях, в противном случае рыцарь изгонялся неизвестной силой. Если же он исполнял все требования, то случалось, что в то время, когда король Артур вводил вновь принимаемого за руку и сажал его на вакантное место, слышалась неземная гармоническая музыка, воздух наполнялся благовониями, прежде написанное имя исчезало и заменялось сверкающим именем нового рыцаря. Вот единственное испытание и конечно весьма достаточное, которому рыцари Круглого Стола подвергали желающего заместить выбывшего товарища, оплакиваемого орденом.^[74] Но оставим эти сказания романистов XII столетия и займемся важнейшими учреждениями, посущественнее ордена Круглого Стола.

Во время крестовых походов, в самую блистательную эпоху рыцарства, образовались религиозные рыцарские ордена, имевшие, кроме общих всем рыцарям постановлений, постановления специальные. Как и ордена монашеские, они имели один устав и одного главу. В недрах этой крепкой организации развивалась энергия рыцарских доблестей. Великодушие, вспомоществование слабым — их движущая сила, потому что они учреждались с целью покровительствовать поклонникам Святых Мест и защищать гроб Спасителя. Монашеский характер возбранял им любовь: из религиозного строгого рыцарства было изгнано это земное чувство, ставшее предметом ссор других рыцарей; только одна Пресвятая Дева Мария была ими чтима. Но эти основные чувства рыцарства, подчиненные могущественному устройству, в котором соединялись и военная дисциплина, и строгость устава, показали миру зрелище блистательного успеха этих орденов: они побеждали целые области, основывали города и даже государства.

Достаточно одного взгляда на историю в эпоху учреждения религиозного рыцарства, чтобы понять важные заслуги, оказанные им

человечеству. На востоке Мальтийский орден покровительствовал торговле, возрождавшемуся мореплаванию и в течение более столетия был единственным оплотом против вторжения турок в Италию.^[75] На севере орден тевтонов, покоряя кочующие по берегам Балтийского моря племена, прекратил опустошение Европы: он дал время просвещению усилиться и приготовить то новое оружие, которым мы навсегда ограждены от Алариков и Аттил.^[76]

В Испании рыцари ордена Калатравы, ордена Алкантары и ордена Меча св. Иакова, воюя с маврами и сдерживая завоевания исламизма, оказали христианской Европе не менее услуг. Христианские рыцари заменяли наемные войска и составляли род регулярной милиции, передвигавшейся туда, где была особенная опасность. Короли и бароны, распускаясь, по необходимости, своих вассалов на несколько месяцев, часто подвергались нападению варваров. Чего не могли сделать опыт и дух времени, то создала религия: она связывала людей клятвой во имя Бога — проливать кровь за отечество; дороги стали безопасны, целые области очистились от набегов разбойников, а враги встречали отпор при нападениях.^[76] Все эти учреждения основывались под могущественным влиянием религиозных идей. Взгляните на восток, где рыцари должны были сражаться и со страшными болезнями, господствующими там, и с неутомимыми врагами христианства. Христианское милосердие вызывает рыцарей на подвиги и требует от них постоянного самопожертвования на защиту богомольцев и на помощь больным. Неверные столько же удивлялись их доблестям, сколько боялись их мужества. Что может быть трогательнее зрелища этих воинов, встречавшихся то на поле битвы, то в обители страданий, воинов бывших и ужасом врагов, и утешением всех страждущих. Магистр военного ордена св. Иоанна именовался *попечителем нищенствующей христовой братии*, а рыцари называли больных и бедных *наши господа*. Можно ли поверить, что магистр ордена св. Лазаря, основанного для излечения от проказы, был избран из числа прокаженных. Так милосердие рыцарей отчасти облагородило самое отвратительное в болезни человечества, чтобы глубже вникнуть в людские бедствия. Этот магистр св. Лазаря, долженствовавший иметь те же недуги, которые он призван исцелять в других, не есть ли возможное на земле подражание примеру Сына Божьего, явившегося на освобождение человечества во плоти.^[77]

Различные изменения в быте религиозных орденов соответствуют последовательным периодам общей жизни рыцарства. Они начинают

чистым, бескорыстным увлечением, удивительным милосердием: Страннолюбцы (les Hospitallers) были сначала простые гостеприимцы (что показывает и самое их название), посвящавшие себя на служение больным в Палестине, а потом уже обратились в славных родосских и мальтийских рыцарей. Военственный орден тевтонских рыцарей, управлявший частью северной Европы, был основан несколькими бременскими и мюнстерскими германцами, находившимися при осаде Сен-Жан-д'Акра и дававшими раненым и зачумленным убежище в своих бедных палатках, покрытых парусом. Возникновение Тамплиеров также поразительно, но скоро закрались в этот орден самолюбие и жадность; мужество их не покидало, но мирские страсти, мирские интересы все более и более проникали туда, об этом свидетельствуют история ордена и его трагический конец.

За этими орденами появились ордена почетные. Государи желали овладеть исчезающим рыцарством, желали независимое могущество обратить в орудие государственной власти. Они учреждали ордена, становились их средоточием, предписывали свои уставы, статуты, определяли обряды. Иногда в одно и то же время эти новые ордена бывали и великолепием, украшением двора, и политическим средством. Так орден Золотого Руна, служивший бургундским герцогам главным средством усиления блеска их двора, содержал в своем уставе некоторые постановления, которыми предписывалось всем рыцарям доносить герцогу бургундскому, начальнику ордена, обо всем, угрожающем опасностью как для особы герцога, так и для государства: следовательно под блестящей наружностью скрывалось политическое и полицейское средство. Такое постановление входило в уставы и французских орденов: Людовик XI создал свой орден св. Михаила из соперничества с герцогом Бургундским, основавшим орден Золотого Руна. Впоследствии орден св. Михаила слился с орденом Св. Духа, учрежденным Генрихом III, и оба получили название королевских орденов.

Наконец, рыцарские ордена окончательно преобразились, удаляясь более и более от своего начала, они сделались почетными знаками, сохранив из всего старого только одно название. Таким был орден Св. Людовика, таков в настоящее время орден Почетного Легиона, который жалуется людям всякого сословия и звания. Несмотря на свое вовсе не феодальное происхождение, он, однако, не имеет степеней, а имеет ленточку — последний след древнего шарфа, где рядом с новым словом *отечество*, красуется старое рыцарское слово *честь*.^[78]

Заключение

В заключение мы изложим причины, породившие рыцарство, влияние рыцарства и обстоятельства, способствовавшие его падению и уничтожению. Это будет нечто вроде книги: оно заменит хронологический порядок, которому нельзя было следовать без вреда интересу предмета.

Такое рыцарство, которое возникло в средние века, не могло существовать без христианства. Только под влиянием этой религии основные чувства рыцарства могли достигнуть своего значения. И в другие эпохи, в древней и в новой истории великодушие и сострадание к слабым порождало деяния, соответствующие рыцарским деяниям, но деяния частные, редкие, эпизодические. Чувства эти загорались и гасли, бывали и кое-какие плоды, но они быстро исчезали. Когда же эти чувства нашли опору в христианстве, они развились с большей полнотой: явилась не попытка к рыцарству, а само рыцарство. Это отсутствие ненависти во время битвы, это самопожертвование, это стремление помочь угнетенному, все эти доблести, составлявшие принадлежность рыцаря, суть христианские доблести. Даже честь — совершенно мирское чувство — сопричастна христианству: между не помраченной честью, рыцарским незапятнанным щитом, безупречной совестью, белым одеянием неопита есть искренний, сокровенный союз.^[79]

Эти мысли наводят на весьма естественное размышление, что христианская религия так необходима человечеству, так соответствует его природе, так совершенна, что удовлетворяет всем его потребностям везде, всегда и во всем; она имеет влияние на целые народы, так же, как и на отдельные личности, распространяет свои благодеяния при всяких общественных и частных бедствиях. Везде, где только скорбь, несчастье, недуг — она является отрадой и исцелением. Под ее покровительством образуются бесчисленные союзы мужей и жен, с величественным самоотвержением посвящающих свою жизнь на служение человечеству. В XI веке Европа стонала под гнетом феодальной тирании и была погружена в варварство. Вдруг, по гласу веры, величественный порыв души начинает рассеивать мрак подобно свету, разгоняющему ночную темноту. В сердцах, обуреваемых буйными, грубыми чувствами, обнаруживаются самые святые, самые нежные, самые возвышенные стремления: ими создается нравственная система, имеющая в основе преданность, бескорыстие, энтузиазм; они образуют между разными народами братство, единство,

составляющее преддверие великого европейского союза, к которому мы стремимся. Рыцарь не был только француз, англичанин, испанец, немец, — он был рыцарь; составилось какое-то доблестное товарищество, сблизившее все народы, и учреждение его было важным делом в эпоху раздоров и несогласий, потому что соединило благороднейшие души в общем поклонении высоким чувствам.^[80]

Наконец, после нескольких веков блистательного существования, рыцарство мало-помалу пришло в упадок вследствие злоупотреблений и преимущественно перемен в военной и политической системе Европы. Но все еще сохраняются между людьми некоторые вдохновленные рыцарством чувства, точно также, как в отступниках веры остаются кое-какие правила и глубокие следы того, что внушено им с детства. Во времена рыцарства наградой доблестных деяний были слава и почести. Это столь полезное людям воздействие, ничего им не стоящее, не покидается и в последующие века: воспоминание о рыцарстве так живо, что и в наше время его знаки и отличия служат наградой за заслуги и мужество.^[81]

notes

Примечания

1

M. de las Cases, Atlas Hist.

Chateaubriand, Etudes historiques.

3

Marchangy, Gaule poetique.

4

орлик с лазоревым клювом

Lacune de Sainte-Palaye, Memoire sur l'ancienne chevalerie.

Lacune de Sainte-Palaye, Memoire sur l'ancienne chevalerie. Marchangy, Gaule poetique.

Marchangy, Gaule poetique.

Lacune de Sainte-Palaye. Gassier, Histoire de la chevalerie française.

Lacune de Sainte-Palaye. Gassier. Le P. Menestrier. De La Rouge, Nraite de la noblesse.

Marchangy, Gaule poetique.

Froissard, livr. 3. Annales de Louis XII.

Лакиер, Русская геральдика.

Лакиер, Русская геральдика.

Бурелет (*le bourelet*) — жгутик из ткани, набитый шерстью и налагаемый на шлем. Он окрашивался теми же красками, как щит, и в гербах простых дворян назывался *fresque, torque, tortil*)

M. Granier de Cassagnac, Revue de Paris, 9 Septembre 1838.

Marchangy, Gaule poetique.

Lacepede, History de l'Europe.

Лакиер, Русская геральдика.

Granier de Cassagnac

Marchangy, Gaule poetique. Le P. Menestrier, Origine des annoiries.

Marchangy, Gaule poetique.

Lacepede, History de l'Europe.

Le P. Menestrier, Traite sur l'art des devises. Marchangy, Gaule poetique.

Лакиер, Русская геральдика.

Lacune de Sainte-Palaye. Gassier, Histoire de la chevalerie française.

Flores et Blanche-Fleur.

Gerard de Nevers.

Beloi, Origine de la Chevalerie. De la Roque, Traite de la Noblesse.

Perceforest, tome V.

Instruction du chevalier de la Tour a ses filles. Lacune de Sainte-Palaye.

Lacune de Sainte-Palaye, Memoire sur l'ancienne chevalerie.

Lacune de Sainte-Palaye, Memoire sur l'ancienne chevalerie.

Saintre, M. Trissan, tome 3.

Delivrer un poursuivant d'armes de son entreprise — техническое выражение, означавшее вызов. Он состоял в том, что вызывавший вежливо или насильно брал у poursuivant d'armes постоянно носимый им знак: перстень, браслет, повязку и пр.

Г-жа Элеонора, племянница короля арагонского, принцесса кордуанская, одна из прелестнейших испанских дам, была супругой Енгеранда.

Le behours, называемое также etour или behourdis, представляло настоящее сражение. Рыцари, разделясь на отряды, устремлялись друг на друга. Если копье ломалось при первой стычке, то бились мечом, стараясь опрокинуть соперника, отнять щит, каску, меч и даже брать в плен.

La Colombiere. Marchangy, Gaule poetique.

Memoire de l'Academie des belles lettres.

Барон Зедделер в своем «Обзрении истории военного искусства» говорит: «Рыцари разделялись на два класса: высший и низший (haut et bas chevaliers, Herrn und Ritter), хотя неизвестно, в чем именно состояло это различие. По всей вероятности к первому классу принадлежали рыцари, которые могли поднять свое собственное знамя (lever baniere), т. е. выступить в поле с целой дружиной своих воинов, почему они и именовались также Баннергерами (Bannerherrn, banerets); беднейшие рыцари, служившие в войске своих ленных властителей, одни или с несколькими слугами, принадлежали ко второму классу.»

La Colombiere, Theatre d'honneur et de chevalerie.

Harduin de la Joaille, Boutillier etc.

Froissard, chap XX.

P. Menestrier. La Colombiers. La Rogue, etc.

Outerman, Histoire de Valenciennes.

Fargy, liv. III, p. 613. Beneton, Traite des marques nationales.

Monuserit du roi d'Anjou.

Военные игры совершались на коне в четырех отделениях (кадрилях), в которых немцы, аквитанцы, лотарингцы и бретанцы оспаривали друг у друга пальму первенства.

Le P. Menestrier.

La Colobiere, Theatre d'honneur et de chevalerie.

Un chevalier, n'eb doutez pas, Doit ferir haut et parler bas

M. de Barante, Histoire des dues de Bourgogne.

La Colombiere.

Marehangy, Gaule poetique.

Гомер, Илиада, песнь I.

Г. Лакиер называет их сверхштатными помощниками герольдов,
Русская Геральдика.

Lebrun de Charmettes, Histoire de Jeanne d'Arc.

Villaret, Histoire de France, tome XI.

Chateaubriand, Etudes historiques.

Chateaubriand, Etudes historiques.

Chateaubriand, Etudes historiques.

Так называется у католиков то блюдо, которое священник дает целовать, когда приносят дары.

Marchangy, Tristan le Voyageur, t. III.

Лакиер, Русская Геральдика.

Lacurne de Saint Palaye, Memoire sur l'ancienne chevalerie.

Lacune de Saintr Palaye, Memoire sur l'ancienne chevalerie.

La Colombiere. Lacune de Sainte Palaye. Grassier, Histoire de la chevalerie.

Lacune de Saintr Palaye. La Colombiere.

В доказательство этой страсти считаем не лишним привести здесь рассказанный в Спб, Ведомостях (30 ноября 1858 г.) факт. «Один рыцарь, объявляя себя страстным почитателем Вергилия, провозглашал его первым поэтом всех веков и народов; а кто не согласен был с его мнением, того он вызывал на смертный бой. За охотниками подраться остановки не было: один предпочитал Гомера, другой Овидия, третий Горация — и поединки сменялись поединками; не одно копьё было изломано в честь того или другого поэта, но почитатель певца „Энеиды“ и „Георгик“ постоянно оставался победителем. Семь рыцарей пали под его ударами; наконец явился восьмой противник, объявивший, что первый поэт — Тибулл. Они сразились, и поклонник Вергилия был поражен смертельным ударом. Перед кончиной, исповедуя свои грехи духовнику, рыцарь покаялся, что никогда не читал Вергилия.»

Lacretelle, Histoire des guerres de religion.

Anquetil, Histoire de France.

D'Argentre, Histoire de Bretagne, liv.6, chap. 27. Don Moris, Histoire de Bretagne, liv.6.

Le comte de Tressan, dans Tristan de Leoais.

Histoire des chevaliers de Maltr, Tours, Ad. Mameet C°, editeurs.

Chateaubriand, Genie du Christianisme.

Chateaubriand, Genie du Christianisme.

Michaud, Histoire des Croisades, tome V.

Ampere.

80

Ampere.

Michaud, Histoire des Croisades.